

МЫСЛЬ И ЯЗЫКЪ.

А. Потебни.

2-Е ИЗДАНІЕ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ АДОЛЬФА ДАРРЕ, РЫБНАЯ УЛИЦА, № 28.

1892.

На основанії 41 ст. п. 4 и ст. 138 Уст. Рос. Унів. 1884 г. какъ
настоящее сочиненіе, такъ равно и приложенное къ нему предисловіе,
составленное профессоромъ Дриновскимъ, разрѣшается къ печатанію и къ
выпуску въ свѣтъ. 1892 г. Іюня 3.

Ректоръ Императорскаго Харьковскаго Университета

М. Алексѣенко.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Вместо предисловія	V
I. Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка.	1
II. Беккеръ и Шлейхеръ	9
III. В. Гумбольдъ	27
IV. Языкоизнаніе и психологія.....	48
V. Чувственныя воспріятія.....	64
VI. Рефлексивныя движенія и членораздѣльный звукъ	78
VII. Языкъ чувства и языкъ мысли	90
VIII. Слово, какъ средство апнерценціи	111
IX. Представленіе, сужденіе, понятіе	139
X. Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли	177

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Сочиненіе «Мысль и языкъ», обнародованное лѣтъ тридцать тому назадъ въ журналѣ Министерства Народнаго Пропаганды, за 1862 г., въ настоящее время сдѣлалось большою библиографическою рѣдкостю и даже совсѣмъ почти позабыто. Между тѣмъ оно имѣетъ важное значеніе, которое, можно надѣяться, съ теченіемъ времени будетъ только возвратить.—Въ этомъ своемъ сочиненіи покойный А. А. Потебня, излагая взгляды Гумбольта и его школы на отношеніе языкоznанія къ психологіи и логикѣ, выставилъ рядъ своихъ собственныхъ выводовъ, какъ по этимъ общимъ, такъ и по многимъ привходящимъ сюда частнымъ вопросамъ, выводовъ, ставящихъ задачи русскаго и вообще славянскаго языкоznанія на широкую основу исторіи мысли. Развитые здѣсь взгляды покойный авторъ проводилъ во всѣхъ послѣдующихъ своихъ трудахъ, находящихся вслѣдствіе этого въ столь тѣсной связи съ его сочиненіемъ «Мысль и языкъ», что читателю, незнакомому съ послѣднимъ, многое въ нихъ будетъ представляться неяснымъ, недосказаннымъ. Это особенно можетъ относиться къ его «Запискамъ по русской грамматикѣ», гдѣ, разсыпая поражающіе мѣткостю и новизною выводы при анализѣ отдѣльныхъ явлений, онъ мало заботится объ общей связи между частными своими обобщеніями, полагая, повидимому, что читатели и сами съумѣютъ найти ее при помощи сочиненія «Мысль и языкъ», представляющаго стройное изложеніе почти всѣхъ основныхъ взглядовъ покойнаго на отношеніе слова къ мысли. Этихъ своихъ взглядовъ А. А. Потебня держался до конца своей жизни, о чёмъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ оконченный не-

задолго до его смерти и приготовляемый нынѣ къ печати III-й томъ «Записокъ по русской грамматикѣ», гдѣ, разбирая мимоходомъ нѣкоторыя воззрѣнія, изложенные въ новѣйшей книгѣ Макса Мюллера—*Das Denken im Lichte der Sprache* (1887 г.), онъ противопоставляетъ имъ свои давнишніе взгляды на отношеніе элементовъ слова къ понятіямъ и представлѣніямъ, и вообще грамматики къ философіи.— Коснувшись сочиненія Макса Мюллера, появившагося недавно и въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Наука о мысли», кстати замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ весьма важныхъ научныхъ положеній, выработка которыхъ тутъ приписывается новѣйшимъ западноевропейскимъ ученымъ (Нуаре), давно развиты А. А. Потебнею въ переиздаваемой теперь его ранней работѣ, аналогичной по содержанію съ новою книгою англійскаго языковѣда.

M. Дриновъ.

МЫСЛЬ И ЯЗЫКЪ.

I. Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка.

Вопросъ объ отношеніи мысли къ слову ставить лицомъ къ лицу съ другимъ вопросомъ, о происхожденіи языка, и наоборотъ, попытка уяснить начало человѣческой рѣчи, неизбѣжная при всякомъ усилии возвыситься надъ массою частныхъ данныхъ языкознанія, предполагаетъ извѣстный взглядъ на значеніе слова для мысли, и степень его связи съ душевною жизнью вообще.

Имѣя въ виду изложить иѣкоторыя черты той теоріи языка, основателемъ коей можетъ считаться В. Гумбольдтъ, мы по свойству самого предмета, должны вмѣстѣ говорить и о происхожденіи слова. Начнемъ съ указанія на иѣкоторые прежніе взгляды, которые должны быть разрушены, чтобы дать мѣсто новымъ.

Прежде всего должны быть устраниены взаимно противоположныя мнѣнія о сознательномъ изобрѣтеніи слова людьми и о непосредственномъ созданіи его Богомъ. Оба эти мнѣнія очень стары, но возобновлялись и въ недалекія отъ насъ времена и всегда, несмотря на различіе въ частностяхъ, сходились въ основныхъ положеніяхъ, заключающихъ въ себѣ внутренняя противорѣчія.

Теорія сознательно-намѣренного изобрѣтенія языка предполагаетъ, что природа и формы человѣческой жизни податливо-готовы принять все виды, какіе заблагоразсудить имъ дать произволъ человѣка; она построена на вѣрѣ во всемогущ-

ство разума и воли, на что-бы они ни были направлены: на преобразование государства, литературы, или языка. Последователи этой теории придавали особенный въѣцъ произвольности некоторыхъ правилъ литературного языка и отсюда заключали о конститутивномъ вліяніи грамматическихъ работъ, на языкъ вообще. Цѣль грамматики, говоритъ Мерзляковъ, «оградить языкъ отъ чуждаго вліянія, то-есть сохранить его чистоту и характеръ, опредѣлить каждого слова собственность, доставить каждому надлежащей границы значенія, то-есть даровать ему точность и определенность, несмотря на прихоти употребленія, которое, хотя въ вѣчной враждѣ съ грамматикою, по совершенно уничтожено быть не можетъ, какъ средство, придающее слогу иногда краткость, силу, или по-крайней-мѣрѣ, живость и легкость ¹⁾». «Языкъ отечественный, по словамъ другаго ученаго того времени, Каченовскаго, не можетъ быть точнымъ, постояннымъ, совершенно вразумительнымъ въ самыхъ малѣйшихъ оттѣнкахъ понятій, если грамматика не предпишетъ ему твердыхъ правилъ». «Каждый языкъ, доколѣ не имѣть своихъ собственныхъ правилъ извѣстныхъ, извлеченныхъ изъ его внутренней природы, дотолѣ подверженъ бываетъ частымъ измѣненіямъ отъ вліянія на него другихъ сосѣдственныхъ или даже отдаленныхъ языковъ». Здѣсь некоторая примѣсь чуждой этому направленію мысли о самостоятельности и народности языка, но всегда за тѣмъ опять переходъ къ любимой темѣ—неограниченной власти человѣка: «когда-же появляются сіи благодѣтельные законодатели, отечественному языку своему назначающіе кругъ его дѣйствія и предѣлы его движеніямъ? Безъ сомнѣнія, уже въ то время, когда языкъ сдѣлался уже богатымъ, по мѣрѣ приобрѣтенныхъ народомъ познаній, когда въ народѣ явились уже превосходные писатели, однимъ словомъ, когда просвѣщеніе пустило уже глубоко свои корни ²⁾». Такимъ-образомъ законодательство, сообщающее языку всѣ

¹⁾ Труды Об. Люб. Русск. Слов. I, 60, 1812 г.

²⁾ Тр. Об. Л. Р. Сл. IX, 19—20. 1817. Ср. Мерзл. Тр. Об. I. 58.

требуемыя превосходныя качества, возможно только тогда, когда языкъ самъ приобрѣлъ ихъ и не нуждается въ законодательствѣ. Употребленіе, враждующее съ грамматикой и неосуждаемое на смерть, только ради иѣкоторой приносимой имъ пользы, оказывается единственою законодательною властью; но такъ-какъ оно прихотливо и непостоянно, то можно думать, что въ языкѣ вовсе нѣть законовъ. Все въ немъ какъ-то случайно, такъ-что, напр. раздѣленіе его на нарѣчія не есть слѣдствіе въ немъ самому скрытыхъ условій жизни, а дѣло виѣшнихъ обстоятельствъ, въ родѣ татарскаго погрома: «исполненными шагами текли Россы къ обогащенію своего языка: какъ вдругъ гроза, которую честолюбіе князей давно готовило, обрушилась надъ нашимъ отечествомъ и истребила только возраставшіе успѣхи просвѣщенія... Сѣверозападная часть Россіи заняла много словъ, *а еще болѣе окончаний* (?!), свойственныхъ языку литовцевъ» (оттуда белорусское нарѣчіе); «языкъ южной Руси, потерявъ сродство съ славяно-русскимъ, совершенно приблизился къ польскому» (оттуда малорусское нарѣчіе); «все-же государство... перенимало множество речений татарскихъ¹⁾.

Съ подобными убѣжденіями въ государствѣ произволя надъ языкомъ странно сталкивались мнѣнія о необходимости и важности слова. Словомъ, говорить Ломоносовъ, который здѣсь можетъ намъ служить представителемъ многихъ другихъ, человѣкъ превосходитъ прочихъ животныхъ, потому что оно дѣлаетъ возможнымъ общеніе мысли, связываетъ людей въ общество. Люди безъ слова были бы похожи на разбросанныя части одной машины, «не только лишены-бы были согласнаго общихъ дѣлъ теченія, которое соединенiemъ разныхъ мыслей управляется, но едва-ли-бы не были хуже звѣрей²⁾.» Очевидно, что человѣкъ въ такомъ состояніи, когда онъ хуже звѣря, не можетъ быть изобрѣтателемъ языка, который ставить его выше прочихъ животныхъ, а

¹⁾ Орнатовскій, новѣйшее начерт. правилъ Росс. Грам. Харьковъ, 1810 г. 28.

²⁾ Лом. Грам. § 1.

потому можно-бы думать, что слово врождено человѣку; но это не такъ, потому-что необходимымъ и врожденнымъ въ человѣкѣ можетъ-быть признана развѣ мысль, но не связь ея съ членораздѣльнымъ звукомъ. Звукъ есть средство выражения мысли очень удобное, но не необходимое. Неудобство мимики, какъ средства сообщенія мысли, по Ломоносову, только въ томъ, что движеніями нельзя говорить безъ свѣта¹⁾.

Музикальные свойства голоса то-же только отчасти неудобны; повышение и понижение, степень силы и долготы даютъ звуку столько разнообразія, что, еслибы возможны были люди со струнами на груди, но безъ органовъ слова, то звуками струнъ они могли-бы свободно выражать и сообщать другимъ свои мысли. Съ другой стороны, и мысль существуетъ независимо отъ языка. Конечно, если-бы понятіе было невозможно безъ слова, то языкъ не могъ-бы быть человѣческимъ изобрѣтеніемъ, потому-что одни членораздѣльные звуки еще не языкъ, а предположивъ существование изобрѣтающей мысли до языка, тѣмъ самымъ нужно было бы предположить и слово, такъ-что для изобрѣтенія языка быль-бы нуженъ готовый уже языкъ. Но такое затрудненіе устраяли утвержденіемъ, что какъ чувственная восприятія и ихъ воспоминанія происходятъ и въ человѣкѣ и въ животномъ безъ помощи слова, такъ и общія представленія только удерживаются въ памяти, сообщаются другимъ и совершенствуются, а не образуются посредствомъ слова. Согласно съ этимъ мнѣнія послѣдователей этой теоріи о происхожденіи языка совершенно противоположны приведенному въ ней положенію о его необходимости.

Сначала люди жили, какъ животныя, потомъ почувствовали побужденіе соединиться въ общество и найти средство взаимнаго сообщенія мысли. Вѣроятно, прежде всего вспала имъ на умъ мимика, но вслѣдствіи они увидѣли недостатки этого языка, замѣтили, что душевныя движения заставляютъ ихъ издавать известные звуки и что посредствомъ подоб-

¹⁾ Ib. § 8.

ныхъ звуковъ животныя понимаютъ другъ друга. Естественно было примѣнить къ дѣлу это открытие и сдѣлать звуки знаками мысли. Первые слова были звукоподражательные. Изобрѣтатели языка поступали, подобно живописцу, который, изображая траву или листья древесные, употребляется для этого зеленую краску; желая напр. выразить предметъ дикий и грубый, избирали и звуки дикие и грубые. Затѣмъ, ободренные успѣхомъ, люди стали выдумывать слова, имѣвшія болѣе отдаленное сходство съ предметами. Изобрѣтеніе словъ для общихъ представлений то-же не представило особыхъ трудностей: общія представлія уже были: должны были явиться и названія для нихъ, потому-что, въ противномъ случаѣ, пришло-бы не только для всякаго новаго предмета известнаго рода, но и для всякаго новаго восприятія того-же предмета имѣть особое слово, а такого множества словъ не могла бы вмѣстить никакая память, да и самое пониманіе было-бы невозможно. Такъ появились и части рѣчи: нужно было назвать субстанцію—выдумывали существительное, сами не зная, подобно пынѣшимъ необразованнымъ людямъ, что это—существительное; требовалось обозначать качество—выдумали прилагательное и т. д. Не слѣдуетъ поражаться глубокимъ разумомъ, съ какимъ въ языке звуки передаютъ изгибы мысли, потому-что языкъ, подобно всѣмъ человѣческимъ изобрѣтеніямъ, вначалѣ грубъ и только исподволь достигаетъ совершенства (при чемъ забывается принимаемая многими и въ XVIII в. мысль, что и грубѣйшіе языки устроены премудро, т. е. стоять безконечно выше намѣренного, личнаго творчества). Не слѣдуетъ также слишкомъ удивляться изобрѣтателямъ языка, потому-что дѣло ихъ вытекло не изъ глубокаго размышленія, а изъ чувства нужды¹⁾ (какъ будто наше уваженіе къ великому человѣку уменьшится отъ того, что ему необходимо было самому сознать необходимость истины, прежде чѣмъ показать ее свѣту).

¹⁾ Такъ Тидеманъ (XVIII в.) и мн. др. см. Steinthal, Der Ursprung der Sprache. 2-е изд. 5—12.

Противорѣчіе между необходимостью языка и произволомъ въ его изобрѣтеніи совершенно вѣрно общему направлению теоріи сформулировано у Орнатовскаго: «языкъ или слово, въ обширийшемъ смыслѣ, есть способность выражать понятія членораздѣльными звуками; языкъ, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, есть содержаніе (по Тидеману, прямо, собрашеніе) всѣхъ тѣхъ членораздѣльныхъ звуковъ, которые какой-либо народъ, по общему согласію, употребляетъ для взаимнаго сообщенія понятій»¹). «Даръ слова есть даръ общий, естественный, необходимый; напротивъ того языкъ, употребление сего дара, есть нѣчто *искусственное, произволенное, зависящее отъ людей*; онъ есть изобрѣтеніе, «слѣдствіе договора, заключеннаго членами общества для сохраненія общаго единогласія»²).

Въ мысли о постепенномъ совершенствованіи языковъ видно законное стремленіе низвести къ возможно меньшимъ величинамъ все врожденное и сразу данное человѣку; но это стремленіе, дурно направленное, привело къ тому, что искомая величина, высокое развитіе человѣка, припята за данную и уже готовую. При этомъ самый процессъ искаанія оказывается излишнимъ. Такъ напр., языкъ нуженъ для общества, для согласнаго теченія его дѣлъ, но онъ предполагаетъ уже договоръ, следовательно общество и согласіе. Совершенствование мысли возможно только, посредствомъ ея сообщенія, науки, поэзіи, следовательно—слова; но слово возможно только тогда, когда мысль достигла совершенства, уже и безъ него. Нѣть языка безъ пониманія, но пониманіе возможно только посредствомъ словъ, незамѣнимыхъ самою выразительной мимики. Положимъ, что можно условиться, посредствомъ мимики, называть столъ *столомъ*, но тогда нужно будетъ принять, что въ другихъ предшествующихъ случаяхъ связь между членораздѣльнымъ звукомъ и мыслью была непосредственно понятна, т. е., что, рядомъ съ произ-

¹) Орнат. новѣйш. начерт. и пр. стр. 37.

²) Ib. стр. 8, 36.

вольно выдуманными и условными словами, были въ языкѣ слова непроизвольный и всѣмъ одинаково вразумительныя, безъ договора. Это уничтожаетъ основное положеніе, что языкъ есть дѣло договора, наборъ условныхъ знаковъ.

Второе предположеніе, о Божественномъ началѣ языка въ неразвитой формѣ, впервые появилось, по всей вѣроятности, задолго до разсмотрѣннаго выше, но оно имѣть мѣсто и въ исторіи развитія близкихъ къ намъ по времени взглядовъ на языкъ. Мысль, что въ языкѣ есть много сторонъ, о которыхъ и не снислось человѣческому произволу, и что сознательно направленныя силы человѣка ничтожны въ сравненіи съ задачами, которыя решаются языкомъ, можетъ служить спасительнымъ противодѣйствіемъ теоріи намѣреннаго изобрѣтенія; но въ теоріи откровенія языка эта мысль представляется въ такомъ видѣ, что уничтожаетъ сама себя, или возможность изслѣдованія языка вообще.

Откровеніе языка можно понимать двояко: или послѣ создания, Богъ въ образѣ человѣческомъ былъ учителемъ первыхъ людей, какъ полагаетъ Гаманинъ¹⁾, или же языкъ открылся первымъ людямъ посредствомъ собственной ихъ природы.

Въ первомъ случаѣ предполагается, что Богъ говорилъ, а люди понимали; по какъ даръ невозможенъ безъ согласія принимающаго, такъ пониманіе Божественнаго языка предполагаетъ въ человѣкѣ знаніе этого языка, возможность создать его собственными силами. Дѣти выучиваются языку взрослыхъ только потому, что при другихъ обстоятельствахъ могли-бы создать свой.

Во второмъ предположеніи, что языкъ непосредственно вложенъ въ природу человѣка, то-же два случая: 1) если даны человѣку только зародыши силъ, необходимыхъ для созданія слова, и если развитіе этихъ силъ совершилось по законамъ природы, то начало языка вполнѣ человѣческое и Богъ можетъ-быть названъ творцомъ языка только въ томъ

¹⁾ Steinthal, Der Urspr. d. Spr. 56.

смыслъ, въ какомъ онъ—Создатель міра; 2) поэтому остается только одно предположение, что высоко совершенный языкъ непостижимыми путями сразу внушенъ человѣку. Тѣмъ самыемъ вся сила теоріи Божественного создания языка сосредоточивается въ утверждении превосходства первозданного языка надъ всѣми позднѣйшими.

Такъ-какъ теперь языкъ образованного народа, по объему и глубинѣ выраженной въ немъ мысли, ставится выше языка дикарей, то и совершенства первобытного языка могли состоять не въ одномъ только благозвучіи, но и въ достоинствѣ содержанія. Божественный языкъ во всемъ долженъ былъ соотвѣтствовать первобытному, блаженному состоянію человѣка. «Тотъ языкъ, говорить К. Аксаковъ¹⁾, которыемъ Адамъ въ раю называлъ весь міръ, былъ одинъ *настоличій* для человѣка; но человѣкъ не сохранилъ первоначальнаго блаженнаго единства первоначальной чистоты, для того необходимой. Падшее человѣчество, утративъ первобытное и стремясь къ новому *высшему* единству, пошло блуждать разными путями; сознаніе, одно и общее, облеклось различными призматическими туманами, различно преломляющими его свѣтлые лучи и стало различно проявляться». Въ этихъ замѣчательныхъ словахъ собраны все несособразности, которыми страдаетъ теорія откровенія языка. Мудрость, дарованная въ началѣ человѣку безо всякихъ усилий съ его стороны, а вмѣстѣ нераздѣльная съ нею высокая достоинства языка, могли только забываться и растрачиваться въ послѣдующихъ странствованіяхъ человѣка по земной юдоли. Исторія языка должна быть исторіею его паденія. По-видимому это подтверждается фактами: чѣмъ древнѣѣ флексирующей языкъ, тѣмъ онъ поэтичнѣе, богаче звуками и грамматическими формами; но это паденіе только мнимое, потому-что сущность языка, связанная съ нимъ мысль растетъ и преуспѣваетъ. Прогрессъ въ языкахъ есть явленіе до такой степени несомнѣнное, что даже съ точки противоположной ему

¹⁾ Опыты Русск. Грам. Ч. I. Вып. I. 1860. Стр. 3.

теорії нужно было признать, что единство, къ которому стремится человѣчество своими средствами, выше того, которое скрыто отъ насъ «призматическими туманами». Если же языкъ, которымъ говорить человѣкъ, бывшй еще только сосудомъ высшихъ вліяній, въ чемъ-нибудь несовершеніе языка людей, которымъ дана свобода заблуждаться, согласно съ ихъ природою; то роль, предоставляемая Божеству въ созданіи языка, блѣдна, въ сравненіи съ участіемъ человѣка, чтб не можетъ быть соглашено съ чистотою религіозныхъ вѣрованій.

Самое раздробленіе языковъ, съ точки зреінія исторіи языка, не можетъ быть названо паденіемъ; оно не гибельно, а полезно, потому-что, не устранивъ возможности взаимного пониманія, даетъ разносторонность общечеловѣческой мысли. При-томъ, медленность и правильность, съ которою оно совершается, указываетъ на то, что искать для него мистического объясненія было-бы также неумѣстно, какъ напр. для измѣнений земной коры или атмосферы ¹⁾.

II. Беккеръ и Шлейхеръ.

Нѣсколько дольше остановимся на теоріи бессознательного происхожденія языка, построенной на сравненіи языка съ физіологическими отправленими или даже съ цѣльными организмами. Однимъ изъ представителей этой теоріи будеть намъ служить Беккеръ, авторъ книги: «Organism der Sprache», къ сожалѣнію болѣе у насъ извѣстной, чѣмъ посвященное ея разбору, прекрасное сочиненіе Штейнталя «Grammatik, Logik und Psychologie», которымъ мы будемъ пользоваться при послѣдующемъ изложеніи.

«Организмъ» есть для Беккера ключъ къ разрѣщенію всѣхъ недоумѣній, относительно языка; но самое это слово понимается имъ такъ, что не можетъ объяснить ровно ничего. «Въ живой природѣ, говорить онъ, по общему ея закону,

¹⁾ Cp. Grimm, Der Urspr. der Sprache. Abhandl. der Akad. zu Berl. 1851. 115—120.

всякая дѣятельность проявляется въ веществѣ, все духовное—въ тѣлесномъ, и въ этомъ тѣлесномъ проявленіи находитъ свое ограниченіе и образованіе (*Gestaltung*)»¹⁾. «Всеобщая жизнь природы *становится органическимъ жизнью*, проявляясь въ своихъ особенностяхъ: всякое органическое существо (*Ding*), представляется воплощеною особенностью всеобщей жизни, какъ-бы воплощеною мыслью природы»²⁾. Но въ мірѣ мы находимъ только частности, только «воплощенія» уже «особенности», а «мысль природы» есть очевидно не болѣе, какъ общее понятіе, къ которому мы возводимъ частные явленія. Такому обобщенію можетъ-быть подвергнуто все безъ исключенія; а потому подъ приведенное опредѣленіе подходитъ и живой организмъ, вполнѣ принадлежащий природѣ, и мертвый механизмъ, представляющій намѣренное видопрѣмененіе данного природою материала.

Это всеобъемлющее значеніе организма не ограничивается и двумя другими его признаками, выведенными изъ основной мысли о воплощеніи: а) такъ-какъ «общая жизнь природы» или «ея мысль»—не болѣе какъ родовыя понятія, по отношенію къ коимъ понятія видовыхъ должны имѣть между собою иѣчто общее, то понятно, что всѣ органическія существа—по отношенію къ общей жизни природы, и отдельные органы каждого существа порознь—по отношенію къ идеѣ этого существа, должны быть сходны въ извѣстныхъ основныхъ типахъ образованія и развитія; упомянутое сходство ничего, стало-быть, не прибавляетъ къ первому определенію организма; б) если въ понятіи (идеѣ; слово *Begriff*, по Беккеру, въ этомъ мѣстѣ тождественно съ *Lebens-function*) органическаго существа заключены уже съ самаго начала всѣ особенности этого существа, то «воплощеніе», т. е. появление его можетъ-быть не «внѣшнимъ сложеніемъ органовъ», а «развитіемъ изнутри». «Законъ развитія организма заключенъ въ его идеѣ (*in der besonderen Lebens-function*), и по-

¹⁾ Org. d. Spr. 2-te Ausg. § 1.

²⁾ Ib. § 4.

тому органическое развитие совершается по внутренней необходимости»¹⁾; какъ развитие извнутри, такъ и необходимость этого развитія—это свойства мысли, независимыя отъ того, будеть-ли предметомъ этой мысли органическое или неорганическое.

Хотя, согласно съ этими положеніями, Беккеръ не долженъ-бы видѣть въ мірѣ ничего кромѣ организма, потому что для всего данного можетъ-быть найдена идея, въ немъ обособленная и управляющая его бытіемъ; но тѣмъ-не-менѣе онъ находитъ противоположность организму въ произведеніи искусства (т. е. механизма). Это послѣднее, говоритъ онъ, «вытекаетъ (произвольно) изъ мысли (Reflexion), возбужденной виѣшию нуждой, а не изъ самой жизни и не изъ внутренней необходимости (какъ организмъ); оно не въ себѣ самъ носитъ законъ своего развитія, а получаетъ его отъ разума изобрѣтателя»²⁾. Но разумъ или, что на то-же выйдетъ, человѣкъ, какъ разумное существо, какъ одно изъ необходимыхъ проявленій предполагаемой общей жизни природы, есть организмъ; всѣ его отравленія, между прочимъ, фабрикація машинъ, внутренне необходимы: поэтому машина, по Беккеру, есть то-же организмъ. Она строится по зародившемуся въ мысли плану, и слѣдовательно развивается извнутри; всѣ ея части имѣютъ значеніе только въ цѣломъ, а цѣлое возможно только въ частяхъ, изъ коихъ каждая носить на себѣ общий всѣмъ остальнымъ отпечатокъ. Можно, правда, сказать, что машина создается внѣшними средствами, но, во первыхъ, въ мірѣ, составляющемъ органическое воплощеніе своей идеи, всѣ средства органичны, а во вторыхъ, и животное или растеніе развивается иначе, какъ принимая и усваивая первоначально внѣшнія для себя вещества. Что-же до противоположенія свободы, съ какою создается машина, и необходимости въ жизни организма, то оно и для самого Беккера не существуетъ,

¹⁾ Org d. Spr. § 4.

²⁾ Ib. § 6.

потому-что свобода, по его мнѣнію, есть только то въ извѣстномъ явленіи, чему сразу мы не пріищемъ закона, такъ напр. постоянно-одинаковое число жилокъ въ листкахъ плюща есть необходимость, а разнообразная, то почти круглая, то остроконечная форма этихъ листковъ—свобода¹⁾.

Уже изъ сказанного можно видѣть, въ чемъ основная ошибка Беккера. Онъ принимаетъ явленія природы за воплощеніе ихъ идеи, т. е. смотрить на нихъ по отношенію къ цѣли, потому-что воплощеніе идеи есть цѣль явленія, въ немъ самомъ заключенная. Это не болѣе, какъ логический пріемъ, примѣненный, хотя неодинаково, ко всему, пріемъ, который самъ по себѣ не можетъ еще дать реального опредѣленія, какое въ немъ находитъ Беккеръ. Отсюда необыкновенная путаница въ словахъ, приведенныхъ нами въ началѣ. Извѣстно, что логически-правильное опредѣленіе должно заключать въ себѣ родовой признакъ (понятіе общее) и видовое отлигие (понятіе частное, по отношенію къ первому); но, въ опредѣленіи организма, Беккеръ принимаетъ за видовое такое понятіе, которое въ дѣйствительности есть общее, по отношенію къ тому, которое онъ считаетъ родовымъ. Организмъ, по его словамъ, есть всеобщая жизнь природы (понятіе общее), проявившаяся въ своихъ особенностяхъ (понятіе осуществленія идеи, т. е. понятіе цѣли, которое, по намѣренію автора, должно-быть частнымъ сравнительно съ понятіемъ природы, но на дѣлѣ—есть общее, потому-что многаго, составляющаго проявленіе и обособленіе мысли, напр. сапоговъ, часовъ и т. п. мы не назовемъ организмомъ). Это все равно, какъ еслибы кто опредѣлялъ грамматику такимъ образомъ: «Грамматика есть наука» (общее понятіе), «составляющая одно изъ произведеній дѣятельности человѣческаго ума» (понятіе, которое должно-быть частнымъ, но есть общее, потому-что не всякое произведеніе ума есть наука).

¹⁾ Steinal. Gr. L-u. Ps. § 5, гдѣ выписка изъ соч. Беккера „Das Wort“.

Еще яснѣе бесплодный формализмъ Беккера, въ определеніи одного изъ основныхъ, по его мнѣнію, признаковъ организма; именно—полярныхъ противоположностей, въ коихъ «заключается законъ развитія организма»¹). «Органически-противоположными (Organisch different) называются въ естественныхъ наукахъ такія дѣятельности и вещества, которые именно своею противоположностью взаимно условливаютъ другъ друга и находятся въ такихъ отношеніяхъ, что *a* есть только потому *a*, что противоположно *b*, и наоборотъ». Таковы напр. въ организмѣ земли—противоположности положительного и отрицательного электричества, сѣверной и южной полярности, въ животномъ организмѣ—противоположности сжиманія и расширенія, усвоенія и отдѣленія (ассимиляціи и секреціи), мускула и нерва и пр.²). Эти противоположности законны только въ наукахъ, разсматривающихъ элементарныя силы природы въ полномъ ихъ разъединеніи; организмъ-же можетъ быть понять, только изъ совокупности того, что входитъ въ его составъ. Несправедливо будетъ выдѣлять изъ животнаго организма мускуль и противополагать его только перву, если мускуль такъ-же невозможенъ безъ первовъ, какъ и безъ жиль и костей. Если-же примемъ, что въ организмѣ *a*, какъ зависящее отъ *b*, *v*, *g*, *d*..., будетъ противоположно каждому изъ нихъ, точно такъ, какъ *b* будетъ противоположно *a*, *v*, *g*, *d*... и т. д., то это будетъ только значить, что *a* не есть *b* и пр., т. е. полярная противоположность окажется логическимъ отрицаніемъ, о которомъ Беккеръ совершенно справедливо говорить слѣдующее: «въ сужденіи *a* не есть *b*, мы только отрицаемъ тождественность двухъ видовъ одного рода, но не опредѣляемъ дѣйствительныхъ отношеній *a* и *b*»³). Сличивъ съ этимъ мысль Беккера, что органическая противоположность связываетъ части организма въ одно цѣлое⁴),

¹⁾ Org. der Sprache § 4 и мн. др.

²⁾ Ib. § 7.

³⁾ Org. der Sprache § 25.

⁴⁾ Ib. § 7.

мы увидимъ, что единство членовъ организма, по Беккеру, только въ томъ, что, положимъ, глазъ—не ухо, или, въ языкъ, глаголь—не имя. Такая связь, однако, въ глазахъ самого Беккера недостаточна, потому-что «противоположность только тѣмъ связывается въ мысли въ органическое единство, что одинъ ея членъ.... *принимается* въ другой, одинъ подчиняется другому». Такое соединеніе противоположностей въ единство, посредствомъ органическаго подчиненія,.. можетъ быть названо *логической формою мысли*¹⁾). И такъ это новое единство было-бы опять чисто формальное и не могло бы отдѣлить организма отъ неорганизма; но оно и логически невозможно, потому-что достигается взаимнымъ подчиненіемъ противоположностей, которые могутъ быть только соподчинены другъ другу, какъ равные члены высшаго понятія.

Послѣ этого, назвать языкъ организмомъ или органическимъ отправлениемъ, значитъ не сказать о немъ ничего; но Беккеръ вводитъ языкъ въ болѣе тѣсный кругъ органическихъ отправлений въ общепризнанномъ смыслѣ, и это служить для него источникомъ новыхъ ошибокъ. Въ своемъ сочиненіи «Das Wort» онъ говоритъ: «Если признать языкъ органическимъ отправлениемъ, которое, подобно другимъ, дано въ человѣческомъ организмѣ, вмѣстѣ съ единицей духовной и тѣлесной жизни...; то вопросъ о происхожденіи языка будетъ имѣть только такой смыслъ: какимъ образомъ человѣкъ впервые пришелъ къ совершенію этого отправления?... Способность дышать дается дыхательными органами; но для дѣйствительного дыханія, кромѣ органовъ, нужно еще вѣнчнѣе вліяніе (Reiz), возбуждающее ихъ къ дѣятельности; въ дыханіи это возбуждающее есть воздухъ, въ пищевареніи—пища. Въ примѣненіи къ языку это значитъ, что способность говорить дается органами слова, и вопросъ только въ томъ, что именно возбуждается эти органы къ дѣятельности? Органы слова могутъ возбуждаться только духовною дѣятельностью, подобно остальнымъ органамъ произвольного движе-

¹⁾ Org. der Sprache § 11.

нія, и разница лишь въ томъ, что послѣдніе вызываются къ дѣятельности влияніемъ воли, а первые— мыслю, познавательною способностью. Впрочемъ, такъ-какъ въ единствѣ человѣческаго духа чувство и воля не отдѣлены отъ мысли; то и въ отправленихъ органовъ слова проявляется чувство и воля, и наоборотъ, другіе органы произвольного движенія въ мимикѣ становятся органами слова... Человѣкъ такъ-же необходимо говорить, потому-что мыслитъ, какъ необходимо дышать, будучи окружены воздухомъ. Какъ дыханіе есть виѣшнее проявленіе внутрепнаго образовательнаго процесса, (*Bildungsvorgang*), а произвольное движеніе—воли; такъ языкъ есть виѣшнее проявленіе мысли»¹⁾.

И такъ, темныя стороны образования языка должны намъ объясниться сравненіемъ его съ физиологическимъ процессомъ дыханія, но, во первыхъ: въ дыханіи и органы, и возбуждающій ихъ воздухъ, равно принадлежать къ области физическихъ явлений и дѣйствуютъ по яснымъ законамъ, въ языкѣ-же не видно ничего общаго между органами слова и мыслию, и никакой физической или химической законъ не опредѣляетъ дѣятельности мысли въ языке. Въ дыханіи воздухъ, возбуждающее средство, проникаетъ въ легкія, приходитъ тамъ въ соприкосновеніе съ кровью, химически измѣняется, и затѣмъ вытѣсняется изъ груди; но развѣ мысль проходитъ въ органы слова, измѣняется тамъ такимъ извѣстнымъ образомъ, какъ воздухъ въ легкихъ, и опять удаляется?

Во вторыхъ, воздухъ уже существуетъ до дыханія, пища—до пищеваренія, но существуетъ-ли мысль до слова? На этотъ вопросъ Беккеръ отвѣчаетъ въ разныхъ мѣстахъ то утвердительно, то отрицательно. «Не слѣдуетъ думать, говорить онъ, будто языкъ произошелъ такимъ образомъ, что человѣкъ искалъ и находилъ звуки и слова, для выраженія заранѣе готовыхъ въ его душѣ понятій. Предметы природы необходимо появляются, какъ скоро даны органическія условія ихъ существованія, и такое органически-необходимое

¹⁾ См. Steinal Gr. L. u. Ps. § 14.

ихъ появление мы называемъ рожденiemъ; слово тоже рождается вмѣстѣ съ понятіемъ, а не отыскивается для него»¹⁾. «Мысль и языкъ внутренно тождественны»; «мысль только въ словѣ образуется и усовершается, потому-что предметы чувственного воззрѣнія только тогда становятся понятіями, когда превращены въ предметы духовнаго воззрѣнія и въ словѣ противопоставлены мысли»²⁾. Очевидно, что если понятіе рождается вмѣстѣ съ словомъ, или образуется только посредствомъ него, то не можетъ въ тоже время служить возбужденiemъ (Reiz) органовъ слова, потому-что, въ противномъ случаѣ мы-бы должны сказать, что и въ дыханіи не воздухъ возбуждаетъ дыхательные органы, а дыханіе возбуждаетъ само себя. Однако мысль, что понятіе образуется только посредствомъ слова, не можетъ быть истиннымъ убѣжденiemъ Беккера. Въ словѣ, по его мнѣнію, мысль воплощается и получаетъ опредѣленность, а между-тѣмъ понятіе гораздо неопредѣленнѣе, безобразнѣе чувственного образа, который служитъ для него матеріаломъ, такъ-что, создавая понятіе, слово должно-бы терять одинъ изъ основныхъ признаковъ своей органичности, именно «проявленіе общей жизни (идеп) въ своихъ частностяхъ». При томъ есть положительныя ручательства, что Беккеръ признавалъ существование не только мысли въ зародышѣ, но и понятія, до слова: «Только понятіе *вообще* воплощается въ звукѣ съ органическою необходимостью; *выборъ* же того или другаго звука, въ которомъ должно воплотиться понятіе, происходитъ съ органическою свободою»³⁾. Стало быть, если даже будемъ помнить, что, по Беккеру, свобода тождественна съ необходимостью; то на основаніи одного слова *выборъ*, предполагающаго существованіе понятія до слова, мы должны заключить, что Беккеръ можетъ себѣ представить только сознательное изобрѣтеніе языка, а не его «рожденіе», что не смотря на всѣ усилия

¹⁾ Das Wort. Steinalth Gr. L. u. Ps. § 24.

²⁾ Org. der Sprache § 4.

³⁾ St. Gr. L. u. Ps. § 15.

видѣть вездѣ необходимость, онъ видѣть только произволъ. Новое слово *организмъ* прикрываетъ у него только битыя-перебитыя еще въ прошломъ вѣкѣ понятія. Отношеніе двухъ различаемыхъ имъ сторонъ языка: логической (мысли) и фонетической (звука) — чисто виѣшнее; единство мысли и звука въ словѣ, подобное, по его мнѣнію, единству духа и тѣла въ человѣкѣ, на самомъ дѣлѣ понимается имъ, какъ случайная связь слова съ обозначающимъ его письменнымъ знакомъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ довольно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ того, какъ понимаетъ Беккеръ отношеніе содержанія словъ къ ихъ звукамъ въ такъ-называемыхъ имъ глагольныхъ корняхъ и грамматическихъ формахъ.

1. *Глагольные корни*. Оставя въ сторонѣ всѣ логическія беззаконія, совершенныя Беккеромъ, по поводу верховныхъ противоположностей *дѣятельности* и *бытія*, съ которыхъ идея мѣра начинаетъ свое воплощеніе и обособленіе, и по поводу отношенія развитія природы къ развитію человѣческаго ума¹⁾), мы согласимся, что «совокупность понятій, выраженныхъ въ языкѣ... есть продуктъ органическаго развитія разнообразія изъ единства». Высшее основное понятіе, изъ котораго въ умѣ человѣка выдѣляются всѣ остальные, есть понятіе дѣятельности въ ея чувственномъ проявленіи, т. е. *движенія*; самое понятіе бытія, по щучьему велѣнью, является производнымъ, хотя оно, какъ органическая противоположность движенія, должно-бы было самостоятельно, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, вытекать изъ общаго высшаго начала. Главное родовое понятіе «органически», посредствомъ разложенія на противоположности, развивается изъ себя свои ближайшія видовые понятія, эти такімъ-же путемъ дробятся на свои виды и т. д. Самая общая противоположность въ понятіи чувственного движения есть противоположность *дѣятельного* (движущагося) бытія и *объективного* отношенія.

Понятіе движущагося бытія дѣлится на противоположныя понятія *движенія живыхъ существъ* и *движеній стихий*.

¹⁾ См. Steinhalt, Gr. L. u. Ps. § 33, 34.

природы, влияющихъ на эти существа. *Движение живыхъ существъ* или обращено наружу, что обозначено у Беккера словомъ *ходить*, или-же есть движение внутреннее, обращенное на самый организмъ, въ немъ самомъ заключенное, и обозначаемое словомъ *рости*. Въ *движении стихий* различаются движения *света* и *звука* (свѣтить и звучать), *воздуха* и *воды* (вѣять и течь), соотвѣтствующія четыремъ чувствамъ: зрѣнію и слуху, обонянію и вкусу¹).

Понятіями *объективнаго отношенія* называетъ Беккеръ понятія дѣйствія, направленного на извѣстный предметъ и немыслимая безъ этого направлѣнія. Здѣсь—три пары противоположностей: *давать* и *брать*, *взять* и *рѣшить*, *разрушать* (дѣйствіе враждебное) и *покрывать* (защищать, охранять).

Полученный такимъ путемъ двѣнадцать «кардиナルныхъ» понятій, въ свою очередь, дѣлятся на свои частныя, между коими не видно даже и противоположностей, и которыхъ поэтомъ не имѣютъ между собою ужъ ровно никакой связи.

Понятія предметовъ и дѣйствій, неподлежащихъ чувствамъ, не имѣютъ въ языкѣ непосредственнаго выраженія и обозначаются или своими чувственными признаками (греч. λέγω, говорю, потомъ—думаю) или своими чувственными подобіями (Gegenbilder), какъ напр. *видѣть*—отъ *видѣть*²).

Еслибы фраза о единствѣ мысли и звука въ словѣ имѣла смыслъ въ глазахъ самого Беккера, то онъ долженъ-бы былъ стараться доказать, что всякой степени разложенія верховнаго понятія соотвѣтствуетъ извѣстная степень умноженія звуковыхъ формъ для частныхъ понятій; подобно некоторымъ филологамъ старого времени³), онъ долженъ-бы выводить не только содержаніе языка изъ одного всеобъемлющаго пони-

¹) „Нѣть особаго рода движенія, соотвѣтствующаго осѣзанію, потому-что этому чувству подлежатъ массы, которыя сами не движутся, а только приводятся въ движеніе“. Org. der Spr. 75.

²) Org. d. Spr. § 26.

³) См. указаніе на Фосса и Пассова въ Griechische Etymologie v. G. Curtius 79—80.

тія, но и весь корни его изъ одного общаго корня. Но это была-бы очевидная нелѣпость, а потому Беккеръ говорить слѣдующее: «Понятіе движенія никогда не представляется чувственному возврѣнію въ своей отвлеченної всеобщности, но всегда въ своей конкретной особенности, какъ движение птицы, камня, рѣки ¹⁾); такъ и въ языкѣ единое основное понятіе не можетъ выражаться однимъ кореннымъ словомъ, но уже *съ самого начала обозначается разными словами* ²⁾. «Тѣмъ не менѣе, если иссомнѣнно, что безконечное разнообразіе понятій въ германскихъ языкахъ развилось изъ понятій, выраженныхъ только 462 глагольными корнями (по Гrimmu), то это не меньшее чудо, чѣмъ то, что понятія, выраженные 462 глаголами, развились изъ двѣнадцати кардинальныхъ понятій» ³⁾, т. е. если мы вѣримъ Гrimmu, то должны вѣрить и Беккеру, забывая ту разницу между этими двумя учеными, что первый доказываетъ, а второй—нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что, по мнѣнію самого Беккера, исходная точка языка—это 462 (или сколько-бы то ни было, но все-таки много) корня, а исходная точка «естественнай системы» понятій—одно верховное понятіе дѣятельности и 12 выведенныхъ изъ него меньшихъ. Изъ этого различія исходныхъ точекъ видно уже, что языку нѣть дѣла до этой системы. Самъ Беккеръ очень удовлетворительно доказываетъ это слѣдующимъ: Метафизическая (или какъ-бы ее ии называть) система понятій должна быть во всемъ обязательна для всѣхъ языковъ; но на дѣлѣ она не годится даже для одного нѣмецкаго, потому-что не только въ разныхъ языкахъ, но и въ одномъ и томъ-же извѣстное понятіе, напр. *жити*, относится къ различнымъ классамъ (напр. къ классу *идти*, или *вѣлѣти*, или *свѣтити*—*горѣти*) ⁴⁾. Слѣдовательно,

¹⁾ Но такъ-какъ умственное развитіе начинается съ чувственного восприятія, то представленная Беккеромъ система дифференцированія понятій не имѣеть ничего общаго съ ходомъ развитія человѣческой мысли.

²⁾ Org. d. Spr. § 26.

³⁾ Ib.

⁴⁾ Cr. Org. d. Spr. 79.

и въ самой системѣ, и отношеніи ея къ звукамъ—произволь. Звуки для Беккера сами по себѣ, а значеніе само по себѣ; никто не найдеть ни малѣйшаго соотвѣтствія между его дѣленіемъ понятій (см. выше) и дѣленіемъ корней на корни изъ одной гласной, изъ гласной съ согласною к, т, п..., изъ согласной к, т, п... съ гласною и т. д. Въ языкахъ есть система, есть правильность (но не топорная симметричность), въ постепенномъ развитіи содержанія, но отыскивается она не априорическими построеніями. «Въ этимологіи, говорить Потть, рѣшительно нельзя принять никакого другаго распределенія словъ (Anordungs-princip), кроме генеалогического сродства» ¹⁾.

2. *Формы.* Чтобы показать, что и въ грамматическихъ формахъ слова Беккеръ можетъ себѣ представить только вѣнчшее и случайное отношеніе мысли и звука, начнемъ съ часто имъ высказываемаго утвержденія, что «языкъ есть только воплощеніе мысли». Формы мысли, т. е. понятій и ихъ сочетаній, разсматриваются въ логикѣ; но эти формы проявляются въ грамматическихъ отношеніяхъ словъ; поэтому грамматика, изслѣдованиемъ коей подлежать эти отношенія, «находится во внутренней связи» ²⁾, т. е., говоря точнѣе, главною свою стороною тождественна съ логикой ³⁾. Въ доказательство мысли, которую переполнена вся книга Беккера, именно, что языкъ есть воплощеніе только общечеловѣческихъ формъ мысли, укажемъ только на слѣдующее. Въ языкѣ Беккеръ видитъ два рода формъ: а) выраженія взаимнаго отношенія понятій, посредствомъ коего или частное подчиняется общему, или наоборотъ (какъ въ отношеніяхъ подлежащаго къ сказуемому, опредѣлительного къ опредѣляемому, дополнительного къ дополняемому); б) выраженія отношенія понятій къ категоріямъ бытія и дѣятельности, времени и пространства, дѣйствительности или недѣйствительности, возможности, необходимости, величины, т. е. выраженія лица, числа, времени, наклоненія.

¹⁾ Pott, Die Ungleichheit menschlicher Rassen 213.

²⁾ Org. d. Spr. § 10.

³⁾ Ib. § 47.

Логика одна и одиѣ формы мысли для всѣхъ народовъ; поэтому и языки, органическія воплощенія мысли, должны-бы различаться между собою только по звукамъ, а не по значенію своихъ формъ, должна существовать одна грамматика (философская, какъ ее называли встарину), равно обязательная для всѣхъ языковъ¹). Но въ дѣйствительности, одни языки богаче формами, другіе—бѣднѣе и это Беккеръ объясняетъ такимъ-образомъ: «формы выражения установлены фонетическимъ развитіемъ языка; поэтому отношенія во всѣхъ языкахъ различаемыя *всъ мысли*, не во всѣхъ изображаются звуковыми формами, имъ исключительно принадлежащими. Такъ всѣ языки различаютъ отношенія, которыя мы (т. е. немцы) обозначаемъ сослагательнымъ и условнымъ наклоненіями, но языки славянскіе и семитическіе не имѣютъ для нихъ особыхъ формъ, точно такъ и отношенія сказуемаго ко времени, и дополнительная объективная отношенія конечно одинаково различаются всѣми языками, но въ одномъ языкѣ бываетъ больше временъ и падежей, чѣмъ въ другомъ²). Совершеннѣе отсутствіе флексий къ китайскому языкѣ Беккеръ признаетъ явленіемъ *неорганическимъ*, изслѣдованіе коего можетъ принести языкоznанію только такую пользу, какую физіологія—изслѣдованіе уродливости организмовъ³). Но можно, умножая число случаевъ, въ которыхъ и совершенѣйшии языки не подходятъ подъ одну норму, дойти до того, что не останется въ языкахъ ничего нормального. Напр. если положимъ, что самое согласное съ логикою число падежей—это 2 прямыхъ (именительный и звателійный) и 3 косвенныхъ (винн., род., дат.), какъ въ греческомъ; то не только языки вовсе неимѣющіе падежей, но латинскій со своими шестью, славянскій съ семью, санскритскій съ восемью—окажутся уродливыми. Если-же исторія языка покажетъ намъ, что и въ языкахъ съ пятью падежами прежде было ихъ больше

¹⁾ Org. d. Spr. Vorrede zur 2-tem Ausg. XVIII.

²⁾ Org. d. Spr. Vorrede zur 2-tem Ausg. XVIII § 49.

³⁾ Org. d. Spr. Vorrede zur 2-tem Ausg. XVIII § 9.

или меньше, то и этотъ представляется намъ законнымъ воплощениемъ мысли только въ одинъ моментъ своей жизни.

Удерживаемъ предположеніе, что число *мыслейъ* отношений остается неизмѣннымъ, и что измѣняются только звуки: тогда будетъ непонятно, какимъ образомъ, звуки иногда (т. е. лучше сказать всегда) освобождаются отъ законовъ мысли, развиваются самостоительно, и даже обнаруживаются влияніе на логическую стихію слова¹⁾; будетъ непонятно, какими законами управляются эти звуковыя измѣненія, создающія или уничтожающія флексіи, если они не подчинены мысли, которую одну только должны были выражать языкъ; но совершенно ясно будетъ, что Беккеръ не можетъ себѣ представить другихъ отношений между стихіями слова, кроме случайныхъ. Мысль, по его взгляду, носится надъ словомъ, но не воплощается въ немъ; она вполнѣ развита сама по себѣ, и звукъ слова для нея только роскошь, а не необходимость. Начавши съ полнаго отрицанія теоріи произвольного созданія языка, Беккеръ подъ конецъ невольно сошелся съ нею въ результатахъ, принялъ независимость слова отъ мысли и философскую грамматику. Онь на словахъ только уважаетъ историческое и сравнительное языкоznаніе, на дѣлѣ же видитъ въ языке логическую сторону, при дѣйствительномъ существованіи коей сравненіе языковъ было-бы бесплодно, и ее только считаетъ достойною изученія.

Ошибки Беккера были-бы для насъ весьма мало поучительны, еслибы не опредѣлялись до значительной степени тѣмъ положеніемъ, въ которое онъ себя ставить, принимая за исходную точку сравненіе языка съ непосредственными созданіями природы. Непрестанное движение языка и его связь съ тѣмъ, что называется свободою воли, свойства, о которыхъ Беккеръ не упоминаетъ, но которыхъ не могли быть устранины изъ теоріи, отбросили его мысль на старые пути, которые онъ оставилъ было за собою. Почти также исторія повторилась и съ довольно известнымъ лингвистомъ, Шлейхеромъ.

¹⁾ Org. d. Spr. Vorrede zur 2-tem Ausg. XVIII.

Шлейхеръ тоже начинаетъ съ положенія, что мысль безъ языка, какъ духъ безъ тѣла, быть не можетъ¹⁾; но вслѣдъ за тѣмъ противорѣчить себѣ, утверждая, что отношенія понятій, дѣйствительно существующія въ мысли, могутъ не выражаться звуками. Эта мысль предполагается его дѣленіемъ языковъ: Слово языковъ односложныхъ, какъ китайскій, невыражающіхъ звуками отношеній, есть «строго недѣлимая единица, какъ въ природѣ кристаллъ». Слово языковъ приставочныхъ, грубо выражающихъ отношеніе самостоятельными словами, приставляемыми къ непримѣнному корню, есть скорѣe почва для другихъ недѣлимыхъ, чѣмъ субъективное единство членовъ, какъ въ природѣ растеніе. Въ языкахъ флексиирующихъ, каковы индо-европейскіе, въ коихъ отношеніе выражается окончаніемъ, непримѣннымъ самостоятельного бытія, и измѣненіями корня, слово есть опять единство, какъ въ односложныхъ, но уже единство, въ разнообразіи членовъ, какъ въ природѣ животный организмъ²⁾.

Строеніе совершилсяшихъ языковъ, флексиирующихъ, показываетъ, что они были никогда односложными и приставочными: члены системы наличныхъ языковъ суть представители смѣнявшихъ другъ друга периодовъ жизни языка. Но языкъ имѣть исторію только въ томъ смыслѣ, въ какомъ имѣеть ее растеніе и животное³⁾, а не въ томъ, въ какомъ существенный признакъ исторіи есть свобода. Жизнь языка не есть непрерывный прогрессъ. Въ историческая времена замѣчаемъ только паденіе языковъ, такъ-что напр. латинскій языкъ гораздо богаче формами, чѣмъ происшедшіе отъ него романскіе; поэтому восходящее движеніе языка, о которомъ выше, должно быть отнесено ко временамъ доисторическимъ. «Исторія и языкъ (т. е. его создание и усовершенствованіе)—это смыняющія другъ друга дѣятельности человѣческаго духа». «Что въ исторіи земного шара дочеловѣческий

¹⁾ Schleicher, Die Sprachen Europas Bonn. 1850.

²⁾ Schleicher, ib. 7—9.

³⁾ Schleicher, ib. 11.

періодъ, то въ исторіи человѣка доисторическій: въ первомъ недоставало самосознанія (т. е. человѣка), во второмъ — его свободы; въ первомъ духъ¹⁾ былъ связанъ въ природѣ, въ послѣднемъ — въ звукахъ, отчего тамъ создание царства природы, а здѣсь — царства звуковъ. Въ нашемъ-же періодѣ духъ міра сосредоточился въ человѣкѣ, а духъ человѣческій оставилъ звуки, освободился отъ нихъ. Могущественно-дѣятельная, преизобилующая творческою силою природа прежнихъ періодовъ міра теперь низошла до воспроизведенія, и не создаетъ уже ничего новаго послѣ того, какъ духъ міра дошелъ до сознанія въ человѣкѣ; подобнымъ образомъ и духъ человѣческій, дошедши до сознанія²⁾ въ исторіи, потерялъ свою производительность въ создаваніи своего конкретнаго образа — языка. Съ-тѣхъ-поръ поколѣнія языковъ только воспроизводятся, выражаясь все болѣе и болѣе»³⁾.

Здѣсь заключено и другое положеніе, именно, что «исторія и исторія языка находятся въ обратномъ отношеніи». «Чѣмъ свободнѣе духъ раскрывается въ исторіи (т. е. чѣмъ богаче событиями жизнь народа, чѣмъ больше въ ней движенія), тѣмъ болѣе оставляетъ онъ звуки, вслѣдствіе чего стираются флексіи, отдѣльные звуки теряютъ свое значеніе и подпадаютъ дѣйствію физическихъ законовъ органовъ слова, разлагающихъ оставленный творческимъ духомъ организмъ слова, подобно тому, какъ химические законы разлагаютъ мертвый растительный или животный организмъ». Такъ потери въ языкахъ народовъ романскаго и германскаго племени несравненно значительнѣе, чѣмъ въ славянскихъ и литовскомъ⁴⁾.

Положимъ, что духъ міра сосредоточился въ человѣкѣ, но тѣмъ не менѣе продолжаетъ жить и природа; точно такъ, хотя духъ человѣческій теперь развивается въ исторіи, но

¹⁾ Т. е. „Der Weltgeist“, который въ природѣ проявляется въ своемъ „Anders-sein“ (иное бытие), а въ человѣкѣ — въ своемъ „Ansich“.

²⁾ „Seitdem der Menschengeist... zu sich kam“.

³⁾ Ib. 11—12.

⁴⁾ Ib. 15—16.

и первое его создание языкъ—не есть еще мертвое тѣло. Два периода жизни человѣческаго духа: допсторический—невѣбодный, и исторический—свободный, должны, поэтому, существовать и теперь, какъ двѣ совмѣстныя, хотя несовмѣстимыя, его стороны. Признаніе этого заключается въ томъ, что, по мнѣнію Шлейхера, языкъ въ теперешнемъ своемъ видѣ есть предметъ двухъ противоположныхъ по характеру наукъ: филологіи и лингвистики. Первая смотритъ на языкъ, какъ на средство проникнуть въ духовную жизнь народа, находить содержаніе только тамъ, где есть литература, имѣть дѣло съ исторіею, которая начинается съ появленія свободной человѣческой воли, и, по самымъ пріемамъ, есть наука *историческая*; вторая занимается языкомъ, ради его самого, не имѣть прямаго отношенія къ исторической жизни народа, возможна и тамъ, где нѣть письменности, и даже по пріемамъ (непосредственное наблюденіе, сравненіе, классификація по родамъ, видамъ, семействамъ) есть наука *естественная*. То въ языкѣ, что вытекаетъ изъ «естественнай природы человѣка»¹⁾ и не подлежитъ произволу, именно формы, вполнѣ относится къ лингвистикѣ; синтаксисъ, болѣе зависимый отъ личной мысли и воли, склоняется на сторону филологіи; слогъ, опредѣляемый волею отдѣльного лица безъ раздѣла, принадлежитъ послѣдней²⁾.

Во всѣхъ изложенныхъ здѣсь взглядахъ Шлейхера про- глядываетъ незамѣченное имъ отсутствіе единства въ по- строеніи.

Во первыхъ, ложное пониманіе связи между словомъ и мыслью обнаруживается въ противопоставленіи сознанія и языка, даетъ мѣсто утвержденію, что отношенія, находясь въ мысли, могутъ не выражаться словомъ. Это могло бы прямо повести ко мнѣніямъ XVIII в., къ отождествленію грамматики съ логикой и признанію произвола въ языкѣ: мысль можетъ-быть выражена, чѣмъ попало; логическія формы не-

¹⁾ „Aus dem natürlichen Wesen des M.“

²⁾ Ib. 1—4, 21.

изменны, а потому должна быть одна только наука о языке, именно общая грамматика, «философское понятие всего человеческого слова» (Ломоносовъ). Разница между Бенкнеромъ и Шлейхеромъ та, что сочувствіемъ послѣдняго пользуется не логика, а лингвистика, которая впрочемъ легко можетъ быть примирена съ общую грамматикою, потому-что на свою долю оставляетъ только звуки. Что-же, кромъ звуковыхъ измѣнений, можетъ быть содержаніемъ Шлейхеровой лингвистики, если отношенія понятій существуютъ независимо отъ своего выраженія въ языке? Какая разница, кромъ чисто вицѣней, звуковой, между приставочными и флексивирующими языками, если и въ тѣхъ и другихъ—то-же единство мысли, въ которой понятія невозможны безъ своихъ отпушней?

Во вторыхъ, не говоря уже о томъ, что «созданіе царства звуковъ» при вышеупомянутомъ предположеніи не имѣть цѣли, двойственность въ творчествѣ человеческаго духа, которая, повидимому, нужна для поддержки сравненія языка съ растительнымъ и животнымъ организмомъ, опровергается самимъ Шлейхеромъ. Въ синтаксисѣ и слогѣ, входящихъ, по его словамъ, въ кругъ предметовъ филологии, есть свобода; но «строение предложения и весь характеръ языка» (а слѣдовательно и слогъ) «зависитъ отъ того, какъ выражается звуками понятіе (*Bedeutung*) и отношение, отъ *словообразованія*», принимаемаго не только въ смыслѣ образования корней и темъ, но и частей рѣчи, склоненій, спряженій¹): слѣдовательно необходимость будетъ тамъ, где Шлейхеръ видитъ свободу. Наоборотъ, совершенно несправедливо, будто «на языке, какъ предметъ лингвистики, также невозможно вліяніе произвола, какъ невозможно словою помѣняться пѣсню съ жаворонкомъ»²): говорятъ-же люди на чужихъ языкахъ. Гегелевское опредѣленіе исторического развитія, какъ «прогресса въ сознаніи свободы», которое, какъ кажется, было въ виду у Шлейхера, понимаютъ не такъ, какъ

¹⁾ Schleich. ib. 6—7.

²⁾ Schleich. ib. 2.

Шлейхеръ, для котораго сознаніе и свобода противоположны необходимости, а такъ, что свобода есть необходимое знаніе неуклонныхъ законовъ духа ¹⁾). Съ такой точки двойственность въ человѣческомъ духѣ, противоположность между доисторическою и историческою его дѣятельностью, должны быть устраниены. Этимъ уничтожится двойственность въ языѣ, а вмѣстѣ и возможность сравнивать его съ кристалломъ или растеніемъ.

III. В. Гумбольтъ.

Приведенные теоріи представляютъ между собою болѣе мнимое, чѣмъ дѣйствительное различіе. Ихъ ошибки, которыхъ уничтожаютъ всякую возможность научнаго изслѣдованія вопроса о происхожденіи языка, и задавили бы въ самомъ зародышѣ историческое и сравнительное языкознаніе, если бы умъ человѣческий не имѣлъ счастливой способности не замѣтить до поры противорѣчія новыхъ данныхъ старымъ теоріямъ, ихъ ошибки могутъ быть сведены къ одной, именно къ совершенному непониманію прогресса. Для теоріи намѣренного изобрѣтенія прогрессъ языка невозможенъ, потому-что имѣть мѣсто только тогда, когда уже не нуженъ; для теоріи божественного происхожденія—прогрессъ долженъ быть регрессомъ, для Беккера и Шлейхера онъ можетъ существовать развѣ въ движеніи звуковъ. Всѣ упомянутыя теоріи смотрѣть на языѣ, какъ на готовую уже вещь (*ἔργον*), и потому не могутъ понять, откуда онъ взялся. Съ этимъ согласно ихъ стремленію отождествлять грамматику и вообще языкознаніе съ логикой, которой тоже чуждо начало изслѣдованія "исторического хода мысли" ²⁾.

¹⁾ Kuno-Fischer, Gesch. der Philos. I. 88.

²⁾ Изъ многихъ доказательствъ, убѣждающихъ въ совершенномъ различіи логики и языкознанія (Steinthal. Gram. Log. и Psych. 145—224), мы приведемъ здесь только опредѣленіе логики, согласно со взглядомъ одного изъ глубочайшихъ мыслителей нашего вѣка, Гербarta (ср. Herbart Lehrbuch zur Einführung in die Philos. 4-te Ausg. 19, 51): Логика есть наука объ условіяхъ существованія мысли, независимыхъ отъ ея а) происхожденія и б) содержанія. а) По первому

Въ непониманіи движенія языка заключены и остальные ошибки, именно мы ѿніе, что мысль создает слово, но въ свою очередь не получаетъ отъ него ничего, и что вслѣдствіе этого въ языке господствуетъ произволъ. Къ послѣднему заключенію, какъ мы видѣли, невольно приходть и поборники органичности языка. Нельзя сказать, чтобы все въ разсмотрѣнныхъ теоріяхъ противорѣчило фактамъ, но въ нихъ не сознаны противорѣчія, живущія въ самихъ фактахъ. Это будетъ видно изъ слѣдующихъ положеній Вильгельма Гумбольта, которыя мы приводимъ здѣсь—не какъ рѣшенія занимающаго настѣн вопроса, а какъ указанія на тѣ препятствія, безъ устраненія коихъ невозможно само рѣшеніе¹⁾.

Языкъ, говорить Гумбольтъ, въ сущности есть нѣчто постоянно, въ каждое мгновеніе исчезающее... Оно есть не *дѣло* (*ἔργον*), не мертвое произведеніе, а дѣятельность (*ἐνέργεια*), т. е. самый процессъ производства. Поэтому его истинное опредѣленіе можетъ быть только генетическое: языкъ

признаку она есть наука гипотетическая; она основана на предположеніи, что есть извѣстныя понятія, сужденія, заключенія, и признаются эти формы мысли, какъ они ей даны, не допускаясь ихъ происхожденія, тогда какъ, напротивъ, данные языкоznанія осмысливаются только своею исторіею, и языкоznаніе есть наука генетическая. б) Логика спрашивается не о томъ, вѣрна ли данная ей мысль дѣйствительности, потому-что такой вопросъ, относящийся къ самому содержанію мысли, превратилъ бы логику, смотря по этому содержанію, въ ботанику, исторію и т. д., а о томъ, вѣрна ли мысль (какова-бы она ни была) сама по себѣ. Логика, напр., ничего не имѣеть противъ предразсудка: „карканье ворона предвидѣаетъ несчастіе“ и говорить, что это—мысль, мыслимая, заключающая въ себѣ одно изъ необходимыхъ условій истины; во о сужденіяхъ: „мысль безъ языка невозможна“ и „есть языки, въ которыхъ значительная доля мысли говорящаго языка народа не выражается“ логика скажетъ, что они, вмѣстѣ взятая, не составляютъ мысли. Форма, которой она не нашла въ послѣднемъ случаѣ (равенство *a* самому себѣ), какъ и всѣ логическія формы, до того чужда всякому содержанію, что любое понятіе можетъ быть ею содержавшимъ. Такому формальному характеру логики противоположна реальность языкоznанія, для которого необходимо знать, дѣйствительно-ли существуютъ именно тѣ, а не другіе признаки понятія. Грамматическія формы составляютъ уже извѣстное содержаніе, по отношенію къ формамъ, рассматриваемымъ логикою.

1) Въ изложениіи антикомѣ Гумбольта мы слѣдуемъ Штейнталю (см. *Der Ursprung der Sprache v. Dr. H. Steinthal. 2-te Ausg. Berl. 1858. 61 слѣд.*). На сочиненіе Гумбольта „Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues etc.“ мы ссылаемся по изданию его въ VI т. Собр. Соch. (Wilhelm v. Humboldt's gesammelte Werke).

есть вѣчно повторяющееся усилие (работка, Arbeit) духа сдѣлать членораздѣльный звукъ выражениемъ мысли. Это—определение не языка, а рѣчи, какъ она каждый разъ произносится (des jedesmaligen Sprechens); но, собственно говоря, только совокупность такихъ актовъ рѣчи (des Sprechens) есть языкъ. Въ безсвязномъ хаосѣ словъ и правилъ, который мы обыкновенно называемъ языкомъ, дѣйствительно есть на лицо только то, что мы каждый разъ произносимъ. При томъ, въ такихъ разрозненныхъ стихіяхъ не видно самаго высшаго, тончайшаго въ языкѣ, именно того, что можно замѣтить или почувствовать только въ связной рѣчи. Это доказываетъ, что языкъ, въ собственномъ смыслѣ, заключенъ въ самомъ актѣ своего дѣйствительного появления».

«Назвать языкъ работой духа (следовательно дѣятельностью) будетъ вполнѣ вѣрно еще и потому, что самое существование духа можно себѣ представить только въ дѣятельности и какъ дѣятельность»¹⁾.

Но съ другой стороны «отъ языка, въ смыслѣ рѣчи, каждый разъ наши произносимой, слѣдуетъ отличать языкъ, какъ массу произведеній этой рѣчи. Языкъ, во всемъ своемъ объемѣ, заключаетъ въ себѣ все измѣненное имъ въ звуки», «всѣ стихіи, уже получившія форму»²⁾). Въ языкѣ образуется запасъ словъ и система правилъ, посредствомъ коихъ онъ въ теченіе тысячелѣтій становится самостоятельною силою³⁾). Хотя рѣчь живаго или мертваго языка, изображенная письменами, оживляется только тогда, когда читается и произносится, хотя совокупность словъ и правилъ только въ живой рѣчи становится языкомъ; но какъ эта муміеобразная или окаменѣлая въ письмѣ рѣчь, такъ и грамматика со словаремъ—дѣйствительно существуютъ и *языкъ есть столько-же дѣятельность, сколько и произведение*.

Определение языка какъ работы духа, представляя существеннымъ признакомъ языка, движение, прогрессъ, возвы-

¹⁾ Ueb. d. Versch. 41—2.

²⁾ Ib. 62.

³⁾ Ib. 63.

шает Гумбольта надъ всѣми предшествующими теоріями; но оно оставляетъ неяснымъ отношеніе слова къ мысли. Эта неясность уничтожается слѣдующимъ положеніемъ, которое лежитъ въ основаніи новаго направленія, даниаго языко-знанію Гумбольтомъ: «*языкъ есть органъ, образующий мысль*»¹⁾. Объясненіе такого положенія ведеть къ новымъ важнымъ противорѣчіямъ, которыя, какъ увидимъ, находятся въ связи съ антиноміею дѣятельности и произведеній, и могутъ представиться ея преобразованіями, именно: мысль, дѣятельность вполнѣ внутрення и субъективна, въ словѣ становится чѣмъ-то вѣшнимъ и ощущимъ, становится объектомъ, вѣшнимъ предметомъ для себя самой и посредствомъ слуха, уже какъ объектъ, возвращается къ первоначальному своему источнику. Мысль при этомъ не теряетъ своей субъективности, потому-что произнесенное мною слово остается моимъ. Только посредствомъ объективированья мысли въ словѣ можетъ изъ низшихъ формъ мысли образоваться понятіе²⁾.

Такимъ образомъ, уже при самомъ рожденіи слова, является въ немъ *противоположность объективности и субъективности*; она связана, какъ увидимъ, съ другою, столь-же нераздѣльною съ языкомъ *противоположностью речи и пониманія*.

Языкъ есть необходимое условіе мысли отдѣльного лица, даже въ полномъ уединеніи, потому-что понятіе образуется только посредствомъ слова, а безъ понятія невозможно истинное мышленіе. Однако въ дѣйствительности языкъ развивается только въ обществѣ, и притомъ не только потому, что человѣкъ есть всегда часть цѣлаго, къ которому принадлежить, именно своего племени, народа, человѣчества,

1) Das bildende Organ des Gedankens.

2) Ib. 53.

(Необходимы объясненія того, какимъ образомъ слово производить высшія формы мысли, будуть изложены послѣ; здѣсь мы можемъ только сказать, что взглѣдъ Гумбольта вполнѣ подтверждается позднѣйшими психологическими изслѣдованіями).

не только вслѣдствіе необходимости взаимнаго пониманія, какъ условія возможности общественныхъ предпріятій, но и потому, что человѣкъ понимаетъ самого себя, только испытавши на другихъ людяхъ понятность своихъ словъ¹⁾). Взаимная связь рѣчи и пониманія усиливаетъ противоположность объективности и субъективности: объективность усиливается, когда говорящій слышитъ изъ чужихъ усть свое собственное слово, а субъективность не только не теряется при этомъ (потому-что говорящій всегда чувствуетъ свою однородность, «единство» съ понимающимъ), но и возвышается, потому-что мысль въ словѣ перестаетъ быть исключительно принадлежностью одного лица, отъ чего происходитъ, такъ сказать, расширение субъекта. Личная мысль, становясь достояніемъ другихъ, примыкаетъ къ тому, что обще всему человѣчеству и что въ отдельномъ лицѣ существуетъ какъ видоизмѣненіе (Modification), требующее дополненія со стороны другихъ лицъ; всякая рѣчь, начиная съ простѣйшей, связывается (ist ein Anknüpfen) личныхъ ощущеній съ общею природою человѣчества», такъ что рѣчь и пониманіе есть вмѣстѣ и противоположность *частнаго* и *общаго*. «То, что дѣлаетъ языкъ необходимымъ, при простѣйшемъ актѣ образованія мысли, непрерывно повторяется и во всей духовной жизни человѣка. Для дѣятельности мысли (Denkkraft), необходимо иѣчто съ нею одинаковое, и все-же отличное отъ нея; одинаковымъ она возбуждается, на отличномъ—извѣдываетъ вѣрность, существенность своихъ произведеній. Хотя основы познанія истины, того, что безусловно прочно, могутъ заключаться для человѣка только въ немъ самомъ, но его порывы къ истинѣ окружены опасностями заблужденій. Ясно и непосредственно сознавая только свою измѣнчивую ограниченность, человѣкъ принужденъ даже думать, что истина не въ немъ, а гдѣ-то виѣ его: но одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ ней приблизиться, измѣрить свое разстояніе отъ нея, есть взаимное сообщеніе мысли», т. е. срав-

¹⁾ Ib. 30, 54.

нение личной мысли съ общею, принадлежащою всѣмъ, возможное только посредствомъ рѣчи и пониманія, есть лучшее средство достижениія объективности мысли, т. е. истины.

Изъ соотвѣтствія аптиномій рѣчи и пониманія съ одной стороны, и субъективнаго и объективнаго съ другой — не слѣдуетъ, что рѣчь субъективна и самодѣятельна, а пониманіе — объективно и страдательно». Все, что ни есть въ душѣ, можетъ-быть добыто только ея собственною дѣятельностью; рѣчь и пониманіе — только различныя проявленія (*Wirkungen*) одной и той-же способности рѣчи (*Sprachkraft*). Размѣнъ рѣчи и пониманія не есть передача данного содержанія (съ руки на руки): въ понимающемъ какъ и въ говорящемъ это содержаніе должно развиться изъ собственной внутренней силы; все, что получаетъ первый, состоитъ только въ гармонически настраивающемъ его возбужденіи» (со стороны говорящаго) ¹⁾.

Если со стороны противоположности рѣчи и пониманія, языкъ является посредникомъ между людьми и содѣйствуетъ достижению истины въ чисто субъективномъ кругу человѣческой мысли, то съ другой стороны онъ служить среднимъ звеномъ между міромъ познаваемыхъ предметовъ и познающимъ лицомъ, и въ этомъ смыслѣ совмѣщаетъ въ себѣ объективность и субъективность. «Совокупность познаваемаго лежитъ въ языке; человѣкъ можетъ приблизиться къ этой чисто объективной области не иначе, какъ свойственными ему средствами познанія и чувствованія, сдѣловательно только субъективнымъ путемъ», т. е. посредствомъ языка. Языкъ, это средство не столько выражать уже готовую истину, сколько — открывать прежде неизвѣстную, по отношенію къ познающему лицу, есть нечто объективное, по отношенію къ познаваемому міру — субъективное. Что до первого, то «всякий языкъ есть отзвукъ (*Anklang*) общей природы человѣка; хотя даже совокупность (содержаніе, сущность, *Inbegriff*) всѣхъ языковъ извѣстного времени не можетъ стать

¹⁾ Ib. 54—5.

полнымъ отпечаткомъ субъективности человѣчества, но всѣ они постоянно приближаются къ этой цѣли; субъективность же всего человѣчества становится опять сама по себѣ чѣмъ-то объективнымъ»¹). Что касается до субъективности языка по отношенію къ познаваемому, то она еще болѣе очевидна, и эмпирически доказывается тѣмъ, что содержаніе слова (напр. дерево) во всякомъ случаѣ не равняется даже самому бѣдному понятію о предметѣ, и тѣмъ болѣе неподдающему множеству свойствъ самого предмета. Объясненіе въ слѣдующемъ. Слово образуется изъ субъективнаго восприятія и есть отпечатокъ не самого предмета, а его отраженія въ душѣ. «Такъ-какъ во всякомъ объективномъ восприятіи есть пріимѣсь субъективнаго, то отдѣльную человѣческую личность, даже независимо отъ языка, можно считать особою точкою зреянія на міръ». Такой взглядъ будетъ еще основательнѣе, если возьмемъ во вниманіе и языкъ, «потому-что слово, объективируя мысль о предметѣ, вноситъ въ нее новую особенность». (Ниже мы постараемся представить объясненіе этой двойной субъективности слова, сравнительно съ чувственнымъ восприятіемъ). «Какъ отдѣльное слово становится между человѣкомъ и предметомъ, такъ весь языкъ (какъ міросозерцаніе высшей единицы, народа) между человѣкомъ и дѣйствующею на него природою. Человѣкъ окружаетъ себя міромъ звуковъ для того, чтобы воспринять и переработать въ себѣ міръ предметовъ. Въ этихъ словахъ нѣть никакого преувеличенія. Такъ-какъ чувство и дѣятельность человѣка зависятъ отъ представлений, а представлениія—отъ языка; то всѣ вообще отношенія человѣка ко вѣнчаннымъ предметамъ обусловлены тѣмъ, какъ эти предметы представляются ему въ языкѣ. Человѣкъ высовыvая изъ себя языкъ, тѣмъ-же актомъ вплетаетъ себя въ его ткань; каждый народъ обведенъ кругомъ своего языка, и выйти изъ этого круга можетъ только, перешедши въ другой»²).

¹⁾ W. Humb. Gesam. W. III Ueb. das vergl. Sprachst. 263.

²⁾ Ueb. die Verschied. 59—60.

Такъ понимаемая антиномія субъективности и объективности видна не только въ томъ, что языкъ вообще служить посредникомъ между лицомъ и міромъ, но и въ томъ, какъ именно онъ усвояетъ человѣку этотъ міръ: въ пестромъ разнообразіи чувственныхъ впечатлѣній мыслъ открываетъ законность, согласную съ формами нашего духа, и связанное съ нею обаяніе виѣшней красоты. «Созвучія съ тѣмъ и другимъ встрѣчаемъ и въ языкахъ. Вступая въ міръ звуковъ языка, мы въ то-же время не оставляемъ дѣйствительно нась окружающаго міра (такъ-что въ законности и красотѣ языка опять сходятся противоположности субъекта и объекта). Законность въ языкахъ, субъективное состояніе духа, сходное съ законностью въ природѣ, возбуждая высшія и благороднѣйшія силы человѣка, приближаетъ его къ пониманію формального впечатлѣнія природы, которая тоже (т. е. какъ и языки) можетъ представляться только развитіемъ духовныхъ силъ». Подобнымъ образомъ «языкъ, посредствомъ свойственной сочетаніямъ звуковъ ритмической и музыкальной формы, возвышаетъ и эстетическое впечатлѣніе (*Schönheitsindruck*) природы, перенося его въ другую (т. е. субъективную) область; но дѣйствуетъ и независимо отъ этого впечатлѣнія, извѣстнымъ-образомъ настраивая душу однимъ теченіемъ рѣчи»¹⁾.

Объективность (согласіе мысли съ ея предметомъ) остается постоянной цѣлью усилий человѣка. Прежде всего человѣкъ приближается къ этой цѣли субъективнымъ путемъ языка, потомъ—онъ старается выдѣлить и эту субъективность и по возможности освободить отъ нея предметъ, хотя-бы даже замѣнивъ ее на другую, т. е. личную²⁾). Такая замѣна, независимо отъ своей конечной цѣли, есть уже великое дѣло языка, потому что она ведеть не только къ познанію міра, но и самого себя. То и другое находится во взаимной зависимости.

¹⁾ Ив. 61—2.

²⁾ Т. III, 263—4.

Переходимъ къ *антиноміямъ свободы и необходимости, недѣлимаго и народа.* «Выше мы видѣли, что мысль въ языкѣ становится объектомъ для души, и въ этомъ смыслѣ дѣйствуетъ на нее, какъ нѣчто постороннее. Мы разсматривали однако объектъ, со стороны его происхожденія отъ субъекта, а его дѣйствіе на душу — какъ возвратное дѣйствіе души на себя; теперь переходимъ къ противоположной точкѣ зрењія, по которой языкъ есть дѣйствительно предметъ посторонний для души, а его дѣйствіе исходить не изъ того, на что обращено»¹⁾.

«Если сообразимъ, какъ стѣснительно дѣйствуетъ на каждое поколѣніе все то, что испытала языкъ въ предшествующія столѣтія, и какъ только сила отдѣльныхъ поколѣній (и то не цѣлкомъ взятыхъ, потому что поколѣнія нарастающее и отживающее смѣшаны) соприкасается съ этимъ прошедшими языками; то будетъ ясно, какъ ничтожна сила отдѣльныхъ лицъ при могуществѣ языка... «Созданіе никогда дотолѣ неслышанныхъ словъ (Lautzeichen) можно предположить только при началѣ языка (т. е. жизни человѣчества), выходящемъ за предѣлы наблюденія. На памяти исторіи человѣкъ всегда строилъ языкъ на данномъ уже основаніи; не выходя изъ предѣловъ аналогіи съ прошедшимъ, онъ видоизмѣнялъ слова въ употребленіи, а не изобрѣталъ ихъ»²⁾. Въ языкѣ, живѣ чѣмъ гдѣ-либо каждый человѣкъ чувствуетъ себя только эманациею (ein Ausfluss) всего человѣческаго рода. Тѣмъ не менѣе такъ-какъ каждое лицо порознь и при томъ непрерывно дѣйствуетъ на языкъ, то каждое поколѣніе измѣняетъ его если не въ словахъ и формахъ, то въ ихъ употребленіи. «Воздѣйствіе недѣлимаго на языкъ уяснится намъ, если возьмемъ во вниманіе, что индивидуальность языка — только относительная, что истинная индивидуальность заключена только въ лицѣ, говорящемъ въ данное время. Никто не понимаетъ слова именно такъ, какъ другой... Всякое пони-

¹⁾ Ib. 63.

²⁾ Humb. Ueb. das vergl. Sprachst. III, 261—2.

маніе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ вмѣстѣ разногласіе. Въ томъ, какъ измѣняется языкъ въ каждомъ недѣлимомъ, обнаруживается, въ противоположность указанному выше вліянію языка, власть человѣка надъ нимъ... Во вліяніи на человѣка заключена *законность языка и его формъ*, въ воздействиіи человѣка — *принципъ свободы*, потому что въ человѣкѣ можетъ зародиться то, чemu никакой разумъ не найдетъ причины въ предшествующихъ обстоятельствахъ¹⁾. «Свобода сама-по- себѣ неопредѣлѣма и необъяснима», но тѣмъ не менѣе ея присутствіе должно быть признано въ языкѣ²⁾). Противорѣчія, что языкъ чуждъ душѣ и вмѣстѣ принадлежитъ ей, зависить и не зависить отъ нея, дѣйствительно соединяются въ языкѣ и составляютъ его особенность. Эти противорѣчія не должны быть примиряемы тѣмъ, что языкъ отчасти чуждъ душѣ и независимъ отъ нея, а отчасти — нѣтъ. Языкъ именно на столько дѣйствуетъ, какъ объектъ, на столько самостоятеленъ, на сколько создается субъектомъ и зависитъ отъ него. Это потому, что какъ-бы мертвая (приналежащая прошедшему, подчиняющая себѣ личную свободу) сторона языка, че имъя никогда, ниже въ письменности, постоянного места, каждый разъ съизнова создается въ мысли, оживаетъ въ рѣчи и пониманіи, следовательно цѣликомъ переходитъ въ субъектъ³⁾.

Говорять только отдельныя лица, и съ этой стороны языкъ есть созданіе недѣлимыхъ; но языкъ какъ дѣятельность этихъ послѣднихъ предполагаетъ не только творчество предшествующихъ поколѣній (котораго не могло-же быть при началѣ языка), въ каждую настоящую минуту онъ принадлежитъ двоимъ: говорящему и понимающему; причемъ и говорящій и понимающій представители всего народа⁴⁾. «Существование языковъ доказывается, что есть духовные созданія вовсе не переходящія отъ одного лица ко всѣмъ прочимъ,

¹⁾ Ueb. die Versch. 65—6. Ср. ib. 36.

²⁾ Ib. 66.

³⁾ Ib. 68.

⁴⁾ Ср. ib. 68, 35.

а возникающія изъ одновременной самодѣятельности всѣхъ. Языки, всегда имѣющіе национальную форму, могутъ-быть только непосредственными созданіями народовъ»¹⁾. «Междуди-строеніемъ языка и успѣхами всѣхъ другихъ родовъ умствен-ной дѣятельности есть неоспоримая связь... «Извѣстная на-правленія духа и извѣстная сила его стремлений немыслимы до появленія языковъ того, а не другаго устройства... и въ этомъ смыслѣ будетъ совершенно справедливо, что созданіе народовъ (языкъ) должно предшествовать созданіямъ недѣли-мыхъ, хотя въ свою очередь несомнѣнно, что дѣятельность тѣхъ и другихъ одновременно сливаются въ этихъ созданіяхъ»²⁾.

Во второмъ членѣ этой *антиноміи недѣлимаго и народа* повторяется вышеизложенная противоположность свободы и необходимости, и это приводить къ новому противополо-жению и совмѣщенню въ языкѣ *Божественного и человѣ-ческаго*.

Въ утвержденії, что языкъ есть созданіе народовъ, ко-торые слѣдуетъ представлять себѣ духовными единицами, есть два члена, взаимное отношеніе коихъ должно-быть опре-дѣлено, именно духовныя особенности народа и языкъ. Съ однай стороны разнообразіе строя языковъ - представляется зависи-мымъ отъ особенностей народного духа и должно объ-ясняться ими³⁾, такъ-что языкъ будетъ хотя и народнымъ, но все-же человѣческимъ произведеніемъ. Но съ другой стороны языкъ зараждается въ такой глубинѣ человѣчества, что его нельзя считать собственнымъ созданіемъ народовъ. Въ немъ есть явственная для насъ, хотя въ сущности своей необъяснимая, самодѣятельность, и съ этой точки зрѣнія онъ не есть произведеніе дѣятельности духа, а—непроизвольная его эманація, не дѣло нардовъ, а даръ имъ⁴⁾. Они упо-

¹⁾ Ib. 33.

²⁾ Ib. 36—7.

³⁾ ... „Müssen wir als das reale Erklrungsprincip und als den wahren Bestimmungsgrund der Sprachverschiedenheit die geistige Kraft der Nationen ansehen“ 38.

⁴⁾ „Eine ihnen (den Nationen) durch ihr inneres Geschick zugefallene Gabe“ 5.

требляютъ языкъ, сами не зная, какъ его образовали... Это не будетъ пустая игра словъ, если скажемъ, что *языкъ* самодѣятельно возникаетъ только изъ самого себя, а *языки*— несвободны (Gebunden von den Nationen) и зависимы отъ народовъ, которымъ принадлежать» ¹⁾). «Такъ какъ языки неразрывно срошены со внутреннею природою человѣка и скорѣе самодѣятельно вытекаютъ изъ пея, чѣмъ произвольно создаются ею, то на такихъ-же основаніяхъ можно-бы назвать духовную особенность народовъ дѣйствиемъ языковъ (какъ и наоборотъ). Истина—въ томъ и другомъ вмѣстѣ: характеръ народа и особенности его языка вмѣстѣ и во взаимномъ согласіи вытекаютъ изъ неизслѣдимой глубины духа (des Gemüths)» ²⁾.

Таковъ дѣйствительно смыслъ утвержденія, что языкъ «божественно-свободенъ и вытекаетъ только изъ самого себя», потому-что такъ-какъ связь языка съ духомъ несомнѣнна, а между-тѣмъ языкъ не можетъ быть выводимъ изъ духа народнаго, то, очевидно, и языкъ, и духъ должны имѣть высшее начало, высшее внутреннее единство. Требованіе такого высшаго единства остается только требованіемъ, потому-что самъ изслѣдователь, находя различія въ строеніи языковъ, объясняетъ ихъ только различіемъ народныхъ характеровъ ³⁾), т. е. прямо противорѣчить теоретическимъ положеніямъ: если языкъ есть созданіе духа, то онъ, во первыхъ, не самостоятеленъ по отношенію къ послѣднему, связъ имъ, а не божественно свободенъ; во вторыхъ онъ не нуждается въ единстве съ духомъ, но отличенъ отъ него, въ третьихъ происхожденіе языка *отъ* народнаго духа есть чисто-человѣческое.

Успія Гумбольдта удержать не только для практики, но и для теоріи человѣческое происхожденіе языка, безуспѣшны. «Если по справедливости языкъ представляется чѣмъ-то

¹⁾ Ib. 5—6.

²⁾ Ib. 33.

³⁾ Ib. 38.

высшимъ, чѣмъ-то такимъ, что не можетъ быть, подобно другимъ произведеніямъ духа, дѣломъ человѣческимъ; то это было-бы иначе, если-бы мы встрѣчали духовную силу человѣка не въ однихъ только единичныхъ ея проявленіяхъ, но если-бы мы могли постигнуть глубину ея сущности и связь въ ней всѣхъ человѣческихъ индивидуальностей, связь, на которую указываетъ языкъ¹⁾). Но такая душа человѣчества для насъ непостижима; въ духѣ человѣческомъ нельзя себѣ представить ничего выше его самого, ничего такого, изъ чего-бы рядомъ могли вытекать языкъ и духовная особенность народа: поэтому языкъ есть дѣло божественное, при томъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ могутъ быть названы божественными всѣ произведенія, необходимо возникающія изъ свойства человѣческаго духа (напр. поэзія): языку нѣть ничего равнаго, кромѣ самого духа; вмѣстѣ съ духомъ онъ возводится къ божественному началу.

Заключительныя противорѣчія единства духа и языка и ихъ раздѣльности, божественности языка и его человѣчности, эти противорѣчія тѣмъ отличаются отъ предшествующихъ, что самъ Гумбольть признаетъ ихъ за противорѣчія теоріи и практики; и тѣмъ самыми заставляютъ считать ихъ слѣдствіемъ ему лично свойственного развитія мысли, сырымъ матеріаломъ, котораго онъ не могъ переработать въ научныя положенія.

Крайне ошибочно было-бы сравнивать знаменитыя антиноміи Гумбольта съ невольными и безсознательными логическими ошибками въ родѣ тѣхъ, какія мы видимъ у Беккера. Разница между Гумбольтомъ и Беккеромъ та, что первый—великий мыслитель, который постоянно чувствуетъ, что мѣгучіе порывы его мысли бессильны передъ трудностью задачи, и постоянно останавливается передъ неизвѣстнымъ, а второй въ иѣсколькихъ мелкихъ фразахъ видѣть ключъ ко всѣмъ тайнамъ жизни и языка; первый, заблуж-

¹⁾ Ib., 38—9.

даясь, указываетъ новые пути наукъ, а второй только на себѣ доказываетъ негодность старыхъ. Рѣшить вопросъ о происхожденіи языка и отношеніи его къ мысли, по Беккеру,—значитъ назвать языкъ организмомъ, по Гумбольту—примирить существующія въ языкѣ противорѣчія рѣчи и пониманія, субъекта и объекта, недѣлимаго и народа, человѣческаго и божественнаго.

Противорѣчіе рѣчи и пониманія разрѣшается для Гумбольта единствомъ человѣческой природы. Какъ рѣчь, такъ и пониманіе не были-бы возможны, сообщеніе посредствомъ слова не было-бы только взаимнымъ возбужденіемъ говорящаго и слушающаго, членораздѣльный звукъ не настраивалъ бы ихъ гармонически и слушающій не овладѣвалъ-бы смысломъ рѣчи посредствомъ самодѣятельнаго, въ немъ самомъ происходящаго развитія мысли, если-бы различіе отдѣльныхъ лицъ не было только проявленіемъ единства человѣческой природы¹⁾.

Тѣмъ-же объясняется и противорѣчіе субъекта и объекта, свободы и необходимости. «Въ исходящемъ изъ того, что собственно едино со мною, взаимно переходять другъ въ друга понятія субъекта и объекта, зависимости (отъ души) и независимости. Языкъ принадлежитъ мнѣ, потому-что я имъ говорю такъ, а не иначе, а такъ-какъ причина этому заключена вмѣстѣ и въ томъ, что этимъ языкомъ говорили всѣ предшествующія поколѣнія, безъ перерыву передавшія его другъ другу, то рѣчь моя стѣснена самимъ языкомъ. Но то, что ограничиваетъ и обусловливаетъ эту мою дѣятельность, вошло въ языкъ изъ человѣческой природы, находящейся со мною во внутренней связи, и чуждое въ немъ—чуждо только для моей мгновенно-индивидуальной, и не для первоначальной истинной природы²⁾), а потому дѣятельность моя стѣснена мною-же самимъ³⁾). На вопросъ, какъ можно себѣ

¹⁾ Ib., 55, 57, 58.

²⁾ Ib. 64—5.

³⁾ Такимъ-образомъ и другой видъ того-же противорѣчія, срединное положеніе языка между познающимъ лицомъ и сознаваемымъ міромъ, примиряется тѣмъ, что возможность познанія истины основывается на первоначальномъ согла-

представить предполагаемое антиномиями рѣчи и пониманія, лица и народа, *внутреннее единство* недѣлимыхъ, разобщенныхъ и различныхъ въ своемъ дѣйствительномъ проявленіи, можно отвѣтить, по Гумбольту, что этого представить себѣ нельзя, что это непостижимо, потому-что мы не имѣемъ даже самаго темнаго чутья (*Ahnung*) какого-либо сознанія, кромѣ индивидуального»¹⁾). Но убѣжденіе, что «раздѣльная индивидуальность есть только проявленіе условного бытія духовныхъ существъ» поддерживается въ насъ лежащимъ въ самой человѣческой природѣ зародышемъ неугасимой жажды (*Selnsucht*) цѣльности. «Предчувствіе цѣльности (*Totalit t*) и стремленіе къ ней дано непосредственно вмѣстѣ съ чувствомъ индивидуальности и усиливается, по мѣрѣ возрастанія этой послѣдней, такъ-какъ во всякомъ отдѣльномъ лицѣ только одностороннимъ образомъ развивается общая сущность (*Gesamtwesen*) человѣка»²⁾). На народъ тоже можно смотрѣть, какъ на человѣческое недѣлимо, слѣдующее особомупути развитія и требующее дополненія со стороны высшей духовной единицы, человѣчества. Успѣхи гражданственности и образованія исподволь стираютъ яркія различія народовъ; нравственность, наука и искусство всегда стремятся къ общимъ идеаламъ, освобожденнымъ отъ національныхъ вкусовъ (*Ansichten*)³⁾.

Мы видѣли выше, что предположеніе единой сущности, въ которой сливаются недѣлимые, извѣстныя намъ только въ своемъ ограниченномъ проявленіи, связано у Гумбольта

сії (внутреннемъ единства?) человѣка съ міромъ. Gesam. W. III, 263. Впрочемъ самъ Гумбольт слегка только касается этого вопроса.

¹⁾ Ueb. die Versch. 31.

²⁾ Ib.

³⁾ Но (замѣтимъ противорѣчіе) это стремленіе къ общему, одинаковому для всѣхъ, осуществляется только различными путями, и разнообразіе далекаго отъ ложной односторонности выражения (общѣ) человѣческихъ свойствъ (народами), безконечно (Ueb. die Versch. 32). Предполагаемое этимъ возрастаніе определенности народныхъ характеровъ совершенно согласно съ приведеною выше мыслью, что въ недѣлимою стремлениѣ къ цѣльности увеличивается вмѣстѣ съ чувствомъ индивидуальности, которое должно рости, потому-что жизнь углубляетъ сначала мало замѣтныя духовныя особенности лица.

сь утверждениемъ самостоятельности языка, по отношению къ духу, и божественного его происхожденія. Противорѣчіе божественности и человѣчности языка можно-бы, повидимому, разрѣшить такимъ-же образомъ, какимъ примиряется противоположность объективности и субъективности, т. е. утверждениемъ единства человѣческаго духа съ божественнымъ, которое-бы совершенно соотвѣтствовало единству объективности и субъективности въ языкѣ. Можно было-бы сказать: языкъ истекаетъ изъ божества, а такъ-какъ причина этому заключена вмѣстѣ и въ человѣкѣ, то божество стѣснено здѣсь человѣкомъ; однако ограниченіе божественнаго творчества происходитъ здѣсь изъ божественной-же природы, находящейся во внутренней связи съ божествомъ, и чуждое въ этомъ ограниченіи божеству чуждо его *мгновенно-индивидуальной*, а не первоначальной, истинной и безконечной природѣ, такъ-что въ созданіи языка собственно божество само себѣ служитъ ограниченіемъ¹⁾. Однако Гумбольть не старается примирять противорѣчія божественного и человѣческаго въ языкѣ такимъ страннымъ построениемъ, предполагающимъ въ Богѣ мгновенно-индивидуальную и конечную природу, и оставляетъ упомянутое противорѣчіе неразрѣшеннымъ.

Столь-же мало поддается метафизическимъ преобразованиямъ другое противорѣчіе, что языкъ и зависитъ отъ духа и самостоятеленъ, и въ этомъ отношении отлично отъ первого только тѣмъ, что въ немъ болѣе замѣтны ошибки Гумбольта. Самостоятельность языка не возбуждала-бы ни малѣшаго сомнѣнія, если-бы не выходила за предѣлы общаго закона человѣческой дѣятельности, по которому всякое произведеніе становится однимъ изъ обстоятельствъ, обусловливающихъ послѣдующую дѣятельность самого производителя²⁾. Но, если Гумбольть утверждаетъ тождество (хотябы даже и высшее) языка и духа, если онъ старается

¹⁾ Steinh. der Urspr. d. Spr. 2-te Ausg. 81.

²⁾ Cp. Humb. Ueb. die Versch. etc. 305.

выйти изъ круга: „*безъ языка нѣтъ духа, и наоборотъ—безъ духа нѣтъ языка*“ такимъ-образомъ, что возводить рядомъ и духъ и языкъ къ высшему началу; то это должно-быть слѣдствiemъ какихъ-нибудь недоразумѣній. Такое рѣшеніе преграждаетъ путь всякому дальнѣйшему изслѣдованію, отождествляя вопросы о происхожденіи языка и происхожденіи духа, между-тѣмъ какъ нельзя въ себѣ подавить убѣжденія, все болѣе и болѣе усиливаемаго фактическимъ изученiemъ языка, что это вопросы неравносильные и отдѣльные другъ отъ друга. Гумбольть не находитъ ничего равнаго языку; не отвергая этого безусловно, мы однако смѣло можемъ повторить признаваемую многими мысль, что аналогія поэтическаго народнаго творчества съ созданиемъ языка во многихъ случаяхъ поразительна. Если при дѣйствительномъ существованіи такого соотвѣтствія возможно изслѣдовать не только ходъ развитія, но и самое зарожденіе миѳа и народно-поэтическаго произведенія, не вдаваясь въ рѣшеніе метафизическихъ задачъ, то должно-быть возможно и не метафизическое изслѣдованіе начала языка. Уже по этому одному можетъ казаться, что область метафизики не заключаетъ въ себѣ нашего вопроса, а начинается тамъ, где онъ оканчивается¹⁾, и что въ вопросахъ о языкѣ прибѣгать къ метафизикѣ—слишкомъ рано. При томъ, хотя мы не можемъ представить себѣ народа безъ языка, и хотя по этому, рассматривая языкъ, какъ произведеніе народа, можемъ принять и самостоятельность языка и его высшее единство съ духомъ; но жизнь недѣлимаго представляеть много фактовъ, заставляющихъ усомниться и въ этой самостоятельности и въ этомъ единствѣ.

1) Можетъ-быть умѣстно будетъ привести здѣсь слѣдующее очень удобное опредѣленіе метафизики: „Познаніе міра и насы самихъ приноситъ съ собою многія понятія, которые становятся тѣмъ несоеднѣмѣ въ мысли, чѣмъ болѣе уясняются. Важная задача философіи—такъ видоизмѣнить эти понятія, какъ это требуется особенностью каждого изъ нихъ. При этомъ видоизмѣненіи прибавится къ нимъ нечто новое, посредствомъ коего будетъ устранена ихъ несовмѣстимость. Это новое можно назвать дополненіемъ. Наука о такой обработкѣ понятій есть метафизика. Herbart, Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie.“

Взявші слово *духъ*, играющее въ теоріи Гумбольдта очень важную роль въ самомъ обширномъ и можетъ-быть совершенно невѣрномъ смыслѣ душевной жизни человека вообще, мы спросимъ себя, до какой степени эта жизнь нераздѣльна съ языкомъ? Въ отвѣтъ на такой вопросъ прежде всего придется устраниить неразрывность (но не связь) съ языкомъ чувства и воли, которая выражаются словомъ, на сколько стали содержаніемъ нашей мысли. Затѣмъ въ самой мысли отмѣтимъ многое нетребующее языка. Такъ дѣти до извѣстнаго возраста не говорить, но въ нѣкоторомъ смыслѣ думаютъ, т. е. воспринимать чувственные образы, при томъ гораздо совершеннѣе, чѣмъ животное, вспоминаетъ ихъ и даже отчасти обобщаетъ. Потомъ, когда уже усвоено человѣкомъ употребленіе языка, непосредственныя чувственные восп्रіятія или существуютъ до своего соединенія съ словомъ; или даже никогда не достигаютъ такого соединенія. Подобнымъ образомъ и сновидѣнія, которые большую частью слагаются изъ воспоминаній чувственныхъ воспріятій, перѣдко не сопровождаются ни громкою, ни беззвучною рѣчью. Творческая мысль живописца, ваятеля, музыканта, невыразима словомъ и совершается безъ него, хотя и предполагаетъ значительную степень развитія, которая дается только языкомъ. Глухонѣмой даже постоянно мыслить, и при томъ не только образами, какъ художникъ, но и объ отвлеченныхъ предметахъ, безъ звукового языка, хотя, по-видимому, никогда не достигаетъ того совершенства умственной дѣятельности, какое возможно для говорящихъ. Наконецъ въ математикѣ,— науки совершиеннѣйшей по формѣ, человѣкъ говорящій отказывается отъ слова и дѣлаетъ самыя сложныя соображенія только при помощи условныхъ знаковъ.

Изъ всего этого видно, что область языка далеко не совпадаетъ съ областью мысли. Въ срединѣ человѣческаго развитія мысль можетъ быть связана со словомъ, но въ началь она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченностіи покидаетъ его, какъ неудовлетворяюще ея требованіямъ и, какъ-бы потому, что не можетъ

вполнѣ отрѣшиться отъ чувственности, ищетъ виѣшней опоры только въ произвольномъ знакѣ ¹⁾.

Если, несмотря на такую нетождественность мысли и слова, мы удержимъ въ полной силѣ необходимость слова для мысли, чтобы не впасть въ ошибки теорій, стоящихъ ниже Гумбольта, и если спросимъ когда и для какой именно умственной дѣятельности необходимо слово; то, по Гумбольту, можно будетъ отвѣтить: слово нужно для преобразованія низшихъ формъ мысли въ понятія, и, следовательно, должно появляться тогда, когда въ душѣ есть уже материалы, предполагаемые этимъ преобразованіемъ. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и слѣдующее мѣсто: «языкъ есть вмѣстѣ и необходимое усовершеніе (дополненіе) мышленія, и естественное развитіе способности, свойственной одному только человѣку. Это развитіе не есть физіологически-объяснимое развитіе инстинкта» (и языкъ нельзя назвать инстинктомъ, хотя вполнѣ послѣдовательное и искусное строеніе языка возможно при совершенной грубости народа, точно такъ, какъ правильное строеніе ячеекъ сота не предполагаетъ въ пчелѣ никакихъ познаній). «Не будучи дѣломъ ни непосредственного сознанія, ни свободы, языкъ можетъ однако принадлежать только существу одаренному сознаніемъ и свободою; въ этомъ существѣ онъ вытекаетъ изъ неизслѣдимой глубины его индивидуальности, ибо онъ вполнѣ зависитъ отъ того, съ какою силою и въ какой формѣ человѣкъ безсознательно возбуждается къ дѣятельности всю свою духовную личность» ²⁾). Заключенное здѣсь противорѣчіе уничтожается тѣмъ, что слово нужно душевной дѣятельности для того, чтобы она могла стать сознательною, и появляется, какъ дополненіе, тогда, когда есть уже всѣ прочія условія перехода къ сознательности.

Принявши, послѣ этого, *духъ* въ смыслѣ сознательной умственной дѣятельности, предполагающей понятія, которыя образуются только посредствомъ слова, мы увидимъ, что

1) Steinalth. Gr. L. и Psychol. 153 и слѣд.

2) „Seiner gesammten geistigen Individualitt den treibenden Anstoss ertheilt“ Ueb. die Versch. etc. 303—4.

духъ безъ языка не возможенъ, потому-что самъ образуется при помощи языка и языкъ въ немъ есть первое по времени событие. Мы можемъ даже признать языкъ самостоятельнымъ по отношенію къ духу, разумѣется въ томъ только смыслѣ, въ какомъ духъ, какъ высшая познавательная дѣятельность, самостоятеленъ по отношенію къ другимъ душевнымъ явленіямъ, и при томъ если примемъ, что формы творчества мысли въ языкахъ отличны отъ тѣхъ, которыя назовемъ собственно духовными. Языкъ и духъ, взятые въ смыслѣ послѣдовательныхъ проявленій душевой жизни, мы можемъ вмѣстѣ выводить изъ «глубины индивидуальности», т. е. изъ души, какъ начала, производящаго эти явленія и обусловливающаго ихъ своею сокровенною сущностью.

Тоже слѣдуетъ сказать объ отношеніи языка къ духу народному. Языкъ не можетъ быть тождественъ съ этимъ послѣднимъ; какъ въ жизни лица, такъ и въ жизни народа должны быть явленія, предшествующія языку и слѣдующія за нимъ. Взявшисъ во вниманіе, что языкъ есть переходъ отъ безсознательности къ сознанію, можно сравнить отношеніе данной системы словъ и грамматическихъ формъ къ духу народному, съ отношеніемъ къ нему известной философской системы. Какъ та, такъ и другая, завершающая одинъ періодъ развитія и подчиняя его сознанію, служитъ началомъ и основаниемъ другому высшему.

При всемъ этомъ, божественность языка остается въ сторонѣ, и вопросъ о его происхожденіи становится вопросомъ о явленіяхъ душевой жизни предшествующихъ языкѣ, о законахъ его образованія и развитія, о вліяніи его на послѣдующую душевную дѣятельность, т. е. вопросомъ чисто *психологическимъ*. Самъ Гумбольдтъ не могъ оторваться отъ метафизической точки зреянія, но онъ именно положилъ основаніе перенесенію вопроса на психологическую почву своими опредѣленіями языка, какъ дѣятельности, работы духа, какъ органа мысли. Признаніе вопроса о происхожденіи языка вопросомъ психологическимъ опредѣляетъ уже, гдѣ искать его решенія, и какое именно созданіе языка здѣсь

разумѣется: то-ли, о которомъ говорили теоріи произвольнаго изобрѣтенія и божественнаго откровенія языка, или то, на которое указывалъ Гумбольть, говоря, что «языкъ не есть нечто готовое и обозримое въ цѣломъ; онъ вѣчно создается», при томъ такъ, что законы, по которымъ онъ создается, опредѣлены, а объемъ и даже родъ произведенія остаются неопределенными¹). Законы душевной дѣятельности одни для всѣхъ временъ и народовъ; не въ этихъ законахъ разница между нами и первыми людьми (по-крайней-мѣрѣ вѣроятная разница въ строеніи тѣла не кажется намъ достаточнымъ основаніемъ утверждать противное), а въ результатахъ ихъ дѣйствія, потому-что прогрессъ предполагаетъ два производителя, изъ коихъ одинъ, именно законы душевной дѣятельности, представляется величиною постоянною, другой—результаты этой дѣятельности—перемѣнною. Если, поэтому, будемъ въ состояніи опредѣлить законы прогресса языка, узнать, какъ онъизмѣняется въ теченіе вѣковъ подъ влияніемъ дѣйствующей на него мысли, какъ постепенно растетъ перемѣнныи агентъ въ прогрессѣ языка, т. е. найдемъ постоянныя отношенія, въ какія становится уже сформированная масса языка къ новымъ актамъ творчества; то и въ этихъ послѣднихъ, взятыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застаемъ въ насъ самихъ, сможемъ найти черты, общія намъ съ первыми говорившими людьми. Такимъ-образомъ въ исторіи языка, въ психологическихъ наблюденіяхъ современныхъ намъ процессовъ рѣчи — ключъ къ тому, какъ совершились эти процессы въ началѣ жизни человѣчества. Этимъ устраниются мнѣнія, подобныя тѣмъ, которыя мы видѣли у Шлейхера, и можемъ встрѣтить у другихъ²), будто время созданія языка прошло, будто созданіе это требовало особенныхъ, нѣизвѣстныхъ намъ и не существующихъ теперь силъ. Такъ называемое паденіе языка, которое Шлейхеру казалось постепеннымъ его омертвѣніемъ, съ точки зрѣнія Гумбольта, представляется постояннымъ повтореніемъ первого акта созданія языка.

¹⁾ Ueb. die Versch. 56.

²⁾ Шеллинга, Ревана. См. Steinth. der Urspr. der Spr.

Недѣлимое изъ себя создаетъ свое развитіе, но стѣснено въ этомъ направленіемъ путей, пройденныхъ его народомъ. Въ примененіи къ языку это выражается антиномію: «языкъ есть столько-же созданіе лица, сколько и народа». Законы развитія языка въ недѣлимомъ относятся къ индивидуальной психологіи; законы-же языка, какъ народного произведенія, открываемые языкознаніемъ, требуютъ дополненія со стороны нового еще отдѣла психологіи, содержаніемъ коего должно быть изслѣдованіе отношений личного развитія къ народному. Какъ индивидуальная психологія указываетъ не только общее для всѣхъ законы душевной жизни, но и возможное разнообразіе и оригинальность недѣлимыхъ; такъ психологія народа должна показать возможность различія національныхъ особенностей и строенія языковъ, какъ слѣдствіе общихъ законовъ народной жизни. Такимъ-образомъ то направление науки, которое намъ кажется лучшимъ, предполагаетъ уваженіе къ народностямъ, какъ необходимому и законному явленію, а не представляеть ихъ уродливостями, какъ должно слѣдовать пзъ принципа логической грамматики.

Впрочемъ здѣсь, оставляя почти совсѣмъ въ сторонѣ народно-психологические вопросы, тѣсно связанные съ исторіею отдѣльныхъ языковъ, обратимся къ болѣе легкимъ—о значеніи слова въ развитіи недѣлимаго.

IV. Языкознаніе и психологія.

Сближеніе языкознанія съ психологіею, при которомъ стала возможна мысль искать рѣшенія вопросовъ о языке въ психологіи, и наоборотъ, ожидать отъ изслѣдований языка новыхъ открытій въ области психологіи, возбуждая новые надежды, въ то-же время свидѣтельствуетъ, что каждая изъ этихъ наукъ порознь уже достигла значительного развитія. Прежде чѣмъ языкознаніе стало нуждаться въ помощи психологіи, оно должно было выработать мысль, что и языкъ имѣть свою исторію и что изученіе его должно быть сравненіемъ его настоящаго съ прошедшимъ, что такое сравненіе,

начатое внутри одного языка, вовлекаетъ въ свой кругъ всѣ остальные языки, т. е. что историческое языкознаніе нераздѣльно со сравнительнымъ. Мысль о сравненіи всѣхъ языковъ есть для языкоznанія такое-же великое открытие, какъ идея человѣчества—для истории. И то и другое основано на несомнѣнной, хотя многими несознаваемой истинѣ, что начала, развиваemыя жизнью отдельныхъ языковъ и народовъ, различны и незамѣнны одно другимъ, но указываютъ на другія и требуютъ со стороны ихъ дополненія. Въ противномъ случаѣ, т. е. если-бы языки были повтореніемъ одного и того-же въ другой формѣ, сравненіе ихъ не имѣло-бы смысла, точно такъ какъ история была-бы одною огромною, утомительною тавтологіею, если-бы народности твердили зады, не внося новыхъ началь въ жизнь человѣчества. Говорять обыкновенно обѣ исторической и сравнительной методѣ языкознанія: это столько-же методы, пути изслѣдованія, сколько и основные истины науки. Сравнительное и историческое изслѣдованіе само-по-себѣ было протестомъ противъ общей логической грамматики. Когда оно подрыло ея основы и собрало значительный запасъ частныхъ законовъ языка, тогда только стало невозможно примирить новая фактическая данная со старой теоріей: впно новое потребовало мѣховъ новыхъ. На рубежѣ двухъ направлений науки стоить Гумбольть—гениальный предвозвѣстникъ новой теоріи языка, не виолѣ освободившійся отъ оковъ старой. Штейнталъ первый, какъ кажется, показалъ въ Гумбольть эту борьбу теоріи и практики, или вѣryѣ сказать, двухъ противоположныхъ теорій, а вмѣстѣ и то, на которую сторону должна склониться побѣда, по суду нашего времени.

Съ другой стороны психологія не могла-бы внушить никакихъ ожиданій филологу, еслибы до-сихъ-порѣ оставалась описательною наукой. всякая наука коренится въ наблюденіяхъ и мысляхъ, свойственныхъ обыденной жизни; дальнѣйшее ея развитіе есть только рядъ преобразованій, вызываемыхъ первоначальными данными, по мѣрѣ того, какъ замѣчаются въ нихъ несообразности. Такъ и первыя психологическія

теорії примыкаютъ къ житейскому взгляду на душу. Самонаблюдение даетъ намъ массу психологическихъ фактовъ, которые обобщаются уже людьми, по умственному развитию, непревышающими уровня языка. Кто называетъ однимъ словомъ испытанныя въ себѣ или замѣченныя въ другихъ различныя обнаружения любви, и кто эти явленія, взятые вмѣстѣ съ другими, напр. гнѣвомъ, печалью, обозначаетъ словомъ *чувство*, тотъ не чуждъ подобной разработки понятій. Подвигаясь этимъ путемъ, подводя частныя явленія подъ общія схемы, психологія пришла къ извѣстнымъ понятіямъ, между которыми общаго, съ ея точки, было только то, что обнимаемыя ими явленія происходили въ душѣ; на этомъ основаніи она приписала душѣ столько отдельныхъ способностей производить въ себѣ или испытывать извѣстныя состоянія, сколько было группъ, неподводимыхъ подъ одну общую: радость, печаль—это чувство; рѣшимость, нерѣшительность—воля; память, разсудокъ, разумъ—дѣятельность познавательная; но чувство, воля, разумъ, не имѣютъ общаго понятія, кроме понятія души, а потому душѣ приписаны отдельныя способности понимать, чувствовать, имѣть волю. Если цѣль всякой науки—объяснить явленія, подлежащія ея изслѣдованію, то теорія душевныхъ способностей не имѣеть научнаго характера. Какъ вообще понятія, образованныя изъ признаковъ, общихъ многимъ единичнымъ явленіямъ, должны говорить намъ не болѣе того, что въ разсмотрѣнныхъ нами явленіяхъ есть такіе-то общіе признаки; таѣ и понятія разума, чувства, воли должны быть только общими, и потому неясными очерками, повторяющими события, ярко изображенныя намъ самонаблюденіемъ. Въ естественныхъ наукахъ общія понятія, правильно и постепенно образуемыя изъ частныхъ, ни для кого не имѣютъ реальнаго значенія и всякому кажутся только средствами, созданными мыслью и нужными ей для обзора разнообразныхъ явленій. Зоологъ напр. не станетъ искать причины такихъ или другихъ свойствъ этой собаки въ отвлеченномъ понятіи собаки вообще. Если-же опытная психологія утверждаетъ, что познавательная спо-

собность производить представлія, понятія, что человѣкъ помнить, потому-что имѣеть память; то она нелогично принимаетъ то, что въ насы происходитъ, за реальныя начала самихъ явлений и, по выраженію Гербарта, изъ опыта науки превращается въ мифологію.

Междудѣмъ насы дѣйствительно преслѣдуется необходимость искать причины душевныхъ явлений. Языкъ, вообще соотвѣтствующій среднему уровню пониманія въ народѣ, не ограничивается обозначеніемъ душевныхъ явлений посредствомъ сравненія ихъ съ чувственными, или другими душевными: назвавши любовь огнемъ, онъ отъ сравненія переходитъ къ причинѣ и говоритъ, что отъ огня въ насы любовь, точно такъ-же, какъ наоборотъ народный стихъ, недовольствуясь сравненіемъ физическихъ явлений съ психическими, ищи съ думою, утверждаетъ, что у насы ночи темныя отъ думъ Божіихъ. Темный человѣкъ, по своему, грубо удовлетворяетъ потребностямъ, создающимъ впослѣдствіи науку; въ сравненіи онъ ищетъ средства произвести самое явленіе, раскаляетъ слѣды, взятые изъ подъ ногъ другаго, чтобы произвести въ немъ любовь. И при высшей степени развитія, всякий, кому нужно имѣть вліяніе на душу, ищетъ разгадки ея состоянія. Нельзя себѣ представить воспитателя безъ извѣстной, истинной или ложной сознательной или безсознательной теоріи причинныхъ отношеній между явленіями душевной жизни, точно такъ, какъ безъ знанія причинъ болѣзни можно быть только страдательнымъ ея наблюдателемъ, а не врачемъ. Теорія способностей, превративши общія схемы явлений въ ихъ реальныя начала, сбилась съ пути, указываемаго обыченою жизнью и сошла съ дѣйствительно-причинной точки зреенія. Такъ напр. если говоря, что страсть ослѣпляетъ человѣка, т. е. даетъ одностороннее направление его разсудку, мы выражаемъ общее безсознательное убѣжденіе, что психическая явленія различныхъ группъ видоизмѣняютъ другъ друга своимъ вліяніемъ, то тѣмъ самымъ указываемъ на явленіе необъяснимое теорію способностей. Въ этой теоріи разумъ, чувство, воля—только логически соподчиняются другъ другу и

не могут быть приведены въ другую зависимость, потому-что какъ-же будетъ возможно влияніе познанія на чувство, чувства на волю, если самое название ихъ душевными способностями было свѣдѣствіемъ невозможности привести ихъ къ одному знаменателю?

Отсутствіе причинной связи между явленіями нераздѣльно съ другимъ важнымъ недостаткомъ теоріи душевныхъ способностей, именно съ тѣмъ, что явленія представляются въ ней одновременными и неподвижными членами системы. Какъ предметъ грамматики того направленія, которое называются практическими, есть литературный языкъ, при томъ не дѣйствительный, потому-что въ такомъ случаѣ эта грамматика должна бы стать историческою, вслѣдствіе разновременности словъ, замѣтныхъ въ каждомъ языкѣ, а идеальный; такъ и предметъ опытной психологіи есть не дѣйствительный, а какой-то мысленный, невозможный человѣкъ. Положимъ, мы представили описание найденного нами въ современномъ человѣкѣ; можемъ ли мы устранить вопросъ о томъ, встрѣчается-ли намъ такая совокупность явленій въ дикарѣ, въ человѣкѣ прежнихъ вѣковъ? Мы не избѣгнемъ также другого вопроса, всегда-ли въ этомъ образованномъ была такая совокупность? Если не всегда, то гдѣ начинается въ немъ то состояніе, которое мы назвали образованностью? Опытъ намъ скажетъ, что во многихъ образованныхъ мы не встрѣтимъ известныхъ явленій, и что въ одномъ и томъ-же эти явленія постоянно мѣняются, такъ-что не только чувства и акты воли мгновенно то являются, то исчезаютъ, но и познавательная способность дѣйствовать въ разныя времена съ различною силою. Такое постоянное волненіе не можетъ быть обніято неподвижными схемами. Опытная психологія, чтобы не разойтись съ опытомъ, должна предположить, что способности до своего дѣйствительного появленія существуютъ какъ возможности, такъ-что, напр. разумъ можетъ быть безъ познаваемаго, чувство безъ чувствуемаго, при чёмъ между возможностью и дѣйствительностью будетъ ничѣмъ незаполненная пропасть.

Очевидно, что при такомъ состояніи науки, сближеніе съ языкоzнаніемъ невозможно. Напрасно будемъ ей предлагать вопросъ объ условіяхъ зарожденія языка и его вліяніи на послѣдующее развитіе, если ей самой чуждо стремленіе изслѣдоватъ условія явленій.

Руководясь необходимостью внести причинный взглядъ на душевную жизнь, легко можно замѣтить, что не всѣ ея явленія могутъ быть названы равно первоначальными. Такъ, относительно познанія, давно уже известно, что *nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*, т. е. что всѣ дѣйствія, приписываемыя различнымъ способностямъ этой группы—только видоизмѣненія матеріала данного чувствамъ, или, если захотимъ отрицать причинную связь между душою и міромъ, создаваемаго душою во время чувственнаго воспріятія. Согласно съ этимъ память и воспоминаніе, которая удерживаютъ и воспроизводятъ впечатлѣнія, фантазія, прихотливо ихъ группирующая, разсудокъ, преобразующій ихъ въ понятія и сужденія, какъ олицетворенія безъ реального значенія, какъ мнѣческія существа, которые сами рождаются въ одно время съ тѣмъ, что производятъ, могутъ быть устраниены. Преобразованія чувственныхъ впечатлѣній могутъ быть выведены изъ силъ, которая не таятся въ этихъ воспріятіяхъ до времени, а дѣйствительно возникаютъ при извѣстныхъ условіяхъ, подобно тому, какъ физическія силы не пробуждаются въ веществѣ, а рождаются въ немъ при его взаимодѣйствіяхъ съ другимъ. Условія появленія силъ, видоизмѣняющихъ воспріятія, будутъ взаимодѣйствія этихъ послѣднихъ; если иное представление забывается, другое помнится, то это не потому, что мы имѣемъ способность помнить и забывать (это не объясняетъ дѣла), а потому, что одно испытывается большее давленіе со стороны другихъ, а другое—меньшее, подобно тому, какъ одна чашка вѣсовъ опускается, а другая поднимается, не потому только, что способны къ этому, а потому-что на одной лежитъ тяжесть, на другой нѣть. Не слѣдуетъ смущаться тѣмъ, что употребленное нами слово «давленіе» имѣеть матеріальный смыслъ;

и психологія, какъ и всякая наука, принуждена пользоваться языкомъ, а языкъ и невещественное обозначаетъ словами первоначально выражавшими подлежащее чувствамъ. Сила не въ словахъ, а въ томъ, что при такомъ воззрѣніи дается возможность опредѣлить психо-механическій процессъ возникновенія сложныхъ явлений изъ простѣйшихъ стихій и управляющихъ ими законовъ, и изгоняются мелкія душевныя способности, столь-же ненужныя, какъ флогистонъ въ химії и жизненная сила въ физиологии. Это нисколько не противорѣчить опыту. Представленія возстаютъ изъ глубины души, ссыплются и тянутся вереницами, слагаются въ причудливые образы или въ отвлеченныя понятія, и все это совершается само собою, какъ восхожденіе и захожденіе свѣтиль, безъ того двигателя, который необходимъ для кукольного театра.

Подобнымъ образомъ разложимы и двѣ другія области душевной жизни: чувство и воля. Признавши ихъ первичными, необходимо было бы отказаться отъ ихъ объясненія, потому-что всякое объясненіе было-бы разложеніемъ ихъ на простѣйшія представленія. Но наблюденіе показываетъ, что чувства не только сопровождаются мыслью, но и находятся отъ нея въ зависимости. Въ этомъ можно увѣритъся, сравнивши проявленія чувства и воли въ людяхъ разныхъ степеней развитія. Развитіе ума порождаетъ новыя чувства и стремленія и подавляетъ старыя. Въ дитяти желанія настойчивѣе, чувства мельче и вообще все состояніе духа измѣнчивѣе, чѣмъ во взросломъ. Воля, посредствомъ мысли, то совсѣмъ разрушаетъ чувство, то подавляетъ его только на мгновеніе, давая ему возможность въ слѣдующій разъ проявиться съ большою силою. Вообще сомнѣваться во вліяніи умственного развитія на чувство и волю значитъ сомнѣваться во всесторонности прогресса и отрицать, что въ образованномъ обществѣ менѣе возможны неукротимые порывы чувства, чѣмъ между дикарями. Не безъ основанія мы цѣнимъ человѣка не по одному развитію ума, но и по степени власти надъ собою, которая, какъ сказано выше, посредствуется мыслью.

Эстетическая и нравственные чувства зависят отъ самого содержания представленій, но объ остальныхъ этого сказать нельзя. Поэтому причины чувства вообще можно искать не въ томъ, что вообще представляется, а въ томъ, какимъ образомъ представленія дѣйствуютъ другъ на друга.

Возьмемъ для примѣра чувство ожиданія и предположимъ извѣстнымъ во 1-хъ, что различныя воспріятія при извѣстныхъ условіяхъ ассоциируются, соединяются между собою, такъ-что одно, которое мы вспомнили, приводитъ на память и другія; во 2-хъ, что одинаковыя представленія сливаются между собою. Положимъ, мы ѿдѣмъ по знакомой дорогѣ; представленія предметовъ, замѣченныхъ нами прежде, образовали въ насъ рядъ, первый членъ котораго вызываетъ въ сознаніи всѣ остальные. Мы видимъ мостъ черезъ рѣчку и при этомъ думаемъ, что за мостомъ начнутся пески, потомъ лѣсъ, затѣмъ гора, па которой стоитъ монастырь. Еслибы прежнія представленія возникли въ насъ, по мѣрѣ того какъ мы видимъ всѣ эти предметы, то вновь полученные нами ихъ образы сливались бы съ прежними и не произошло бы никакого опредѣленного чувства; но мысль наша забываетъ впередъ и представляетъ намъ гору и монастырь, тогда какъ передъ нами еще пески, и представление горы, вызванное къ сознанію другими, связанными съ нимъ, то вновь подавляется тѣмъ, что мы дѣйствительно видимъ, то всплываетъ опять. При такомъ колебаніи представленій происходитъ непріятное само-по- себѣ чувство ожиданія. Съ ожиданіемъ сродно другое непріятное чувство, желаніе. Оно происходитъ тогда, когда мы представляемъ предметъ, отъ котораго можемъ ожидать удовольствія, но вмѣстѣ сознаемъ, что для удовольствія нашего недостаетъ дѣйствительнаго присутствія этого предмета. Мы желаемъ ѿстъ, когда въ болѣе или менѣе заманчивомъ видѣ представляемъ пищу, но чувствуемъ недостатокъ чувственныхъ впечатлѣній, сопровождающихъ ѿду. Такимъ-образомъ мы желаемъ не самого предмета, а извѣстныхъ видоизмѣненій его представленія, извѣстнаго пріятнаго чувства удовлетворенія. На выраженіе, что можно представлять отсут-

ствующий приятный предмет и не желать его, отвѣчаютъ, что въ такомъ случаѣ и предметъ вовсе не представляется приятнымъ для насъ въ эту минуту: мы думаемъ, что онъ когда-то доставлялъ намъ удовольствіе. Этими примѣрами мы хотимъ сказать, что чувство вообще можетъ быть названо состояніемъ души, при извѣстныхъ движеніяхъ представлений (въ обширномъ смыслѣ этого слова), при измѣненіи ихъ взаимныхъ отношеній.

Въ основаніи третьяго разряда душевныхъ явлений, воли, лежитъ желаніе, но между волею и желаніемъ есть разница. Я могу желать совершенно независимаго отъ моей воли, совершенно несбыточного по моему собственному мнѣнію, напр., чтобы подульнѣ такой вѣтеръ, при которомъ я найду затишье, чтобы взошла такая-то звѣзда, чтобы судьба дала мнѣ богатство, и отъ этой несбыточности нисколько не уменьшается сила желанія. Желаніе нѣрѣдко идетъ даже на перекоръ волѣ, напр. можно думать про себя «чтобъ онъ пропалъ», но при встрѣчѣ не только не пустить ему камня въ голову, что вполнѣ-бы зависѣло отъ воли, но снять шапку и раскланяться. То—чего я хочу—непремѣнно должно мнѣ казаться возможнымъ (при чемъ, конечно, возможно съ моей стороны заблужденіе); оно должно вызывать въ сознаніи извѣстный представлениія, съ которыми ассоциировалось прежде, и которыхъ необходимо должны осуществиться при моемъ содѣйствіи прежде, чѣмъ достигну того, чего хочу. Такимъ-образомъ воля происходитъ тогда, когда, желая, мы видимъ вмѣстѣ возможность посредственно или непосредственно произвести желаемое; она есть, какъ и желаніе, результатъ извѣстнаго представлениій¹⁾.

Такова въ общихъ чертахъ господствующая теперь Гербартова теорія представлений, какъ силь, вся основанная на стремленіи постигнуть законность душевной жизни. Она первая поставила психологію на степень науки, освободивши ее и

¹⁾ Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft v. Th. Waitz. Braunschweig 1849.

отъ грубаго, непригоднаго и въ практическомъ отношеніи эмпиризма и отъ нѣкоторыхъ ошибочныхъ предположеній. Признавая въ ней многое неопровергнумы, и не оспаривая самой мысли о душевномъ механизмѣ, можно и должно однако спросить, все-ли можетъ объяснить этотъ механизмъ и нѣтъ ли въ параллелограммѣ душевныхъ силъ такой, величина которой для насть неопредѣлена и неопредѣлена? На этотъ вопросъ Лотце¹⁾ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Безъ сомнѣнія наша наука не станетъ выше средствъ нашего познанія, и должна будетъ признать за рядъ данныхъ фактъвъ то, чего не сможетъ вывести изъ одного основанія. Успія во что-бы ни стало свести все къ одному—вводить только въ искушеніе безсознательно устранилъ кое-что изъ даннаго содержанія фактъвъ, чтобы легче объяснить остальное. Мы признаемъ законнымъ всякое требование видѣть во всѣхъ проявленіяхъ одного и того-же существа лишь различныя слѣдствія его собственной природы, но не въ состояніи удовлетворить этому требованію въ наукѣ. По немногимъ мѣстамъ, какія комета въ разныя времена занимала на небѣ, мы заключаемъ о дальнѣйшемъ ея пути; прошедши чрезъ извѣстныя точки, она, по законамъ небесныхъ движений, необходимо должна пройти и черезъ другія, принадлежащія вмѣстѣ съ первыми къ одной закономъ опредѣленной кривой. Такую-же послѣдовательность мы предполагаемъ въ душѣ. Если природа ея такимъ, а не другимъ образомъ проявилась при извѣстномъ возбужденіи (*Reiz*), то и слѣдующее ея проявленіе, какимъ она отвѣтить на другое возбужденіе, уже не предоставлено ея произволу. Одинъ шагъ опредѣляетъ всѣ слѣдующіе, и какъ-бы ни были разнообразны виѣшнія возбужденія, отношенія души къ нимъ обусловлены тѣмъ, какъ она относилась къ первому изъ этихъ возбужденій. Различныя воздействиа души на внѣшнія возбужденія не лишены взаимной связи, а слагаются въ цѣльное выраженіе послѣдовательной много-

1) *Mikrokosmus. Ideen zur Naturgeschichte und Geschichte der Menschheit.*
Versuch einer Antropologie v. Herm. Lotze. Leipzig. 1856—7.

сторонности души. Но какъ астрономія по одной точкѣ въ пути кометы не можетъ судить о ея быстротѣ и направлениіи, такъ и мы въ одномъ способѣ проявленія души не найдемъ средствъ предсказать то, какъ она высказывается при другихъ условіяхъ. Тѣмъ-не-менѣе, въ небесномъ тѣлѣ въ каждую минуту вполнѣ есть движеніе, опредѣляющее его дальнѣйшій путь; точно такъ и въ каждомъ отдельномъ проявленіи души можетъ уже заключаться внутренняя необходимость такихъ, а не другихъ слѣдующихъ проявленій. Связь всѣхъ точекъ въ пути кометы заключается въ законахъ притяженія и инерціи; закона, который-бы представилъ намъ всѣ различныя дѣятельности души, не смотря на ихъ формальное различіе, звеньями одной и той-же цѣпи развитія, слѣдовало-бы искать гораздо глубже. Этотъ законъ предполагаетъ знаніе, почему существуетъ, видящее свѣтъ и цвѣта, когда возбуждено волнами эѳира, необходимо должно слышать звуки, если колебанія воздуха дѣйствуютъ на его слухъ, или почему его природа, при однихъ впечатлѣніяхъ (*Eindrücke*) производящая наглядная, но безразличная воспріятія (*Wahrnehmungen*), подъ влияніемъ другихъ испытываетъ удовольствіе и неудовольствіе. Врядъ-ли нужно говорить, что такая задача никогда не была решена, и что не видно никакой возможности ея решенія. Всякая психологія будетъ убѣждена, что такая непрерывная послѣдовательность есть въ природѣ души, но ни одна не сумѣеть выразить ея закона. Требованіе такого единства души можетъ всегда быть путеводною нитью нашихъ изслѣдований, но при самомъ исполненіи ихъ мы принуждены довольствоваться, признаніемъ различныхъ проявленій души за данные факты ¹⁾.

Было-бы ошибочно принимать полную независимость разума, чувства и воли. «Наблюденіе слишкомъ явственно показываетъ, что съ теченіемъ представлений связано чувство, что изъ удовольствія и неудовольствія развивается стремленіе достигнуть желаемаго и устраниТЬ нежелаемое.

¹⁾ Lotze Mikr. I 189—191.

Но такая очевидная зависимость не решаетъ того, представляетъ-ли предшествующее событие полную удовлетворительную причину, своею собственною силою производящую послѣдующее, или-же предшествующее есть только обстоятельство, служащее поводомъ послѣдующаго, и действуетъ вмѣстѣ съ другою силою, ус孔ъзывающею отъ нашего наблюденія. Точный разборъ фактовъ устранитъ это сомнѣніе. Если намъ удастся въ данномъ найти решительно всѣ зародыши и стихіи будущаго, и вмѣстѣ,—ихъ движеніе, изъ котораго само собою должно образоваться будущее, то мы будемъ имѣть основаніе считать предшествующее достаточнouю причину послѣдующаго. Если-же въ результатѣ окажется излишekъ, необъяснимый предшествующими обстоятельствами, то мы принуждены будемъ заключить, что въ нихъ не было полнаго основанія послѣдующаго явленія, что къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще одно, незамѣченное нами условіе.

«Сравненіе упомянутыхъ душевныхъ явленій принуждаетъ насъ, какъ кажется, принять послѣднее. Если будемъ разматривать душу, какъ существо познающее (*vorstellendes Wesen*), то ни въ одномъ изъ состояній, въ какія она можетъ быть приведена совершенiemъ этой дѣятельности, мы не откроемъ достаточнаго основанія, которое принудило бы душу, оставивъ такой способъ своего проявленія, развить въ себѣ чувства удовольствія и неудовольствія. Конечно, можетъ казаться, что ничего не можетъ быть естественнѣе того, что непримиренные противоположности представлений, борьбою своюю причиняющихъ насліе душѣ, производить въ ней чувство неудовольствія, изъ котораго должно возникнуть стремленіе къ исцѣленію. Но это такъ кажется только намъ, существамъ болѣе чѣмъ познающимъ; эта послѣдовательность не сама собою разумѣется, и выводится изъ внутренняго опыта, давно пріучившаго насъ къ ея непрѣбѣжности и заставившаго насъ упустить изъ виду, что на дѣлѣ есть перерывъ между предшествующимъ и послѣдующимъ членомъ ряда, перерывъ, который можемъ заполнить, только принявши новое, еще незамѣченное нами условіе. Независимо

отъ опыта, познающа душа не нашла-бы въ себѣ причины иначе воспринимать свои внутреннія измѣненія, даже угрожающія ея бытю, чѣмъ съ тою-же равнодушною точностью наблюденія, съ какою она смотритъ на борьбу постороннихъ силъ. Еслибы, при такомъ холодномъ воспріятіи, изъ другихъ источниковъ возникло чувство, то душа только чувствующа, даже при самомъ жестокомъ страданіи, не нашла-бы въ себѣ ни причины, ни способности перейти къ стремлению измѣнить свое состояніе; она-бы страдала, не возбуждая себя къ волѣ. Такъ какъ въ дѣйствительности—не то, то въ душѣ должна съ самаго начала заключаться способность чувствовать удовольствіе и неудовольствіе, и теченіе представлений, воздѣйствуя на природу души, должно же создавать изъ себя, а только возбуждать проявленіе этой способности; далѣе, чувства, какія-бы они ни были, становятся только мотивами (*Beweggründe*) способности воли, которую они уже застаютъ въ душѣ, которой дать, еслибъ ея не было, они-бы не могли. Это убѣжденіе никакъ не могло-бы быть замѣнено уступкою, которую памъ могутъ дѣлать: что, конечно, извѣстное отношеніе представлений само по себѣ еще не есть вытекающее изъ него чувство удовольствія и неудовольствія, или воля, но что чувство и стремленіе—не что иное, какъ формы, въ какихъ эти отношенія воспринимаются сознаніемъ. Мы должны-бы были прибавить, что именно эти формы воспріятія вовсе не второстепенныя прибавленія (*Beiwerk*), о коихъ можно-бы было упомянуть только по поводу расположенія представлений, составляющаго сущность дѣла; существенное здѣсь именно въ томъ, какъ эти представлія являются душѣ (*das wesentliche liegt hier vielmehr in der Art des Erscheinens*). Чувства и стремленія, именно какъ чувства и стремленія, имѣютъ цѣну для душевной жизни, значеніе коей не въ томъ, что бываютъ разныя сочетанія представлений, которая между прочимъ доходитъ до сознанія въ формахъ чувства и воли, а въ томъ, что природа души въ состояніи испытывать отъ чего-бы ни было чувства и стремленія»¹⁾.

¹⁾ Lotze Mikr. 194—196.

Принимаемыя такимъ-образомъ три способности «не отдельными корнями вырастаютъ изъ почвы души», но представляются тремя степенями ея дѣятельности, такъ-что воля возбуждается чувствомъ, а чувство—представленіями. Что до затрудненія, представляемаго бытіемъ способностей въ возможности (*in potentia*), то оно, и по мнѣнію Дробиша, одного изъ представителей школы Гербарта, не существуетъ и для Лоце, потому-что способности—это «не зародыши, лежащіе въ душѣ въ ожиданіи развитія и развивааемые возбужденіями (*Reiz*), не сжатыя пружины, которыя распрямляются отъ виѣшнихъ вліяній, а только роды отношений души (*Verhaltungsweisen*) ко виѣшнимъ вліяніямъ, возникающіе въ ней не раньше и не позже самихъ вліяній; а ихъ возможность есть только отвлеченнѣе понятіе въ мысли человѣка, разсуждающаго объ условіяхъ ихъ дѣйствительнаго существованія, потому-что эти условія заключаются не въ одной сущности души, по вмѣстѣ и въ свойствѣ виѣшнихъ возбужденій¹⁾), въ отношеніяхъ души и этимъ посвѣднімъ. «Душа, говоритъ Лоце, не по частямъ проявляется въ этихъ способностяхъ, не такъ-что однѣ изъ ея частей пробудились, а другія еще спать, напротивъ, въ каждой формѣ своей дѣятельности дѣйствуетъ вся душа; уже въ представленіи она приводить въ дѣйствие не одну свою сторону, а всей своей цѣлостности даетъ одностороннее выраженіе, потому-что на извѣстное возбужденіе она можетъ отвѣтить не всѣми, а только извѣстною возможностью своего проявленія. Сравнивши *четыре съ пятнадцатью*, увидимъ, что первое единицею менѣе втораго; но безъ особаго требованія само это число не прибавить, что оно вдвое больше двухъ и вдвое менѣе восьми, и нужны новые сравненія, чтобы привести себѣ на память и эти отношенія. Однако въ каждомъ изъ этихъ отношеній выражается вся природа *четырехъ*, но только одностороннимъ образомъ, соотвѣтственно нашей точкѣ зреенія. Или,

¹⁾ Zeitschrift fr Philosophie v. Ulrici u. Wirth. XXXIV, II. Ueber Lotzes psychologischen Standpunkt.

возвращаясь къ прежнему сравненію, по одной точкѣ никто не можетъ судить о направленіи и быстротѣ движущагося тѣла, а между тѣмъ въ каждое мгновеніе въ немъ вполнѣ дѣйствуетъ сила, опредѣляющая его дальнѣйшій путь. Такъ въ дѣятельности представленія для насъ высказалась не вся природа души и не видно, что въ слѣдующее за тѣмъ мгновеніе представлениe можетъ перейти въ чувство и волю; однако въ этой частицѣ пути развитія души дѣйствуетъ вся ея природа. Божественный разумъ могъ-бы по одной недѣлимой точкѣ судить о направленіи небеснаго тѣла, ненуждаясь для этого въ протяженной части его пути, точно такъ, какъ и въ одномъ проявленіи души ему-бы предстояла вся ея природа и необходимость при другихъ условіяхъ перейти къ другимъ формамъ дѣйствія; человѣческому же разуму остается только исподволь исчерпывать эту глубину знанія и при этомъ помнить, что въ основаніи принимаемой пами множественности способностей лежитъ единая сущность души. Впрочемъ, мы не имѣемъ основанія считать признаніе различія способностей только слѣдствіемъ слабости нашего ума; въ некоторомъ смыслѣ, это—самая сущность дѣла. Быть можетъ, даже божественный разумъ не нашелъ-бы въ одномъ актѣ представлениe, почему за нимъ должно слѣдоватъ чувство; онъ-бы только во всемъ разумномъ смыслѣ душевной жизни яснѣе насъ увидѣлъ причину, повелѣвающую этимъ явленіямъ быть вмѣстѣ и слѣдоватъ другъ за другомъ, причину, подобную идеѣ, одушевляющей стихотвореніе, крѣпко и необходимо связующей разнообразныя его части, изъ коихъ ни одна сама не развилася-бы изъ себя другой».

Всякая психологическая теорія необходимо признаетъ нѣсколько такихъ способовъ проявленія души, которыхъ нельзя свести въ одинъ. Однако ученіе, которому психологія обязана столь многимъ, признаетъ множественность только въ непосредственныхъ воздействиx души на возбужденіе извѣй, т. е. только въ чувственныхъ восприятіяхъ. И оно полагаетъ, что нельзя вывести другъ изъ друга этихъ первѣйшихъ проявленій души, и не берется сказать, почему

существо, видящее свѣтъ, воспринимаетъ другія впечатлѣнія въ видѣ звуковъ. Напротивъ, всѣ высшія дѣятельности (по этому ученію) будто бы вполнѣ вытекаютъ изъ этихъ первичныхъ состояній; душа, разъ создавши этотъ первичный матеріяль, какъ будто оставляетъ свою творческую дѣятельность, предоставляетъ свои произведения законамъ ихъ взаимодѣйствія. Такимъ-образомъ душа въ своей дальнѣйшей жизни оказывается только сдѣною, которая хотя и сопровождаетъ сознаніемъ то, что на ней происходитъ, но не обнаруживается на это никакого другаго вліянія. Противъ этого именно направлены наши замѣчанія. Творчество души обнаруживается не одинъ только разъ при созданіи простыхъ ощущеній; напротивъ, хотя ощущенія и подчиняются въ своихъ взаимодѣйствіяхъ известнымъ механическимъ законамъ, но эти законы не исчерпываются и не объясняютъ высшихъ явлений духовной жизни. Механическое теченіе воспріятій служить только поводомъ, только вызываетъ новыя формы дѣятельности души, которая никакъ-бы не вышли изъ самаго этого механизма. Душа точно такъ относится къ каждому изъ своихъ внутреннихъ состояній, какъ относилась ко внѣшнимъ возбужденіямъ: на каждое свое состояніе она можетъ отвѣтить такого рода дѣятельностью, какой мы не въ состояніи вывести изъ предшествующихъ обстоятельствъ, которая дѣйствительно заключена не въ однихъ только этихъ обстоятельствахъ»¹⁾...

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ отношеніи изложенныхъ здѣсь мыслей къ нашему предмету. Нетолько чувство и воля не могутъ быть выведены вполнѣ изъ отношеній между представленіями, но и въ болѣе тѣсномъ кругу явлений умственной жизни представлять послѣдующее и высшее прямымъ слѣдствіемъ немногихъ известныхъ намъ предшествующихъ обстоятельствъ, значитъ невольно обольщать себя и другихъ. Говоря о переходѣ образа предмета въ понятіе о предметѣ, въ болѣе исключительно-

¹⁾ Mikr. I. 196—199.

человѣческую форму мысли, мы увидимъ, что этотъ переходъ можетъ совершиться только посредствомъ слова, но при этомъ будемъ помнить, что само слово никакъ не создастъ понятія изъ образа, что понятіе, какъ и многое другое въ личной и народной жизни, навсегда останется для насъ величиною, произведенною, такъ сказать, умноженіемъ извѣстныхъ намъ условій на неизвѣстныя намъ, вѣроятно неизслѣдимыя силы. Здѣсь нѣтъ призыва къ смиренному бездѣйствію, основанному на томъ, что умъ нашъ слабъ, а пучина премудрости Божіей бездонна, и есть только законное сомнѣніе въ близости конечной цѣли мысли, т. е. знанія связи явленій. Кажется, лучше, при равенствѣ знаній, находить, подобно Лопе, темные стороны въ предметѣ, чѣмъ считать этотъ предметъ почти или совершенно яснымъ.

Слово, предполагаемое извѣстными степенями развитія мысли, въ свою очередь, предполагаетъ чувственныя восприятія и звуки, а потому мы начнемъ съ этихъ послѣднихъ условій.

V. Чувственныя воспріятія.

Мы не можемъ представить себѣ безусловнаго отсутствія въ насъ душевной дѣятельности, точно такъ, какъ глазъ нашъ не можетъ видѣть совершенной тьмы. Дни и часы, которые мы называемъ потерянными для жизни, все-же дни и часы, все-же время, а представление времени для насъ неразлучно съ представлениемъ ряда событий въ душе. Если мы постараемся удалить занимающія насъ обыкновенно мысли и чувства, и прекратимъ доступъ впечатлѣній зреенія, слуха, обонянія и, на сколько это возможно, вкуса и осозанія, то все-же намъ останутся впечатлѣнія, неотдѣлимые отъ жизни нашего организма: извѣстная степень напряженности и ослабленія мускуловъ и органической теплоты, сопровождающихъ процессъ пищеваренія, степень давленія воздуха на все наше тѣло и вообще изменения, которыхъ мы обнимаемъ общими словами: болѣзнь

и здоровье. Обыкновенно эти впечатлѣнія не замѣчаются взрослымъ человѣкомъ и какъ-бы подавлены другими, болѣе явственными, хотя иногда сами вытѣсняютъ всѣ остальные и на какое время вполя овладѣваютъ нашимъ вниманіемъ. Это послѣднее бываетъ или тогда, когда, вслѣдствіе извѣстныхъ соображеній мы ждемъ опасныхъ для себя измѣнений въ организмѣ, что нерѣдко случается съ мнительными людьми, или — когда эти впечатлѣнія достигаютъ значительной степени силы, напр. когда чувствуемъ голодъ, жажду, усталость, всякую боль или, напротивъ, удовольствіе отъ извѣстнаго состоянія организма, отъ удовлетворенія физическими потребностями. Совоюзность такихъ ощущеній называются *общимъ чувствомъ*.¹⁾ Можетъ показаться страннымъ, что къ одной и той-же группѣ явлений приписляются повидимому столь далекія другъ отъ друга ощущенія, какъ боль и усталость (которой мы не назовемъ болью), но дѣло въ томъ, что всѣ они указываютъ на состояніе нашего организма, а не на свойства вышніхъ тѣлъ, какъ остальные чувства, и что во всѣхъ ихъ преобладающею въ глазахъ наблюдателя чертою является связанное съ ними удовольствіе и неудовольствіе.

Соответственно свойствамъ данныхъ, доставляемыхъ общимъ чувствомъ, оно не имѣть особаго органа; органъ его — все пространство тѣла снаружи и внутрій, откуда только идутъ чувствительные первы къ головному и спинному мозгу. Осязаніе сходно въ этомъ съ общимъ чувствомъ, но органы его — не все тѣло, а только его поверхность, особенно тѣ мяста, где какъ въ концахъ пальцевъ и въ губахъ, наибольше нервовъ осязанія. Впечатлѣнія общаго чувства постоянно сопровождаются всѣ болѣе сложныя дѣйствія души и не только служить имъ фономъ, но и даютъ имъ извѣстное направленіе. Извѣстно напр., что когда намъ отъ физиологическихъ причинъ не по себѣ, мы думаемъ и

1) Ср. Lotze, Mikr. II 168 слѣд. Steinthal. Gr. L. и Ps. 235. 246. 282 и слѣд.

чувствуемъ иначе, чѣмъ когда мы совершенно здоровы. Легко однако замѣтить, что, при нормальномъ состояніи нашего организма, эти впечатлѣнія не доходятъ до сознанія, что даже боль, голодъ, усталость вовсе не замѣчается, или забываются, если мы чѣмъ нибудь заняты. Все то, что заставляетъ насъ забыть о состояніи нашего тѣла есть явленіе сложное и сравнительно позднѣйшее; даже чувственныій образъ поверхности предмета, обнимаемой нами, по-видимому однимъ взглядомъ, предполагаетъ мелкія, недѣльныя восприятія, еще несложившіяся въ образъ предмета съ двумя измѣреніями. Если устранимъ все приобрѣтаемое нами впослѣдствіи, то окажется, что при самомъ началѣ развитія въ душѣ есть съ одной стороны впечатлѣнія общаго чувства, который назовемъ субъективными въ томъ смыслѣ, что даютъ знать душѣ только о состояніи нашего тѣла, съ другой—впечатлѣнія объективныхъ чувствъ. Эти послѣднія впослѣдствіи проицируютъ, то есть соединяются въ известныя группы и въ такомъ видѣ принимаются душою за вѣшніе для нея предметы; но тогда еще разъединены, а потому имѣютъ еще только субъективное значеніе и стоять еще на степени общаго чувства, потому-что представляются только измѣненіями организма. Устранивши физиологический вопросъ обѣ томъ, такова-ли дѣятельность зрительныхъ, слуховыхъ и другихъ чувственныхъ нервовъ въ ребенкѣ, только-что начинающемъ жить, какъ и во взросломъ, мы должны съ психологической точки зреянія принять, что если и всегда, какъ нужно полагать, глазъ видѣть не что иное какъ свѣтъ, ухо слышать только звукъ, то эти впечатлѣнія вначалѣ имѣютъ для души совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ впослѣдствіи, не могутъ возбуждать такого интереса, какой имѣютъ для насъ тѣ-же впечатлѣнія, сложившіяся въ образы вѣшніхъ предметовъ.

Субъективные впечатлѣнія общаго чувства и совершенно несходныя съ нимъ по своей послѣдующей судьбѣ впечатлѣнія объективныхъ чувствъ могутъ даваться вмѣстѣ въ различныхъ сочетаніяхъ и, безъ сомнѣнія, смѣняются другъ другомъ въ

душѣ (напр. звукъ—свѣтомъ, холодъ—тепломъ); но вызываемое этою смѣною состояніе души не будетъ походить на чувства, испытываемыя нами при смынѣ уже организованныхъ восприятій. Это состояніе представляютъ особымъ душевнымъ явленіемъ и называютъ тоже общимъ чувствомъ.

Итакъ однимъ названіемъ обозначаются два явленія: а) восприятіе впечатлѣній отъ состоянія тѣла и б) состояніе души при хаотическомъ смѣшаніи этихъ впечатлѣній съ впечатлѣніями другихъ чувствъ, еще несложившимися въ образъ виѣшняго предмета. Общее чувство, принятое въ первомъ смыслѣ, имѣть хотя невыразимое, но опредѣленное содержаніе, сообщаетъ душѣ такія данныя, какихъ она не можетъ получить ни отъ какого другаго чувства и только сопровождается удовольствіемъ и неудовольствіемъ, а не исчерпывается ими; во второмъ смыслѣ—оно лишено опредѣленного содержанія, есть только позѣстная форма отношенія души къ неопределеннѣмъ членамъ, и вполнѣ заключается въ категоріяхъ удовольствія и неудовольствія. Въ первомъ смыслѣ общее чувство однородно съ зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, во второмъ со скучою, ожиданіемъ и т. п. И въ томъ и другомъ значеніи общее чувство характеризуетъ первое время жизни. Субъективныя ощущенія состояній организма отодвигаются на задний планъ лишь по мѣрѣ того, какъ образуется для души различіе между виѣшнимъ и внутреннимъ, т. е. по мѣрѣ проекціи впечатлѣній объективныхъ чувствъ. Оставляя въ сторонѣ важный психологический вопросъ обѣ томъ, что заставляетъ насъ ставить виѣ себя свои личныя ощущенія, и какъ совершается этотъ процессъ выдѣленія міра изъ души, мы, на основаніи данныхъ, замѣчаемыхъ во взросломъ человѣкѣ, постараемся опредѣлить степень удаленія впечатлѣній пяти объективныхъ чувствъ отъ субъективнаго общаго и такимъ образомъ—найти общія свойства человѣческой чувственности. Предварительно однако нужно обратить вниманіе на слѣдующее.

Вайдъ приписываетъ запутанность ученій о чувствѣ (*Gefühl*) частью сбивчивости терминологии, частью тому, что

весма трудно, при изслѣдованіи извѣстныхъ состояній духа (т. е. чувства въ собственномъ значеніи и воли), отдѣлить вліяніе организма отъ вліянія собственно душевныхъ явленій. «Нерѣдко, говорить онъ, смѣшиваютъ совершенно различные понятія, напр. голодъ и благодарности, которыхъ однаково называются чувствами, тогда какъ между ними нѣть ничего общаго: голодъ есть только известное первое возбужденіе (*Nervenreiz*), впечатлѣніе, воспринимаемое душою и, по законамъ организма, инстинктивно производящее известные движения, назначеніе коихъ — устранить это впечатлѣніе и возстановить безразличное состояніе организма; благодарность же сама-по-себѣ не вытекаетъ (непосредственно) изъ нервнаго раздраженія, не производить тѣлодвиженій и есть явленіе совершенно психическое. Такъ и всякаго рода боль есть явленіе физиологическое въ нервахъ и не имѣть ничего общаго съ душевными страданіями. Душевная чувства относятся цѣликомъ къ психологіи, тогда какъ тѣлесными ощущеніями (*Sinnliche Empfindungen*) психологическая теорія занимается лишь на столько, на сколько они содѣствуютъ образованію пространственныхъ представлений и влияютъ на душевныя чувства, а впрочемъ предоставляетъ ихъ объясненіе физіологии»¹⁾.

Дѣйствительно есть большая разница между физиологическимъ и психологическимъ взглядомъ на чувства. Физіология изслѣдуется только заключенная въ организмѣ условія, безъ которыхъ было-бы невозможно образование въ душѣ известныхъ ощущеній; психологія не спрашиваетъ объ этихъ условіяхъ, не доискивается, какія измѣненія происходятъ въ тѣлѣ, когда мы чувствуемъ голодъ, усталость или свѣтъ и звукъ, и принимаетъ ощущенія за готовыя данныя душевной жизни. «Ощущеніе въ сознаніи, говоритъ Лоце, вовсе не сопровождается воспоминаніемъ о свойствахъ вѣшнихъ движений, возбудившихъ дѣятельность органа: колебаніе воздуха (а вмѣстѣ и измѣненія въ слуховомъ нервѣ) въ

¹⁾ Waitz, Lehrb. d. Ps. 286—7.

душъ замѣняется звукомъ, дрожаніе эпира — цвѣтомъ; и звукъ, и цвѣтъ, конечно, слѣдствія, но не изображенія своихъ виѣшнихъ причинъ. Поэтому напрасно было бы при изслѣдованіи вліянія этихъ ощущеній на дальнѣйшую внутреннюю жизнь обращаться къ свойствамъ ихъ виѣшнихъ причинъ. Какъ въ звукѣ мы слышимъ самый звукъ, а не количество звуковыхъ волнъ, такъ музыка не гармоничнѣе для того, кто знаетъ, какъ образуются звуки и ихъ сочетанія, чѣмъ для другаго, который, не зная этого, просто поддается ея вліянію¹⁾). Не трудно, стало быть, остаться на психологической точкѣ зрѣнія, говоря о чувственныхъ впечатлѣніяхъ. Что-же касается до опасности смѣшать эти послѣднія съ чисто-психологическими чувствами, то мы ей не подвергнемся, хотя, какъ кажется, нѣсколько отстуپимъ отъ теоріи, которой слѣдуетъ Вайдъ. Съ точки Гербарта нельзѧ видѣть въ голодѣ душевнаго чувства, потому-что такое чувство считается явленіемъ вторичнымъ и производнымъ; но съ другой, на которую мы указали выше, возможно другое заключеніе. Въ данныхъ общаго чувства, а равно и осознанія, вкуса и прочихъ, замѣтны двѣ стороны: 1) впечатлѣнія отъ свойствъ, присыпываемыхъ нами виѣшнимъ предметамъ и собственному тѣлу и 2) опѣнка значенія этихъ впечатлѣній для нашего индивидуального бытія, испытываемое по ихъ поводу чувство удовольствія и неудовольствія. При такомъ различіи чувство голода хотя не можетъ быть названо чувствомъ въ томъ смыслѣ, какъ благодарность, но заключаетъ въ себѣ стихіи однородныя съ этою послѣднею, которая мы будемъ называть чувствомъ и которая не могутъ быть выведены изъ взаимодѣйствія представленій, потому-что являются уже по поводу простѣйшихъ чувственныхъ впечатлѣній.

Различіе чувственныхъ впечатлѣній разныхъ органовъ заключается столько-же въ свойствѣ, сопровождающей ихъ чувства, сколько и свойствахъ объективнаго содержанія — то и другое тождественны по связи.

1) Mikr. II. 169.

Напряженность чувства находится въ обратномъ отношеніи къ раздѣльности содержанія впечатлѣній. Впечатлѣнія общаго чувства бѣдны содержаніемъ и такъ не ясны, что ни отдать себѣ въ нихъ отчета, ни передать ихъ другому нѣтъ никакой возможности; но сила чувства—неудовольствія можетъ быть такъ велика, что почти совершенно подавляетъ содержаніе впечатлѣнія. Это легко замѣтить при сравненіи общаго чувства съ другими: приближая руку къ отню, получаемъ впечатлѣніе теплоты, т. е. осознаніемъ познаемъ извѣстное качество предмета; вложивши ее въ огонь, мы чувствуемъ боль, а свойство производящаго ее предмета для насъ потерянно, такъ что еслибы мы не прибѣгли къ пособію другихъ чувствъ, то и не знали бы, происходитъ ли эта боль отъ пламени, отъ холodu, или же отъ дѣйствія какихъ-нибудь ъдкихъ кислотъ. Подобнымъ образомъ боль въ языкѣ отъ чего-нибудь жгучаго уже перестаетъ быть вкусомъ.

Гораздо явственнѣе и разнообразнѣе сравнительно съ общимъ чувствомъ впечатлѣнія вкуса и обонянія, и сопровождающее ихъ чувство не такъ сильно. Извѣстный вкусъ или запахъ могутъ быть противны до рвоты, до обморока, но даже и въ такомъ случаѣ они—не боль, и различаются между-собою не только по степени силы, но и по качеству, такъ что мы не смѣшиваемъ напр. двухъ родовъ горечи, одинаково для насъ непріятныхъ, и замѣчаемъ ихъ тонкіе оттѣнки.

Осознаніе можетъ возбудить спѣшную степень удовольствія и отвращенія, но сопровождающее его чувство можетъ быть почти совсѣмъ незамѣтно при полной опредѣленности содержанія впечатлѣній, тогда какъ вкусъ, запахъ непремѣнно или пріятны или непріятны, а безразличіе считается ихъ полнымъ отсутствиемъ. Относительно раздѣльности содержанія довольно сказать, что осознаніе вмѣстѣ со зрѣніемъ имѣть предъ другими чувствами то преимущество, что одновременные потрясенія нервовъ не смѣшиваются въ немъ въ одно, какъ напр. смѣшиваются впечатлѣнія обонянія, а совсѣмъ передаются душѣ. На этомъ основано значеніе осознанія для образования представлѣнія пространства.

Чистый, но не оглушительный звукъ самъ-по-себѣ намъ болѣе или менѣе пріятенъ, и только извѣстныя соединенія звуковъ непріятно поражаютъ слухъ. При этомъ неудовольствіе никогда не достигаетъ до степени отвращенія, какъ въ трехъ низшихъ чувствахъ.

Цвѣта, какъ-бы ни безобразно было ихъ соединеніе, не возбуждаютъ даже и той степени неудовольствія, какую вызываютъ диссонансы, о которыхъ мы говоримъ, что они «уши дерутъ» или «терзаютъ слухъ». Во всѣхъ впечатлѣніяхъ зрѣнія, кромѣ осѣпительного блеска, который скорѣе относится къ общему чувству, мы не видимъ ничего нарушающаго правильное теченіе жизни资料 our организма. Большеннѣе дѣйствие извѣстныхъ цвѣтовъ можетъ быть слѣдствиемъ довольно рѣдкихъ пдюспикразій, знаменательныхъ для физиологии и психологіи, но не уничтожающихъ общаго правила. Этому безстрастію, съ какимъ мы воспринимаемъ впечатлѣнія зрѣнія и слуха, соответствуетъ безконечное разнообразіе доступныхъ намъ оттѣнковъ звука и цвѣта, которыхъ ни по числу ни по опредѣленности и сравнивать нельзя ни съ какими другими воспріятіями.

По мѣрѣ того, какъ съ увеличеніемъ раздѣльности впечатлѣній, по направлению отъ общаго чувства къ зрѣнію, уменьшается сила сопровождающей ихъ физической боли или наслажденія ¹⁾), все яснѣе и яснѣе выступаетъ другаго рода ощущенія впечатлѣній, именно—чувствъ ихъ собственной красоты, независимой отъ согласія или несогласія съ требованиями нашего организма. Такой объективной ощущки незамѣтно въ общемъ чувствѣ, но она есть уже въ другихъ низшихъ. Такъ напр. мы уже не ограничиваемся животнымъ удовольствіемъ, какое доставляетъ вкусная пища, а безознательно переносимъ въ нее это удовольствіе, въ ней самой

¹⁾ Вместѣ съ тѣмъ уменьшается важность чувствъ для организма. Потеря зреинія, слуха можетъ быть мѣстнымъ зломъ и совмѣстима съ здоровьемъ; гораздо опаснѣе потеря обонянія и вкуса, а съ прекращеніемъ общаго чувства кончается жизнь.

находимъ достоинства, которыя могутъ намъ открыться только путемъ вкуса. Сладость предмета представляется намъ его собственною заслугою, его дружелюбныи расположениемъ къ намъ, горечь, острота—злостью. Чтобы убѣдиться, что это не фраза, довольно вспомнить, что напр. и въ нашемъ и въ другихъ языкахъ представлениемъ сладости обозначаются вполнѣ объективныя качества предметовъ, напр. въ галицко-русскомъ нарѣчи *солодкий* значитъ милый. Въ высшихъ чувствахъ исчезаетъ почти всякий следъ эгоистической оценки. Мы убѣждены, что въ сочетаніяхъ звуковъ и красокъ наслаждаемся не нашимъ личнымъ чувствомъ, а тѣмъ, что звуки, краски расположены такъ, а не иначе, и потому сами-по-себѣ хороши.

Наклонность наслаждаться въ явленіяхъ ихъ собственнымъ достоинствомъ нераздѣльна со стремлениемъ искать въ нихъ внутренней законности. Само-собою, что и то и другое становится замѣтнымъ не въ то время, когда душа воспринимаетъ только отдельныя чувственныя качества, потому-что тогда эти восприятія еще близки къ общему чувству, а тогда, когда становится возможнымъ сравненіе этихъ восприятій, получившихъ уже объективное значеніе. Каждому изъ сравниваемыхъ чувственныхъ качествъ человѣкъ назначаетъ извѣстное мѣсто въ ряду другихъ однородныхъ, и весь рядъ представляеть одною стройною системою. Природа самихъ восприятій содѣйствуетъ этому въ различной мѣрѣ. Такъ звукъ разлагается для насть на лѣстницу членовъ, коихъ разстояніе другъ-отъ-друга, сродство и противоположность, мы представляемъ вполнѣ ихъ собственнымъ требованіемъ; цвѣта менѣе опредѣленнымъ образомъ повторяютъ ту же законность отношеній, а впечатлѣнія другихъ чувствъ служатъ только слабымъ ея отголоскомъ. Свойство звуковъ слагаться въ законченныя и легко уловимыя въ цѣломъ сочетанія, раньше становится понятно человѣку, чѣмъ подобныя-же свойства другихъ чувственныхъ впечатлѣній; искусство легче овладѣваетъ звуками, чѣмъ напр. вкусами—и музыка всегда будетъ совершенѣе поваренного искусства, потому-что легче построить гамму звуковъ, чѣмъ вкусы.

Какъ отдельные содеряжанія воспріятій, такъ систематизируетъ человѣкъ и ихъ общія формы — пространство и время. Человѣкъ, конечно, не имѣлъ бы представлений пространства, если-бы зрѣніе и осязаніе не передавали ему разомъ двухъ или нѣсколькихъ впечатлѣній. Изъ свойства этихъ чувственныхъ данныхъ человѣкъ безсознательно выводить ихъ пространство, и въ этомъ вѣроятно не отличается отъ животныхъ; но эта форма становится для него закономъ сакральныхъ чувственныхъ явлений. Такъ напр. востокъ — первоначально для нась тамъ, гдѣ выходитъ солнце, — западъ тамъ, гдѣ оно заходитъ; но мы видоизмѣняемъ эти чувственные данные, такъ что упомянутыя точки горизонта не мѣняются для нась по временамъ года вмѣстѣ съ положенiemъ солнца, а остаются неподвижными и служать закономъ дѣйствительныхъ явлений: востокъ не тамъ, гдѣ восходить солнце, а тамъ, гдѣ оно должно восходить. Подобнымъ образомъ мы-бы не въ состояніи были дѣлить время и сравнивать величину его частей, если-бы не встрѣчали въ природѣ періодическаго повторенія явлений; но полученные такимъ путемъ дѣленія исподобовъ тѣряютъ для нась свою случайность, теченіе времени становится неизмѣнною мѣрою движенія, вовсе независимою отъ дѣйствительныхъ явлений; день и ночь, величины измѣнчивыя, превращаются въ неизмѣнную величину, — сутки и т. д. Каждое мгновеніе, заполненное извѣстными явленіемъ, кажется намъ частью одного цѣлага, которому ни начала, ни конца мы не знаемъ, но которое мы принимаемъ за цѣлое.

Такимъ-образомъ въ ряду различныхъ по органамъ чувственныхъ воспріятій взрослого человѣка, рассматриваемыхъ какъ одновременные члены системы, замѣчаемъ, что раздѣльность воспріятій и объективность ихъ оцѣнки возрастаєтъ по направлению отъ общаго чувства къ такъ называемымъ высшимъ, т. е. къ зрѣнію и слуху. Подобное увеличеніе раздѣльности и объективности будетъ видно и въ жизни всякаго отдельного чувства, взятаго порознь. Во первыхъ: степень раздѣльности воспріятій одного и того-же чувства и

количество отношений, замѣчаемыхъ между ними, не есть нѣчто неподвижное, но возрастаетъ съ развитиемъ отдѣльныхъ лицъ. На каждомъ шагу встрѣтимъ случай къ подтверждающимъ это наблюденіямъ. Тонкость слуха, свойственная музыкантамъ, тонкость осозанія, замѣчаемая въ слѣнорожденныхъ и шулерахъ, разборчивость вкуса гастрономовъ, въ большинствѣ случаевъ зависятъ не отъ совершенства органовъ, не отъ того, что они съ самаго начала получаютъ другія виѣшнія впечатлѣнія, а отъ упражненія, отъ привычки. При равенствѣ условій, т. е. при тѣхъ-же возбужденіяхъ познѣ и при отсутствіи измѣненій въ органахъ, раздѣльность восприятія можетъ непріизвольно и путемъ произвольныхъ соображеній увеличиваться до неопредѣлимой степени. На этомъ основателѣ предполагаемъ, что если ребенокъ получаетъ тѣ-же впечатлѣнія, что и взрослый, то рѣшительное большинство ихъ имѣть для него тоже значеніе, что для насыщеннія общаго чувства. Напр. если на первыхъ порахъ онъ производитъ только легчайшія сочетанія губныхъ согласныхъ съ а, то всѣ остальные членораздѣльные звуки существуютъ для него лишь въ той мѣрѣ, въ какой для насыщенія мудреное слово чужаго языка, которое мы слышали, по повторить не можемъ, или сложный мотивъ, отъ котораго намъ остается только извѣстное чувство, а не воспоминаніе завершенаго круга звуковъ. И впечатлѣнія зрѣнія вѣроятно представляются ребенку какъ болѣе или менѣе неопредѣленный свѣтъ, и только исподволь слагаются въ опредѣленныя очертанія.

Тоже по-видимому и въ жизни народовъ. Древніе языки, по-крайней-мѣрѣ индоевропейскіе, имѣютъ только три основные гласные (а, и, у), и уже относительно поздно вырабатываются тѣ неуловимые для непривычного слуха средніе звуки, какіе встрѣчаемъ во многихъ новыхъ языкахъ. Это зависитъ не отъ невозможности принудить органы произнести эти звуки, а отъ того, что они не замѣчались, хотя и могли случайно встрѣтиться въ говорѣ. Кажется также, что въ исторіи музыки можно-бы открыть увеличеніе любви къ сложнымъ модуляціямъ и сочетаніямъ звуковъ, подобно тому, какъ въ пласти-

люди, стоящие на низкой степени цивилизации, предпочитают яркие цвета, образованные же темные или бледные.

Во вторыхъ: въ связи съ раздѣльностью возрастаютъ объективная оцѣнка чувственныхъ впечатлѣний. Есть разница между грубымъ, хотя все-же не животнымъ утоленіемъ голода и жажды, и наслажденіями гастронома и знатока вина: во второмъ случаѣ человѣкъ менѣе занятъ своимъ личнымъ чувствомъ, чѣмъ свойствами самыхъ потребляемыхъ предметовъ. Еще замѣтнѣе эта разница въ сложныхъ сочетаніяхъ чувственныхъ воспріятій. Древній и, какъ не совѣтъ вѣрою говоритьъ, близкій къ природѣ человѣку, смотрѣть на природу только своеокрыстно, что видно изъ языка и поэзии; какъ дѣтамъ, природа нравилась ему, на сколько была полезна; если-бы онъ обладалъ всѣми техническими средствами искусства, то все-же ландшафтная живопись была-бы для него невозможна. Важность этой послѣдней въ наше время свидѣтельствуетъ не только о большемъ знаніи природы, но и о большомъ умѣнии цѣнить ея самостоятельную красоту.

Въ заключеніе повторимъ сказанное нѣсколько выше, что движение въ развитіи чувствъ становится для насъ замѣтнымъ не тогда, когда, по предположенію, они еще близки къ общему чувству, а тогда, когда впечатлѣнія ихъ, сложившись въ образы предметовъ, послужили каждое по своему для создания міра. Тѣмъ совершили наши чувственные воспріятія, чѣмъ прекраснѣе кажется намъ этотъ міръ и чѣмъ болѣе мы *отдѣляемъ его отъ себя*. Такое отдѣленіе не есть отчужденіе: оно только сознаніе различія, предполагаемое тѣмъ, что мы называемъ памѣреніемъ вліяніемъ человѣка на природу и свою собственную жизнь. Если мы такимъ-образомъ вносимъ въ характеристику чувственности, съ которой начинается развитіе, наиболѣе сложный явленія душевной жизни, именно отдѣленіе *я* отъ *не я* и связанныя съ этимъ измѣненія въ оцѣнкѣ явленій; то это на основаніи предположенія, что уже самая первая воздействиа души на виѣшия возбужденія должны быть сообразны со всѣми остальными ея проявленіями: чувства человѣка, въ первое время его жизни

характеризуются тѣмъ, на что они пригодны при дальнѣйшемъ развитіи, которое намъ извѣстно изъ наблюденій надъ собою, заключаемъ къ свойствамъ чувствъ, лишенныхъ развитія, о которыхъ судить иначе мы не можемъ, потому-что никакое наблюденіе надъ ребенкомъ не покажетъ, какъ именно представляется свѣтъ, звукъ и проч.

Такимъ-же путемъ приходимъ къ заключенію о чувственности животныхъ, душевная жизнь коихъ извѣстна намъ еще меныше жизни ребенка. Нельзя отказать животному въ способности проекціи воспріятій: оно угрожаетъ, защищается, пищетъ пищи, вообще виѣ себѣ находитъ причину своихъ ощущеній. Механизмъ сочетанія простѣйшихъ чувственныхъ воспріятій тотъ-же въ душѣ животнаго, что и въ душѣ человѣка. Животное, какъ и человѣкъ, одновременно пе-смысливающіхся между собою впечатлѣній зрѣнія и осознанія принуждено ставить впечатлѣніе виѣ себѣ; и для него, какъ для человѣка, къ сочетаніямъ впечатлѣній этихъ двухъ чувствъ присоединяются впечатлѣнія всѣхъ остальныхъ, такъ, что если въ одно время съ видимымъ образомъ предмета воспринимается и извѣстный запахъ, то и впечатлѣніе запаха относится ко виѣшнему образу. Извѣстно также, что сплошь чувственныхъ впечатлѣній многія животныя значительно пре-восходятъ человѣка и замѣчаютъ предметъ въ такой дали и вообще при такихъ обстоятельствахъ, при какихъ намъ это было-бы невозможно. Но это не противорѣчитъ тому, что всѣ воспріятія животныхъ болѣе человѣческихъ приближаются къ характеру общаго чувства, становятся все важнѣе для поддержанія организма и безплоднѣе для душевнаго развитія. Даже цвѣтъ и звукъ дѣйствуютъ на иныхъ животныхъ приблизительно такъ, какъ на насть чувства боли и физического удовольствія. Красный цвѣтъ приводить въ ярость быка; индійскій пѣтухъ замѣтно раздражается свистомъ; съ одною изъ пѣвчихъ птицъ южной Азіи, которой, какъ говорять, довольно разъ услышать иное слово, чтобы повторить его, дѣлаются судороги отъ громкихъ и нестройныхъ звуковъ.

Въ замѣнъ объективности высшихъ, общее чувство достигаетъ значительной опредѣленности, и на указаніяхъ его основываются вѣроятно многія изъ тѣхъ дѣйствій животныхъ, которыя намъ кажутся предвѣдѣніемъ будущаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ суть слѣдствія уже совершившихся, но незамѣтныхъ для насъ перемѣнъ въ ихъ организмѣ.

Можно думать, что для животнаго внѣшніе предметы существуютъ только—какъ причины его личныхъ состояній. Какъ гравюра передаетъ только свѣтъ и тѣнѣ, но не колоритъ картины, такъ въ чувственности животныхъ преобладаетъ эгоптическое чувство удовольствія и неудовольствія и исчезаетъ колоритъ, свойственный возбуждающимъ ихъ предметамъ. Одному человѣку свойственно безкорыстное стремленіе проникать въ особенности предметовъ, неутомимо искать отношений между отдѣльными воспріятіями и дѣлать эти отношенія предметами новыхъ мыслей. Хотя нѣкоторыя пѣвчія птицы замѣчаютъ, удерживаютъ въ памяти и повторяютъ гармонические промежутки звуковъ (напр. переходъ отъ основного тона къ терци и квинтѣ), но въ собственномъ ихъ пѣніи такие промежутки встрѣчаются только случайно. Пѣвчай птицѣ недоступно то объективное и строгое дѣленіе звуковъ, на которомъ основана человѣческая музика, хотя безъ сомнѣнія на нее совершенно иначе дѣйствуютъ высокіе, чѣмъ низкіе тоны. Тоже въ воспріятіяхъ другихъ чувственныхъ впечатлѣній и ихъ формъ, напр. числа. «Безъ сомнѣнія, три человѣка, которые сходятся и расходятся, представляются животному не одною массою, а тремя раздѣльными образами, которые на зрѣніе дѣйствуютъ иначе, чѣмъ два при такихъ-же обстоятельствахъ. Если замѣтить такія различія значить считать, то животныя считаютъ; но если считать значить вмѣстѣ сознавать, что 3 принадлежитъ къ безконечному ряду чиселъ, занимаетъ въ немъ опредѣленное мѣсто между двумя и четырьмя и можетъ быть получено изъ этихъ послѣднихъ, посредствомъ прибавленія или вычита единицы, то животныя считать не могутъ и только человѣкъ можетъ такъ ясно сознавать отношенія числа и мѣры» (Lotze).

Результаты развитія животныхъ такъ незначительны въ сравненіи съ тѣми, какихъ достигаетъ человѣкъ, что и чувственность ихъ должна стоять многимъ ниже нашей. Не зависимо отъ явственнаго для сравнительной анатоміи и физіологии различія въ строеніи и дѣятельности органовъ чувствъ, на сторонѣ человѣка есть необъяснимое, повидимому, преимущество въ способности пользоваться возбужденіями, переданными посредствомъ органовъ, въ излишкѣ, такъ сказать, воздействиія души, въ отличающей человѣка склонности къ безкорыстному неупилтарному наслажденію. Въ этомъ совершенствѣ воспріятій, замѣтномъ уже въ ребенкѣ, должна заключаться одна изъ причинъ того, что человѣкъ есть единственное на землѣ говорящее существо¹⁾.

VI. Рефлексивные движения и членораздѣльный звукъ.

«Въ чёмъ-бы ни состояло то возбужденіе, въ какое первы чувствъ приводятся виѣшними предметами, во всякомъ случаѣ оно есть физическое движеніе, которое, по закону инерціи, не можетъ прекратиться, пока не встрѣтить сопротивленія, или не раздробится, передавшись близлежащимъ частямъ организма. Если цѣль чувственныхъ органовъ—посредствовать при познаніи виѣшняго міра, то потрясенія, которыхъ производятъ въ нихъ извѣстное впечатлѣніе въ данное мгновеніе, необходимо ослабляться такъ скоро, чтобы не противодѣйствовать впечатлѣніямъ слѣдующаго момента, или не исказять ихъ постороннею примѣсью. Пока физическое движеніе, возбуждающее чувства, незначительно по величинѣ, оно можетъ уничтожаться частью въ самомъ органѣ посредствомъ постоянно происходящей въ немъ перемѣны частицъ, частью употребляться на образованіе самого ощущенія въ душѣ, потому-что ощущеніе, какъ новое состояніе души, субстанціи находящейся въ механическомъ взаимо-

¹⁾ О чувственныхъ воспріятіяхъ ср. Lotze, Mikr. II, 168 слѣд. Steinkthal, Gram Log. и Ps. §§ 86, 89, 90.

дѣйствіи со стихіями тѣла, образуется не только по поводу возбужденія нервовъ; на самое его образование истрачивается часть этого возбужденія. Такъ бываетъ при обыкновенныхъ впечатлѣніяхъ свѣта и звука; по-крайней-мѣрѣ сознанію незамѣтно никакой особенной дѣятельности, уравнивающей ихъ влиянія. Когда-же внѣшнія впечатлѣнія достигаютъ болѣзно-ощущительной силы, то слѣдуетъ ожидать соответственнаго увеличенія мѣръ къ ихъ устраненію. Назначеніе первыхъ нитей—доводить до мозга возбужденія, полученные наружными ихъ концами, а потому нельзя думать, что упомянутыя мѣры состоять въ мгновенномъ прекращеніи тока на серединѣ пути, или въ замѣтно успленномъ раздѣленіи его силы во всѣ стороны. То и другое противорѣчило бы естественнымъ отравленіямъ чувственныхъ нервовъ. Притомъ-же можно считать общимъ признакомъ организма то, что онъ устраняетъ опасныя для себя потрясенія не новыми средствами, а тѣми-же, которыя дѣйствуютъ при здоровомъ его состояніи. И такъ, мы примемъ, что пока чрезмѣрное потрясеніе не парализируетъ нерва и тѣмъ не устранить дальнѣйшихъ послѣдствій слишкомъ сильного впечатлѣнія, возбужденіе проводится нервомъ до центральныхъ органовъ, и уже тамъ умѣряется воздействиими, большими тѣхъ, какія можно замѣтить при обыкновенной силѣ возбужденій». «Въ мозгу распространеніе возбужденія можетъ происходить по тремъ путямъ, потому-что чувственный нервъ встрѣчаетъ тамъ частью другіе чувственныя, частью растительныя, частью двигательныя. Передача беспокойства нерва другимъ чувствамъ, слѣдовательно возбужденіе другаго ощущенія, можетъ быть только очень незначительна, если цѣль чувствъ—посредствовать при познаніи внѣшнаго мира—должна быть достигнута. Притомъ-же такое явленіе не подтверждается опытомъ: самый сильный свѣтъ не возбуждаетъ ощущенія звука, ни звукъ—запаха». Переходъ возбужденія на растительные нервы симпатической системы могъ-бы бытъ безвременіе и дѣйствительно имѣть мѣсто въ иѣкоторыхъ случаяхъ. «Но главнымъ образомъ раздраженіе чувственныхъ нер-

вовъ передается двигательнымъ и возбуждаетъ движениія, посредствомъ коихъ душа дѣлаетъ воспринимаемые предметы объектами своихъ дѣйствій. Такая тѣсная связь первоъ чувственныхъ съ двигательными и ощущенія съ движениемъ такъ необходима при нормальномъ теченіи жизни, что неудивительно, если и болѣзненные потрясенія главнымъ образомъ уравниваются тѣмъ-же путемъ, т. е. посредствомъ движений».

Рефлексію, то-есть преломленіе силы, дѣйствующей извнѣ внутри организма, можно принять за первоначальный источникъ движениія въ организмѣ, и самое движение—за средство уравновѣшивать и дѣлать безвредными потрясенія, полученные тѣломъ; отсюда легко заключить, что многія и притомъ самыя необходимыя для органической жизни движениія про-исходятъ или безъ всякаго участія души, подобно судорогамъ обезглавленного животнаго, при сильныхъ вибраціяхъ возбужденіяхъ, или безъ участія непосредственнаго, намѣренного и творческаго. Жизнь организма должна-бы прекратиться при самомъ своемъ зарожденіи, если-бы необходимыя для нея движениія появлялись не раньше того времени, когда душа будетъ способна открыть ихъ возможность. Умѣніе сосать, глотать, кричать и проч., предшествующее первымъ замѣтнымъ проблескамъ душевной жизни ребенка и общее ему съ животнымъ, можетъ быть понятно только какъ слѣдствіе тѣлеснаго механизма. Даже взрослый человѣкъ не догадался-бы, что ему слѣдуетъ кашлянуть, чтобы удалить изъ горла постороннее тѣло, если-бы самъ организмъ не производилъ этого движениія безъ вѣдома души.

Рядомъ съ собственно рефлексивными движениіями, про-исходящими отъ потрясений организма извнѣ, напр. съ движениіями уязвленныхъ членовъ, рвотою отъ дѣйствія отвратительной пищи, смѣхомъ отъ щекотанья, стоять движениія, непосредственнымъ источникомъ коихъ должны быть призnaны известныя состоянія души. Таковы движениія при одной мысли объ угрожающей намъ опасности, рвота отъ представления предмета отвратительного по вкусу, смѣхъ, произ-

водимый безвредными и неожиданными противоречиями въ мысли. Согласно съ приведеною выше мыслью, что часть силы, потрясающей организмъ, истрачивается на образование ощущенія въ душѣ, Лоцѣ полагаетъ, что «при предложеніи механическаго взаимодѣйствія тѣла и души, и душевныя потрясенія не могутъ представляться ея событиямъ, которыя, оканчиваясь въ самой душѣ, требуютъ еще особыхъ мотивовъ для проявленія въ тѣлѣ: они съ самого начала и сами по себѣ—извѣстное движение ¹⁾), такъ что нужны особыя средства не для того, чтобы сдѣлать возможнымъ ихъ влияніе на тѣло, а развѣ для того, чтобы воспрепятствовать влиянію».

Движенія, зависимыя отъ состоянія души, распадаются на двѣ группы. Во первыхъ, въ подергиваніи, которое испытываетъ человѣкъ, увлеченный плясовою музикою, видомъ пляски или фехтованья, въ порывахъ разгневаннаго, который видитъ передъ собою предметъ своего гнѣва и во всѣхъ невольныхъ движеніяхъ, въ маломъ видѣ изображающихъ дѣятельность, о которой мы думаемъ, или представляющихъ ея начала, есть иѣчто общее съ возбуждающими ихъ представленіями. Движеніе здѣсь осуществляеть самую мысль или стремится къ указанной ею прѣли. Но, во вторыхъ, движеніе можетъ и не имѣть такой видимой связи съ содержаніемъ своего мотива. «Когда душа безцѣльно волнуется чувствами удовольствія или неудовольствія, тогда дѣятельность ея обнаруживается главнымъ образомъ въ разнообразныхъ измѣненіяхъ дыханія, или, точнѣе, проявляется только въ этихъ измѣненіяхъ, потому-что безъ нихъ не обходятся и всѣ остальные тѣлодвиженія. Не одни только сильныя чувства, какъ радость, гнѣвъ, печаль, замедляютъ или ускоряютъ, усиливаютъ или ослабляютъ дыханіе; тоже въ меньшемъ размѣрѣ замѣчается и при чувствахъ, ускользающихъ отъ наблюденія, даже при безстрастномъ переходѣ мысли отъ одного предмета къ другому... Всѣ эти движенія съ

¹⁾ „Sie sind von Anfang an ein gewisses Quantum wirksamer Bewegung“.

перваго разу обнаруживаютъ замѣчательную особенность: они не производятъ ничего, не имѣютъ никакой вѣшней цѣли и служатъ чистѣйшимъ выраженіемъ состояній души. Уже и сами по себѣ они могли-бы быть для наблюдателя живымъ и вѣрнымъ изображеніемъ душевной жизни: но природа приводитъ въ связь органы дыханія съ органомъ голоса и даетъ возможность самымъ незамѣтнымъ особенностямъ безцѣльныхъ волненій души, изображаясь въ звукахъ, передаваться вѣшнему миру.... Такъ въ царствѣ животномъ появляются звуки страданія и удовольствія, которые болѣе лишены опредѣленного указания на предметы и дѣйствія, чѣмъ самые грубые жесты, но какъ выраженіе даже тайныхъ движений души безъ сравненія богаче всякаго другаго средства, какое живыя существа могли-бы выбратьъ для взаимнаго сообщенія». Поэтому, въ противоположность теперь уже невозвратно отвергнутому мнѣнію, что родъ человѣческій только послѣ долгаго размышенія и выбора между нѣсколькими средствами сообщенія дошелъ до мысли о звуковомъ языке и на ней остановился, мы должны принять, что, напротивъ, представлена физиологическая необходимость при-нуждеть душу выражать въ звукахъ по-крайней-мѣрѣ общий характеръ ея внутреннихъ состояній.

Врядъ-ли кто когда-либо отвергалъ необходимость связи чувства со звуками въ родѣ животныхъ криковъ, смѣха, плача, стона; но слѣдуетъ сказать больше, что и членораздѣльный звукъ, вѣшняя форма человѣческой рѣчи, физиологически однороденъ съ упомянутыми явленіями и также зависитъ отъ волнующаго душу чувства, т. е. первоначально также непропонденъ, хотя потомъ становится послушнымъ орудиемъ мысли.

Если-бѣ природа не научила человѣка членораздѣльному звуку, то самъ онъ никогда-бы не открылъ, въ какое положеніе слѣдуетъ привести члено-раздѣляющіе органы, посредствомъ какихъ нервовъ и какъ возбудить голосъ, чтобы получить этотъ звукъ. Произвольное и сознательное употребление слова необходимо предполагаетъ непропондельное и безсоз-

знательное. Сознательность наша никогда не идетъ далѣе наблюденія надъ способомъ, какимъ мы произносимъ звукъ, къ которому мы при этомъ относимся страдательно, какъ къ готовому и независимому отъ насъ факту. На извѣстной степени развитія зависитъ, повидимому, отъ нашего произвола, произнести-ли звукъ, или нѣть; но, когда мы произносимъ, въ сознаніи нашемъ есть только наша цѣль, т. е. образъ требуемаго звука и связанное съ нимъ смутное воспоминаніе о томъ состояніи общаго чувства, которое сопровождало движенія органовъ, нужный для осуществленія этой цѣли. Участіе произвола видно здѣсь только въ измѣненіи цѣли, измѣненія-же пружинъ, ведущія къ ея исполненію, происходятъ сами собою и остаются виѣ сознанія¹⁾.

Возможность существованія въ душѣ звукового образа, какъ цѣли, а вмѣстѣ и весь процессъ сознательного произношенія, предполагаетъ такой-же процессъ, вполнѣ безсознательный, хотя и происходящий не безъ участія души. Примѣромъ послѣднаго могутъ служить не только тѣ вполнѣ обыкновенные случаи, когда волнуемая чувствомъ грудь невольно облегчается члено-раздѣльнымъ воскликаніемъ, но еще больше общая ребенку съ попугаемъ наклонность повторять звуки, поражающіе его слухъ. Въ ребенкѣ и въ птицѣ, которая выучивается произносить члено-раздѣльные звуки, потрясеніе слуховыхъ нервовъ, содѣйствуя образованію представлений въ душѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ съ физиологическою необходимостью отражается въ дѣятельности голосовыхъ органовъ.

Однако результаты доказываютъ, что сходство между человѣкомъ и животнымъ въ ходѣ образованія звуковъ далеко

¹⁾ Мысль, что исходною и единственою, доступною произволу точкою при намѣренномъ произношеніи звука служитъ его образъ, находящійся въ сознаніи, вѣрна только въ примѣненіи къ большинству говорящихъ, надѣленныхъ отъ природы слухомъ. Для глухо-нѣмаго, котораго учать говорить, указывая на соотвѣтствіе отдѣльныхъ начертаній звуковъ извѣстнымъ положеніямъ и движеньямъ органовъ, намѣренно-измѣняемою цѣлью становится не образъ звука, котораго никогда не было въ его сознаніи, а состояніе общаго чувства, сопровождавшее произношеніе звука. За воспоминаніемъ этого чувства у него слѣдуетъ самое движеніе органовъ и звукъ.

не полное. Члено-раздѣльный звукъ все-же есть исключительная принадлежность человѣка; въ крикахъ животныхъ наиболѣе близкихъ къ намъ по устройству тѣла, онъ вовсе не встречается, а въ птицахъ—только какъ случайное для ихъ природы слѣдствіе усилий человѣка, или по-крайней-мѣрѣ какъ явленіе неимѣющее для ихъ жизни и тѣни того значенія, какое оно имѣть для нашей. Здѣсь самъ собою представляется вопросъ, почему члено-раздѣльность свойственна только одному человѣку? Всякій отвѣтъ на это долженъ или предположить яснымъ самое понятіе члено-раздѣльности, или начаться съ его разложенія и уясненія, которое можетъ быть достигнуто разными путями. Физикъ, быть можетъ, могъ-бы открыть, что графическія изображенія звуковыхъ волнъ, производящихъ членораздѣльный звукъ, подобныя тѣмъ, какія найдены для музыкальныхъ тоновъ, особенно правильны и симметричны сравнительно съ изображеніями животнаго крика. Физіологъ могъ-бы изслѣдоватъ движенія органовъ, нужныя для члено-раздѣльности, и вмѣстѣ отвѣтить на вопросъ о причинахъ ея отсутствія въ животныхъ тѣмъ, что хотя многія животныя, судя по вѣнчшему устройству органовъ (голосовыхъ струнъ, гортани, пѣба, языка, и т. д.), и были-бы въ состояніи издавать члено-раздѣльные звуки, но ихъ нервы, приводящіе въ движеніе упомянутые органы, лишены способности вѣрно рефлектировать потрясеніе слуха. Но чтобы остататься на психологической точкѣ зрѣнія, нужно искать опредѣленія члено-раздѣльному звуку не въ томъ, что онъ такое—независимо отъ сознанія, а въ томъ, какъ онъ представляется самому сознанію говорящаго. Ближайшій источникъ звука для сознанія и вмѣстѣ для психологіи есть не дрожаніе нервовъ, какъ для физіологии, а чувственное восприятіе, известное состояніе души. Звукъ со стороны вліянія его на нашу душевную жизнь представляется намъ не мѣрою, необходимою для успокоенія организма, а средствомъ уравнивать душевныя потрясенія, освобождаться отъ ихъ подавляющей силы. Не всякому, конечно, приходилось спрашивывать себя, какая польза человѣку крикнуть отъ испуга;

но всякий, кто созналъ свой испугъ и его проявление въ звукѣ и кто поставленъ этимъ въ необходимости смотрѣть на звукъ по отношенію его къ мысли, скажетъ, что онъ крикнулъ *отъ* испуга. Развитое такимъ путемъ понятіе о звукѣ предполагаетъ его соотвѣтствіе свойствамъ душевныхъ потрясеній и заставляетъ искать причины члено-раздѣльности въ ея соотвѣтствіи отличительному характеру чувственности человѣка.

«Членораздѣльность (die Articulation), говоритъ Гумбольдтъ, основывается на власти духа приуждать органы къ такимъ видоизмѣненіямъ (Behandlung) звука, какія соотвѣтствуютъ формѣ дѣятельности самого духа. Между дѣятельностью духа и члено-раздѣльностью то общее, что и та и другая разлагаетъ свою область на основныя части, соединеніе коихъ образуетъ такія цѣлія, которыя носять въ себѣ стремленіе стать частями новыхъ цѣлыхъ. Сверхъ этого, мышленіе требуетъ сочетанія разнообразія въ единство. Поэтому необходимые признаки члено-раздѣльного звука — а) ясно ощущимое единство и б) такое свойство, по которому онъ можетъ стать въ опредѣленное отношеніе ко всѣмъ другимъ члено-раздѣльнымъ звукамъ, какіе только мыслимы¹⁾.

а) Гласная и согласная — это простѣйшія стихіи, на которыхъ мы разлагаемъ матеріалъ слова. Въ первой насъ болѣе поражаетъ голость, звуковое волненіе воздуха, опредѣляемое степенью напряженности голосовыхъ лентъ; во второй — болѣе замѣтенъ шумъ, происходящій отъ препятствій, встрѣчаемыхъ звукомъ во вѣшнихъ органахъ, начиная съ гортани. Они относятся другъ къ другу не какъ внутреннее и вѣшнее, не какъ содержаніе и форма, а скорѣе какъ звуки различныхъ инструментовъ²⁾. Хотя согласная и гласная по-

¹⁾ Ueb. die Versch. 68—9.

²⁾ Если скажемъ, что согласная есть форма гласной, то, хотя изъ этого и будемъ въ состояніи объяснить, что одна безъ другой существовать не можетъ, но принуждены будемъ прійти къ нелѣпому заключенію, что, такъ-какъ мы слышимъ согласную или впереди или позади гласной, то и форма вообще можетъ даваться намъ прежде или послѣ содержанія, отѣльно отъ него, тогда какъ на дѣлѣ такое отдѣленіе содержанія отъ формы невозможно. Если же пред-

лучаются только посредствомъ разложенія слова, но тѣмъ не менѣе онъ имѣютъ не идеальное, а дѣйствительное бытіе, какъ химическія тѣла, добываемыя только анализомъ и въ природѣ не существующія въ чистомъ видѣ¹⁾). «Дѣленіе простаго слога на согласный и гласный звукъ²⁾ есть только искусственное. Въ природѣ эти звуки такъ взаимно опредѣляютъ другъ-друга, что слуху представляются нераздѣльнымъ единство... Собственно говоря, и гласный не могутъ быть выговорены сами по себѣ. Образующій ихъ токъ воздуха долженъ встрѣтить извѣстное препятствіе (*bedarf eines Anstosses*), которое дѣлаетъ его слышнимъ и если это препятствіе состоить не въ явственной согласной, то все-же оно должно быть хоть самымъ легкимъ приыханіемъ, какое въ нѣкоторыхъ языкахъ на письмѣ ставится передъ каждою начальною гласною» (Humb. 70). Такимъ образомъ въ слогѣ, какъ и въ дѣятельности духа, мы находимъ разнообразіе въ единству. Слогъ самъ по себѣ тоже имѣеть только искус-

положимъ, что въ самой согласной есть гласная, потому что форма безъ содержанія быть не можетъ, то выйдетъ, что содержаніе, которое мы привыкли считать самыми важными въ настоящемъ случаѣ, не имѣть для насъ никакого значенія, потому-что никто не цѣнитъ согласной по этой незамѣтной въ ней гласной стихіи. Подобнымъ образомъ слѣдовало-бы принять, что если согласная есть форма гласной, то голосъ—форма дыханія, такъ что содержаніе (дыханіе) будетъ возможно безъ формы. Вводимое Беккеромъ различіе гласной отъ согласной, состоящее въ томъ, что матеріалъ (дыханіе и голосъ) или вполнѣ и такъ индивидуализированъ въ извѣстной формѣ, что въ звукахъ форма преобладаетъ надъ содержаніемъ (какъ въ согласныхъ) или же такъ, что матеріалъ (Stoff) не вполнѣ индивидуализированъ формою и преобладаетъ надъ нею [какъ въ гласныхъ] (Org. 33). Такое различіе не имѣеть смысла. Всякій члено-раздѣльный звукъ индивидуализированъ вполнѣ, потому-что рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ; преобладанія формы надъ содержаніемъ или наоборотъ въ немъ быть не можетъ.

¹⁾ Гумбольдтъ, повидимому, противнаго мнѣнія: „въ слогѣ—вѣ два звука или болѣе, какъ можетъ казаться по нашему способу писать, но одинъ, произнесенный извѣстнымъ образомъ“ (170); но это только повидимому, потому-что онъ признаетъ существованіе двухъ, взаимно опредѣляющихъ другъ-друга и определительно различаемыхъ и слухомъ и абстракціею рядовъ звуковъ, т. е. согласныхъ и гласныхъ.

²⁾ У Гумбольдта прибавлено: „если при этомъ захотимъ считать тотъ и другой самостоятельными“, т. е. отдельно существующими. Мы этого не хотимъ, но несамостоятельность ихъ вовсе не такова, какъ несамостоятельность формы и матеріала или содержанія.

ственное существование; въ природѣ, т. е. въ человѣческой рѣчи, онъ существуетъ только какъ слово, или какъ часть другаго слова, составляющаго одно цѣлое, которое и въ свою очередь *есть* только какъ часть высшаго цѣлаго, т. е. самой рѣчи.

б) Съ другой стороны, если остановимся на простѣйшихъ звуковыхъ стихіяхъ слова, оказывается слѣдующее. Какъ ни безконечно разнообразны гласные звуки всевозможныхъ языковъ, но рядъ ихъ не можетъ быть продолженъ или сокращенъ по произволу. Въ какое-бы необыкновенное положеніе мы ни привели свои органы и какъ-бы ни былъ страненъ произнесенный такимъ образомъ гласный звукъ, всегда онъ найдетъ опредѣленное мѣсто въ ряду, главными точками котораго служатъ простыя гласные *a*, *u*, *y*, и можетъ быть объясненъ этимъ рядомъ приблизительно такъ, какъ сложные звуки *e*, *o*, которые въ индоевропейскихъ языкахъ произошли первое изъ *ai*, второе изъ *au*. Гласные представляютъ для настъ такую-же замкнутую, строго законную, имѣющую объективное значеніе систему, какъ музыкальные звуки и цвета. Мы чувствуемъ, что такъ-же напрасно было-бы усиліе выйти за предѣлы семи цветовъ радуги, какъ и за предѣлы основныхъ звуковъ.

Это не такъ ощутительно въ ряду согласныхъ, но тѣмъ не менѣе и они дѣлятся на группы, всѣ члены которыхъ имѣютъ свое опредѣленное мѣсто.

Не всѣмъ языкамъ свойственны всѣ звуки, какъ не всѣмъ инструментамъ—всѣ тоны; въ каждомъ языке есть своя система звуковъ, болѣе или менѣе богатая и опредѣленная по отдельнымъ составляющимъ ее звукамъ, но всегда строго послѣдовательная, потому-что предшествующее даетъ въ ней направлѣніе послѣдующему. Такой послѣдовательности не противорѣчитъ то, что повидимому не во-всѣ періоды языка и не во-всѣхъ слояхъ говорящаго имъ народа иностранныя слова прилагаются къ туземнымъ фонетическимъ приемамъ, потому-что или подобныя слова остаются вѣтъ языка, или-же въ дѣйствительности не рознятъ съ нимъ.

Не трудно въ этомъ единству, стройности и законности, открываемыхъ нами въ звуковыхъ стихіяхъ слова, найти сооствѣтствіе раздѣльности воспріятій, характеризующей человѣческую чувственность.

Въ нечлено-раздѣльныхъ звукахъ мы встрѣтимъ отдѣльные согласные (напр. *p.*—въ ворчаны собаки, губные въ мычаны коровы, гортанные въ ржаны лошади), но вмѣстѣ должны будемъ сознаться, что мы находимъ ихъ въ животныхъ крикахъ единственно потому, что привыкли слышать въ человѣческой рѣчи. Лай или вой собаки, раздѣленный на безконечно малыя частицы, заполнилъ бы каждую изъ этихъ частицъ чистою гласною, или согласною; но органы собаки при этомъ не остаются ни на одно ощутимое мгновеніе въ одномъ положеніи, и звукъ, только что появляясь, уже переходитъ въ другой, отчего для одного наблюдателя онъ приближается къ одному членораздѣльному звуку, въ глазахъ другаго къ другому. Въ животномъ звуки нѣть единицы такой, какъ въ человѣческомъ языке—звукъ, слогъ, слово (въ фонетическомъ смыслѣ), а потому онъ невыразимъ средствами человѣческихъ азбукъ, предполагающихъ такія единицы.

Члено-раздѣльность звука достигается далеко не сразу. Это видно изъ того, что съ одной стороны и человѣкъ подъ вліяніемъ потрясеній, имѣющихъ характеръ общаго чувства, т. е. именно тогда, когда наименѣе заинтересованъ своими звуками, издастъ нечлено-раздѣльные крики; съ другой—дитя, даже при болѣе раздѣльныхъ впечатлѣніяхъ, при сознательной рѣчи, говорить неразборчиво. Кому случалось наблюдать, какъ дитя много разъ повторяетъ про себя не-понятное слово, какъ оно забавляется движеніями своихъ органовъ слова, кто сколько-нибудь помнитъ свое раннее дѣтство, тотъ согласится, что «удовольствіе, доставляемое человѣку члено-раздѣльнымъ звукомъ, сообщаетъ этому звуку опредѣленность, разнообразіе и богатство сочетаній¹⁾. Дитя воспринимаетъ звукъ съ гораздо большею опредѣленностью,

¹⁾ Humb. Ueb. die Versch. 72.

чѣмъ животное; въ этотъ звукъ оно переноситъ свое субъективное удовольствіе отъ движенія органовъ и, находя въ немъ самомъ эстетическую цѣну, останавливается на немъ вниманіе. Такъ интересъ, возбуждаемый звукомъ, въ свою очередь становится мотивомъ большей членораздѣльности, тогда какъ пѣвчая птица, испытывая на себѣ влияніе своей пѣсни, не замѣчаетъ этого, не дѣлаетъ прежней своей пѣсни исходною точкою для новой и ограничивается своимъ субъективнымъ, такъ сказать, первичнымъ удовольствіемъ. Уже для ребенка произношеніе звуковъ есть не только удовольствіе, но и работа. «Человѣкъ, говоритъ Гумбольть, стремлениемъ своей души *вынужденъ* у своихъ тѣлесныхъ органовъ членораздѣльный звукъ». Это «стремленіе души» тождественно съ тѣмъ, какое образуетъ языкъ и вообще дѣлаетъ возможнымъ человѣческое развитіе. Чистота звука отъ всякой посторонней примѣси... (и всѣ признаки, связанные съ этимъ) непосредственно вытекаетъ изъ намѣренія¹⁾ сдѣлать его стихіею рѣчи²⁾. «Намѣреніе придать значеніе и способность звука имѣть его, и при томъ не значеніе вообще (потому что такое значеніе имѣть и крикъ животныхъ), а именно изображать мысль: вотъ все, что характеризуетъ членораздѣльный звукъ; кромѣ этого, нельзя въ немъ найти никакого отличія отъ животнаго крика съ одной и музикального тона съ другой стороны»³⁾. Такимъ-образомъ членораздѣльный звукъ опредѣляется тѣмъ, для чего онъ годится, какъ выше чувства человѣка характеризовались тѣмъ развитіемъ, основаніемъ котораго они служатъ. Другаго опредѣленія членораздѣльному звуку найти нельзя. Въ природѣ онъ встрѣчается только въ человѣческой рѣчи, служить только для изображенія мысли, а потому только отъ свойствъ мысли заимствуетъ всѣ свои признаки⁴⁾.

¹⁾ Многія другія мысль показываютъ что подъ намѣреніемъ (Absicht) Гумбольть вѣ понимаетъ здѣсь ничего произвольнаго.

²⁾ Humb. 69.

³⁾ Humb. 67.

⁴⁾ О рефлексивныхъ движеніяхъ и членораздѣльномъ звукѣ см. Lotze, Mikr. II, 210—224. Ср. также Steinh. Gr. L. и Ps. § 87 Lazarus. Das Leben der Seele, II, 37 слѣд.

VII. Языкъ чувства и языкъ мысли.

Оставивши въ сторонѣ нечленораздѣльные звуки, подобные крикамъ боли, ярости, ужаса, вынуждаемые у человѣка сильными потрясеніями, подавляющими дѣятельность мысли, мы можемъ въ членораздѣльныхъ звукахъ, разсматриваемыхъ по отношенію не къ общему характеру человѣческой чувственности, а къ отдѣльнымъ душевнымъ явленіямъ, съ которыми каждый изъ этихъ звуковъ находится въ ближайшей связи, различить двѣ группы: къ первой изъ этихъ группъ относятся междометія, непосредственный обнаруженія относительно спокойныхъ чувствъ въ членораздѣльныхъ звукахъ; ко второй—слова въ собственномъ смыслѣ. Чтобы показать, въ чёмъ состоится различие словъ и междометій, которыхъ мы не называемъ словами и тѣмъ самымъ не причисляемъ къ языку, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на слѣдующее.

Извѣстно, что въ нашей рѣчи тонъ играетъ очень важную роль и нерѣдко измѣняетъ ея смыслъ. Слово дѣйствительно существуетъ только тогда, когда произносится, а произноситься оно должно непремѣнно извѣстнымъ тономъ, который уловить и назвать иногда нѣтъ возможности; однако хотя съ этой точки безъ тона нѣтъ значенія, но не только отъ него зависитъ понятность слова, а вмѣстѣ и отъ членораздѣльности. Слово *вы* я могу произнести тономъ вопроса, радостнаго удивленія, гнѣвнаго укора и проч., но во всякомъ случаѣ оно останется мѣстоименіемъ втораго лица множественнаго числа; мысль, связанная со звуками *вы*, сопровождается чувствомъ, которое выражается въ тонѣ, но не исчерпывается имъ и есть нечто отъ него отличное. Можно сказать даже, что въ словѣ членораздѣльность перевѣшивается тономъ; глухонѣмыми она воспринимается посредствомъ зрѣнія и слѣдовательно можетъ совсѣмъ отѣлиться отъ звука ¹⁾.

Со-всѣмъ наоборотъ—въ междометіи: оно членораздѣльно, но это его свойство постоянно представляется намъ чѣмъ-то

¹⁾ Humb. Ueb. die Versch. 67.

второстепеннымъ. Отнимемъ у междометій *о*, *а* и пр. тонъ, указывающій на ихъ отношение къ чувству удивленія, радости и др., и они лишатся всякаго смысла, станутъ пустыми, отвлеченіями, извѣстными точками въ гаммѣ гласныхъ. Только тонъ даетъ памъ возможность догадываться о чувствѣ, вызывающемъ восклицаніе у человѣка, чуждаго намъ по языку. По тону, языкъ междометій, подобно мимикѣ, безъ которой междометіе, въ отличіе отъ слова, во многихъ случаяхъ, во-все не можетъ обойтись, есть единственный языкъ, понятный всѣмъ.

Съ этимъ связано другое, болѣе внутреннее отличіе междометія отъ слова... мысль, съ которой когда-то было связано слово, снова вызывается въ сознаніе звуками этого слова, такъ что напр. всякий разъ, какъ я услышу имя извѣстнаго мнѣ лица, мнѣ представляется снова болѣе или менѣе ясно и полно образъ того самаго лица, которое я прежде видалъ, или-же извѣстное видопамѣніе, сокращеніе этого образа. Эта мысль воспроизводится если не со-всѣмъ въ прежнемъ видѣ, то такъ однако, что второе, третье воспроизведеніе могутъ быть для насъ даже важнѣе первого. Обыкновенно человѣкъ во-все не видитъ разницы между значеніемъ, какое онъ соединялъ съ извѣстнымъ словомъ вчера, и какое соединяетъ сегодня, и только воспоминаніе состояній, далекихъ отъ него по времени, можетъ ему доказать, что смыслъ слова для него мѣняется. Хотя имя моего знакомаго подѣйствуетъ на меня иначе теперь, когда уже давно его не вижу, чѣмъ дѣйствовало прежде, когда еще свѣжо было воспоминаніе обѣ немъ; но тѣмъ не менѣе въ значеніи этого имени для меня всегда остается чѣчто одинаковое. Такъ и въ разговорѣ: каждый понимаетъ слово по своему, но видащая форма слова проникнута объективною мыслью, независимою отъ пониманія отдѣльныхъ лицъ. Только это даетъ слову возможность передаваться изъ рода въ родъ; оно получаетъ новыя значенія только потому, что имѣло прежнія. Наслѣдственность слова есть только другая сторона его способности имѣть объективное значеніе для одного и того-

же лица. Междометіе не имѣеть этого свойства. Чувство, составляющее все его содержаніе, не воспроизводится такъ, какъ мысль. Мы убѣждены, что событія, о которыхъ теперь напомнить намъ слово *школа*, тождественны съ тѣми, которые были и прежде предметомъ нашей мысли; но мы легко замѣтимъ, что воспоминаніе о нашихъ дѣтскихъ печалихъ можетъ намъ быть пріятно, и наоборотъ, мысль о беззаботномъ нашемъ дѣствіи можетъ возбуждать скорбное чувство, что вообще воспоминаніе о предметахъ, внушавшихъ намъ прежде такое-то чувство, вызываетъ не это самое чувство, а только блѣдную тѣнь прежняго или лучше сказать совсѣмъ другое.

Хотя повторяя въ мысли прежнія воспоминанія мы прибавляемъ къ нимъ новые стихіи, измѣняемъ ихъ обстановку, ихъ отношенія къ другимъ, ихъ характеръ; но простыя стихіи нашей мысли при этомъ будутъ тѣ-же. Такъ та часть, которую я вижу въ картинѣ прежде прочихъ, не исчезнетъ для меня и тогда, когда вмѣстѣ съ нею увижу и всѣ остальные части; первое мое воспріятіе, ставши рядомъ съ послѣдующими, составить съ ними одно цѣлое, получить для меня новый смыслъ, но само по себѣ и на мой взглядъ сохранится неизмѣннымъ въ составляемомъ мною общемъ образѣ картины. Чувство не заключаетъ въ себѣ никакихъ частей. Мы знаемъ, что сила и качество чувства опредѣляются расположениемъ и движениемъ представленій, но эти представлениія только условія, а не стихіи чувства. Малѣйшее измѣненіе въ условіяхъ производитъ новое чувство, нес贯穿яющее для сознанія никакихъ следовъ прежняго. Подобнымъ образомъ мы можемъ знать, изъ сколькихъ частей составлены духи, но чувствуемъ только одинъ недѣлимый запахъ, который весь измѣнится отъ присоединенія новыхъ веществъ къ прежнему составу. Мысль имѣть своимъ содержаніемъ тѣ воспріятія или ряды воспріятій, какіе въ насъ были, и потому можетъ старѣться; чувство есть всегда оцѣнка наличнаго содержанія нашей души и всегда ново. Отсюда понятно, почему междометіе, какъ отголосокъ мгновеннаго состоянія

души, каждый разъ создается съязнова и не имѣть объективной жизни, свойственной слову. Правда, мы можемъ вспомнить и повторить невольно изданное нами восклицаніе, но тогда произносимый нами звукъ будетъ уже предметомъ нашей мысли, а не отраженіемъ чувства, будетъ названіемъ междометія, а не междометіемъ. Говоря «я сказалъ *ахъ*», или отвѣтчая односложнымъ повтореніемъ звука *ахъ* на вопросъ: «что вы сказали», мы дѣлаемъ это *ахъ* частью предложения, или цѣлымъ неразвитымъ предложеніемъ, но во-всюкомъ служащ словомъ. Междометіе уничтожается обращенною на него мыслю, подобно тому, какъ чувство разрушается самоанаблюденіемъ, которое необходимо прибавляеть нѣчто новое къ тому, чѣмъ занято было сознаніе во-время самаго чувства.

Отсюда вытекаетъ третій отличительный признакъ междометія. Понять извѣстное явленіе значить сдѣлать его предметомъ нашей мысли; но мы видѣли, что междометіе перестаетъ быть само-собою, какъ скоро мы обратили на него внимание: поэтому оно, оставаясь собою, непонятно. Разумѣется, мы говоримъ здѣсь не о томъ непониманіи, которое выражается вопросомъ: «что это?» или утвержденіемъ «я этого не понимаю»; и вопросъ этотъ и утвержденіе ручаются уже за извѣстную степень пониманія, предполагаютъ въ насъ нѣкоторое знаніе того, объ чемъ мы спрашиваемъ и чего не знаемъ. Непонятность междометія—въ томъ, что оно совсѣмъ незамѣтно сознанію субъекта. Если сообразить, что мы понимаемъ произнесенное другимъ слово лишь на столько, на сколько оно стало нашимъ собственнымъ (точно такъ какъ вообще понимаемъ вѣшнія явленія только послѣ того, какъ они стали достояніемъ нашей души), и что произнесенное другимъ восклицаніе усвоивается нами не какъ междометіе, т. е. непосредственное выраженіе чувства, а какъ знакъ, указывающій на присутствіе чувства въ другомъ¹⁾; то къ сказанному, что междометіе непонятно для самаго субъекта нужно будетъ прибавить, что оно и ни для кого непо-

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ мы называли выше языкъ междометій—общепонятнымъ.

нятно. Не должно казаться страннымъ, что междометіе будучи рефлексією волненія души и возвращаясь въ нее, какъ впечатлѣніе звука, остается ей незамѣтнымъ: сплошь да рядомъ — случаи, которые могутъ насъ убѣдить, что и своя душа — потѣмки, что въ насъ множество воспріятій и чувствъ, намъ совершенно непрѣдѣльныхъ.

Непонятность междометія можно иначе выразить такъ: оно не имѣть значенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ имѣть его слово. Если-бъ не препятствія со стороны языка, мы бы не сказали, что восклицаніе, вынуждаемое страхомъ, *значитъ* страхъ, т. е. мысль объ немъ, выраженную въ словѣ *страхъ*, подобно тому, какъ не сказали бы, что мгновенна краска на лицѣ значитъ стыдъ. Какъ часовая и минутная стрѣлки на двѣнадцати не значать двѣнадцать часовъ, а только указываютъ на извѣстное время, какъ ознобъ или жаръ, скорость или медленность пульса, не означаютъ болѣзнь, а только служать ея признаками для врача; такъ и въ междометіяхъ наблюдатель видитъ безсмысличные сами по себѣ признаки состояній души, тогда какъ въ словѣ онъ имѣть дѣло съ готовою уже мыслью.

Вмѣстѣ со многими другими остатками прежнихъ періодовъ общечеловѣческаго развитія мы сохранили наклонность переносить въ животныхъ замѣченное нами только въ себѣ, наѣлять ихъ напр. языкокъ, который мы знаемъ только въ человѣкѣ. Это будетъ вѣрно развѣ въ томъ случаѣ, если къ языку отнесемъ мы и междометія и если будемъ помнить, что виѣшнее различіе между междометіями членораздѣльными и нечленораздѣльными звуками животныхъ указываетъ на глубокую внутреннюю разницу душевныхъ процессовъ въ человѣкѣ и животномъ. Обыкновенно мы принимаемъ свои слова въ слишкомъ точномъ значеніи, когда говоримъ напр., что «собака просить Ѣсть». Мы забываемъ при этомъ, что подобная просьба въ человѣкѣ есть явленіе очень сложное, предполагающее, кроме сознанія чувства голода, еще мысль о средствахъ его удовлетворенія, о лицѣ, которое можетъ доставить эти средства, о нашихъ отношеніяхъ къ этому лицу, недопускающихъ тре-

бованія, о различії требованія и просьбы, однимъ словомъ— многое такое, чего не можемъ предположить въ животномъ, если не хотимъ уравнять его съ человѣкомъ по способности къ развитию. Лай или визгъ собаки, который намъ кажется просьбою, есть только рефлексія непріятнаго, испытываемаго ею чувства, есть движеніе столь-же мало подлежащее ея наблюдению и такое-же невольное, какъ прыжокъ въ сторону при видѣ занесенной надъ нею палки. Звуки животныхъ не объяснимы одними физиологическими законами: они связаны съ воспріятіями и сопровождающими ихъ чувствами, ассоціаціями воспріятій, ожидающими подобныхъ слушаешь; но, повторяемъ, они не имѣютъ значенія, не понимаются, и не служать средствами производить пониманіе въ другихъ. Пѣтухъ поетъ въ извѣстную пору вовсе не затѣмъ, чтобы вызвать отвѣтъ другаго, и другой не отвѣчаетъ ему, а поеть самъ по себѣ, потому что его слуховые нервы, раздраженные крикомъ первого, переносятъ свое движеніе на голосовые органы. Собака не понимаетъ обращеннаго къ ней слова, потому что въ душѣ ея, какъ увидимъ, нельзя предположить той формы мысли, которая выражается въ словѣ и безъ которой было-бы невозможно пониманіе между людьми, но она побуждается звукомъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ, такъ-какъ могла-бы быть возбуждена ударомъ, уколомъ. Если она починаетъ громче лаять, когда ей дольше обыкновенного не даютъ есть, или если дитя, еще неговорящее, успаваетъ свой крикъ при такихъ-же обстоятельствахъ; то это опять не отъ пониманія значенія лая и крика для другихъ. Въ ребенкѣ чувство голода, вынуждающее крикъ и дѣйствія окружающихъ его лицъ, удаляющія это чувство, при повтореніи ассоциируются, такъ что если снова дано будетъ чувство съ сопровождающимъ его звукомъ, то тѣмъ самымъ вызовется и ожиданіе его удовлетворенія. Когда этого послѣдняго долго неѣтъ, то усиливается чувство ожиданія и въ свою очередь будетъ способствовать усиленію звука, который при этомъ будетъ рефлексіею и чувства ожиданія и чувства голода.

Языкъ животныхъ и человѣка въ раннюю пору дѣтства состоитъ изъ рефлексій чувства въ звукахъ. Вообще нельзя себѣ представить другаго источника звукового материала языка. Человѣческий произволъ застаетъ звукъ уже готовымъ: слова должны были образоваться изъ междометій¹⁾, потому что только въ нихъ человѣкъ могъ найти членораздѣльный звукъ. Такимъ-образомъ первобытная междометія, по своей послѣдующей судьбѣ, распадаются на такія, которыя на всегда остались междометіями, и на такія, которыя съ неизпамятныхъ временъ потеряли свой интеръекціональный характеръ. Къ первымъ принадлежать восклицанія физической боли и удовольствія и болѣе сложныхъ чувствъ, условливаемыхъ не столько качественнымъ содержаниемъ мысли, сколько ея формою (напр. восклицанія удивленія, радости, горя); ко вторымъ, судя по корнямъ теперешнихъ языковъ, главнымъ образомъ, если не исключительно, междометія чувствъ, связанныхъ съ впечатлѣніями зренія и слуха.

Выше мы упомянули, что междометіе подъ влияниемъ обращенной на него мысли, измѣняется въ слово; теперь слѣдуетъ дольше остановиться на томъ, какъ именно происходитъ это измѣненіе, т. е. созданіе языка, какъ приобрѣтаетъ человѣкъ умѣніе понимать себя и другихъ, въ чемъ заключается то, что мы называемъ объективностью значенія, понятіемъ слова?

Прежде всего обратимъ вниманіе на тѣ условія образования слова, которыя могутъ сами собою найтись въ человѣкѣ, взятомъ отдельно, независимо отъ связи съ обществомъ. Во первыхъ, произнося слово, мы можемъ замѣтить, что чувство, внушенное тѣмъ, что представляется намъ содержаниемъ слова, такъ слабо въ сравненіи съ чувствомъ, которое прорывается въ восклицаніи, что само по себѣ не вызвало-бы звука, еслибы не застало его уже готовымъ. Отсюда выводимъ, что напряженность чувства, владѣющаго человѣкомъ, который произноситъ междометіе, должно умень-

¹⁾ Ср. Себ. die Versch. 209.

шиться при переходѣ междометія въ слово. Во вторыхъ, такое паденіе интенсивности чувства требуется и тою ясностію, съ которой мы представляемъ себѣ содержаніе слова, и тою отдалкою, какую мы придаемъ его формѣ. Пословицу «у страха глаза велики» мы можемъ распространить на всѣ сильныя чувства, которая не то-что неизрѣнно заставляютъ насъ преувеличивать, а просто не даютъ разсмотрѣть предметовъ, причинившихъ испытываемое нами потрясеніе. Создавая слово, человѣкъ долженъ замѣтить свой собственныій звукъ; это уже самонаблюденіе, рефлексія въ психологическомъ смыслѣ этого слова, которая тѣмъ труднѣе для насъ, чѣмъ болѣе мы увлечены общимъ потокомъ своей мысли, чѣмъ сильнѣе волнующее насъ чувство. Оба эти условія (слабость чувства и опредѣленность воспріятія) до значительной степени даются однимъ повтореніемъ такихъ-же воспріятій. Человѣкъ, напр. съ невольнымъ ужасомъ и совершенно безотчетно наклоняется голову, слыша надъ собою впервые свисть пули; но потомъ привыкаетъ къ этому свисту, начинаетъ вслушиваться въ его особенности. Такое ослабленіе чувства можетъ-быть независимо отъ всякихъ свойственныхъ только человѣку соображеній, потому-что замѣчается и въ животныхъ (напр. въ лошади, привыкающей къ тяжести всадника, къ выстрѣламъ, къ виду верблюдовъ и проч.), хотя это ослабленіе не даетъ имъ человѣческой объективности взгляда.

По мѣрѣ, какъ уменьшается необходимость отраженія чувства въ звукѣ, увеличивается другаго рода связь звука и представлениія. Звукъ, издаваемый человѣкомъ, воспринимается имъ самимъ, и образъ звука, слѣдя постоянно за образомъ предмета, ассоциируется съ нимъ. При новомъ воспріятіи предмета, или при воспоминаніи прежняго, повторится и образъ звука, и уже въ слѣдъ за этимъ (а не посредственно, какъ при чисто рефлексивныхъ движеніяхъ) появится самый звукъ. Сходное съ этимъ сцѣпленіе образа предмета, образа движенія и самого движенія встрѣчаемъ очень часто: музыкантъ или наборщикъ, при видѣ ноты или

буквы, при одной мысли объ нихъ, сразу находить нужный клавиши инструмента, или отвѣление ящика съ буквами. Ассоціація воспріятій предмета и звука, замѣняющая непосредственное рефлексивное движение голосовыхъ органовъ такимъ, въ которомъ произнесеніе звука посредствуется его образомъ въ душѣ, есть одно изъ необходимыхъ условій созданія слова. Но она еще не даетъ пониманія, потому что можетъ вовсе не замѣтиться самимъ человѣкомъ, точно такъ, какъ вообще ускользаетъ отъ самонаблюденія множество привычныхъ движений тѣла. Въ созданіи слова должно повториться то, что происходитъ съ нами на высшихъ степеняхъ развитія: не въ уединеніи, а въ обществѣ мы привыкаемъ смотрѣть за собою; поэтическое произведеніе открываетъ намъ до того непрѣдѣльной стороны нашей собственной души, а не сами-собою они намъ уясняются; вообще виѣшнее наблюденіе предшествуетъ внутреннему. Въ примѣненіи къ языку это будетъ значить, что слово только въ устахъ другаго можетъ стать понятіемъ для говорящаго, что языкъ создается только совокупными усилиями многихъ, что общество предшествуетъ началу языка. «Языкъ, говорить Гумбольдтъ, въ дѣйствительности развивается только въ обществѣ, и человѣкъ понимаетъ себя, только испытавши на другомъ понятность своихъ словъ»¹⁾.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что во время пониманія слова звукъ въ нашей мысли предшествуетъ своему значенію, тогда какъ при ассоціаціи, о которой мы выше говорили, совсѣмъ наоборотъ: образъ предмета предшествуетъ въ мысли образу звука. Какъ произойдетъ эта перестановка, нужная для пониманія? Что заставить человѣка сначала вспомнить свой звукъ, потомъ—объяснить его воспріятіемъ предмета?—Очевидно, что скорѣе всего самый этотъ звукъ, услышанный отъ другаго. Представимъ себѣ, что первобытный человѣкъ, пораженный известнымъ впечатлѣніемъ, издаетъ такой-то звукъ, что это повторилось нѣсколько разъ и произвело

¹⁾ Ueb. die Versch. 54.

ассоціацію образа предмета и впечатлѣнія звука и что на-
конецъ при этомъ самый предметъ потерялъ свой, такъ
сказать, подавляющій мысль интересъ. Другой человѣкъ,
подъ вліяніемъ такого-же впечатлѣнія отъ того-же предмета,
произнесетъ такой-же звукъ. Это вполнѣ вѣроятно, потому
что мы легко можемъ допустить такое сходство въ устрой-
ствѣ и мгновенномъ состояніи организмовъ, при которомъ
звуки, въ концѣ отражаются одинаковыя чувства, предста-
вить совершенно неуловимыя различія, особенно для не-
привычного уха. Звукъ этотъ, воспринятый первымъ, возоб-
новить въ его сознаніи прежде всего его собственный такій-
же, потому-что новое восприятіе имѣть наиболѣе общаго съ
образомъ этого звука, а не съ какимъ-либо другимъ созда-
ніемъ души. Мысль о звукѣ, безъ сомнѣнія, не пройдетъ
безъ слѣда, и невольно повлечеть за собою свое осуществле-
ніе, произнесеніе звука, потому-что молчаніе есть *искусство*
не давать представленію переходить въ движенія органовъ,
съ которыми оно связано,—искусство, пріобрѣтаемое совре-
меннымъ человѣкомъ довольно поздно, и совсѣмъ незамѣт-
ное въ дѣтихъ. Слушающій повторить услышанный отъ дру-
гаго звукъ; ему ощущительно предстанетъ его собственное
созданіе и въ свою очередь вызоветъ бывшій въ душѣ, но
теперь уже объясняющій звукъ, образъ предмета. Такъ со-
вершится перестановка представлений, требуемая пониманіемъ.
Слушающій понимаетъ не одинъ свой звукъ, а вмѣстѣ и чу-
жой, на источникъ коего указываетъ ему зрѣніе; онъ ви-
дитъ говорящаго, и вмѣстѣ предметъ, на который указы-
вается этотъ послѣдній. Стало-быть, при первомъ актѣ пони-
манія произойдетъ объясненіе не только звука, принадле-
жащаго понимающему, но, посредствомъ этого звука, и со-
стоянія души говорящаго. Съ одной стороны здѣсь будетъ
совершенно невольное сообщеніе мысли, съ другой столь-же
невольное ея пониманіе.

Однако этими не можетъ окончиться развитіе слова въ
понимающемъ. Образъ предмета былъ до-сихъ-поръ объясня-
ющимъ, чѣмъ-то наиболѣе близкимъ къ самому лицу и на-

именіе для него яснымъ. Наши душевныя состоянія уясняются намъ лишь по мѣрѣ того, какъ мы ихъ обнаруживаемъ, даёмъ имъ какъ-бы самостоятельное существованіе, находя ихъ напр. въ другихъ или выражая въ словѣ. Навсегда темными остаются для насъ тѣ особенности нашей душевной жизни, которыхъ мы не выразимъ никакими средствами, и которыхъ не увидимъ ни въ комъ, кромѣ себя. Когда новое воспріятіе предмета вызоветъ въ томъ, кого мы до-сихъ-порѣ представляли слушающимъ и понимающимъ, такое-же прежнее, когда это послѣднее выразится въ звукѣ, звукъ этотъ воспримется слушающимъ и заставить его сдѣлать движение, понятое говорящему, напр. указать на предметъ; только тогда говорящій «извѣдаетъ на другомъ понятность своего слова». Теперь онъ будетъ понимать себя, потому-что получить доказательства существованія въ другомъ того образа, который до-сихъ-порѣ былъ его личнымъ достояніемъ. Средствомъ при этомъ, какъ и при пониманіи другаго, будетъ звукъ, обнаруживающій для говорящаго его собственную мысль. Представленіе предмета въ говорящемъ, звукъ и его дѣйствіе на слушающаго (т. е. указаніе на то, что въ послѣднемъ есть такой-же образъ предмета) теперь ассоциируются и образуютъ одинъ рядъ, который воспроизводится, какой-бы его членъ ни былъ данъ первымъ.

Итакъ образованіе слова есть весьма сложный процессъ*. Прежде всего—простое отраженіе чувства въ звукѣ, такое напр. какъ въ ребенкѣ, который подъ вліяніемъ боли невольно издаетъ звукъ *vava*. Затѣмъ—сознаніе звука; здѣсь кажется не необходимымъ, чтобы ребенокъ замѣтилъ, какое именно дѣйствіе произведеть его звукъ; достаточно ему услышать свой звукъ *vava* отъ другаго, чтобы вспомнить сначала свой прежний звукъ, а потомъ уже—боль и причинившій ее предметъ. Наконецъ—сознаніе содержащія мысли въ звукѣ, которое не можетъ обойтись безъ пониманія звука другими. Чтобы образовать слово изъ междометія *vava*, ребенокъ долженъ замѣтить, что мать, полу-

жимъ, уышавши этотъ звукъ, спѣшить удалить предметъ, причиняющій болъ¹⁾.

Какъ-бы неудовлетворительно ни было изложенное нами объясненіе созданія слова, во всякомъ случаѣ вѣрно то, что языкъ предполагаетъ такую степень развитія, которой непосредственно предшествуетъ патогномическій звукъ. Этую степень называютъ *ономато-поэтическою*, но не въ томъ смыслѣ, что на ней изображаются звуки вибѣшией природы (далеко не всеѣ слова, образованныя изъ междометій, суть звукоподражанія), а скорѣе въ томъ, что здѣсь впервые звуками изображаются мыслимые явленія.

До-сихъ-поръ говоря обѣ томъ, какъ звукъ получаетъ значеніе, мы оставили въ тѣнѣ важную особенность слова сравнительно съ междометіемъ, особенность, которая рождается вмѣстѣ съ пониманіемъ, именно такъ-называемую *внутреннюю форму*. Не трудно вывести изъ разбора словъ какого-бы ни было языка, что слово собственно выражаетъ не всю мысль, принимаемую за его содержаніе, а только одинъ ея признакъ²⁾). Образъ стола можетъ имѣть много признаковъ, но слово *столъ* значитъ только пространное (корень—*стл*, тотъ-же, что въ глаголѣ *стлать*) и поэтому оно можетъ одинаково обозначать всяkie столы, независимо отъ ихъ формы, величины, материала. Подъ словомъ *окно* мы разумѣемъ обыкновенно раму со стеклами, тогда какъ, судя по сходству его со словомъ *око*, оно значитъ: то, куда смотрять, или куда проходить свѣтъ, и не заключаетъ въ себѣ никакого намека не только на раму и пр., но даже на понятіе отверстія. Въ словѣ есть, следовательно, два содержанія: одно, которое мы выше называли объективнымъ, а теперь можемъ назвать ближайшимъ этимологическимъ значеніемъ слова, всегда заключаетъ въ себѣ только одинъ признакъ; другое—субъективное содержаніе, въ которомъ

¹⁾ Ср. Steinal. Zur Sprachphilosophie. Zeitschr. f. Philos. v. Fichte u. Ulrici. XXXII, 207—11. Steinal. Ueber der Wandel der Laute u. des Begriffs. Zeitschr. f. Völkerpsychol. u. Sprachwissenschaft. I, 5, 420—22.

²⁾ Ср. Humb. Ueb. die Versch. 97—8, 110.

признаковъ можетъ-быть множество. Первое есть знакъ, символъ, замѣняющій для нась второе. Можно убѣдиться на опыте, что, произнося въ разговорѣ слово съ яснымъ этимологическимъ значеніемъ, мы обыкновенно не имѣемъ въ мысли ничего, кромѣ этого значенія: *облако*, положимъ, для нась только «покрывающее». Первое содержаніе слова есть та форма, въ которой нашему сознанію представляется содержаніе мысли. Поэтому, если исключить второе, субъективное и, какъ увидимъ сей-часъ, единственное содержаніе, то въ словѣ останется только звукъ, т. е. виѣшняя форма и этимологическое значеніе, которое тоже есть форма, но только внутренняя. Внутренняя форма слова есть отношеніе содержанія мысли къ сознанію; она показываетъ, какъ представляется человѣку его собственная мысль. Этимъ только можно объяснить, почему въ одномъ и томъ-же языкѣ можетъ быть много словъ для обозначенія одного и того-же предмета, и наоборотъ, одно слово совершенно согласно съ требованиями языка можетъ обозначать предметы разнородные. Такъ, мысль о тутѣ представлялась народу подъ формою одного изъ своихъ признаковъ, именно того, что она вбираетъ въ себя воду или изливается ею изъ себя, откуда слово *туча* (корень *ту*, пить и лить). Поэтому польскій языкъ имѣлъ возможность тѣмъ-же словомъ *тесза* (гдѣ тотъ-же корень, только съ усиленіемъ): назвать радугу, которая, по народному представлению, вбираетъ въ себя воду изъ криницы. Приблизительно такъ обозначена радуга и въ словѣ *радуга* (корень *дуг*, доить, т. е. пить и напоять, тотъ-же, что въ словѣ *дождь*); но въ малорусскомъ словѣ *веселка* она названа свѣтишееся (корень *вас*, свѣтить, откуда *весна* и *веселый*), а еще нѣсколько иначе въ малорусскомъ-же *красна пани*.

Въ ряду словъ того-же корня, послѣдовательно вытекающихъ одно изъ другаго, всякое предшествующее можетъ быть названо внутреннею формою послѣдующаго. Напр. слово *язвить*, принимаемое въ переносномъ смыслѣ, значитъ собственно наносить раны, язвы; въ сл. *язва* всѣ признаки

раны обозначены, положимъ, болью; *язва*—то, что болитъ; боль въ неизвѣстномъ словѣ того-же корня названа жженіемъ: болитъ то, что горитъ, жжетъ (у Памвы Берынды слово *язва* объяснено словомъ жженіе). Допустимъ, что встрѣчаемый въ Санскрите корень всѣхъ этихъ словъ *indh*, жечь, горѣть, есть древнѣйший, непредполагающій другаго слова и прямо образованный изъ междометія: что будетъ внутреннею формою этого слова? Разумѣется то, что связываетъ значеніе (т. е. здѣсь—образъ горѣнія и горящаго предмета, заключающейъ въ себѣ въ зародышѣ множество признаковъ) со звукомъ. Связующимъ звеномъ можетъ здѣсь быть только чувство, сопровождающее восприятіе огня и непосредственно отраженное въ звуке *indh*. Чувствомъ и звукомъ, взятыми вмѣстѣ (потому-что безъ звука не было-бы замѣчено и чувство) человѣкъ обозначалъ полученное извѣс-
тие восприятіе. Такъ какъ чувство мыслимо только въ отдѣльномъ лицѣ и вполнѣ субъективно, то мы принуждены и первое по времени собственное значеніе слова назвать субъективнымъ, тогда какъ выше собственное значеніе вообще, внутреннюю форму мы считали объективной стороною слова. Пониманіе, упрощеніе мысли, переложеніе ея, если такъ можно выразиться, на другой языкъ, проявленіе ея вовнѣ начинается, стало-быть, съ обозначенія ея тѣмъ, что само невыразимо, хотя и ближе всего къ человѣку. Роль чувства не ограничивается передачею движенія голосовымъ органамъ и созданiemъ звука: безъ вторичнаго его участія не было-бы возможно самое образование слова изъ созданнаго уже звука. Если покажется вѣрнымъ, что въ нѣкоторыхъ случаевъ внутренняя форма ономато-поэтическаго слова есть чувство, то это самое нужно будетъ распространить и на всѣ остальные, хотя-бы при этомъ и встрѣтились нѣкоторыя, впрочемъ легко устранимыя недоразумѣнія. Разумѣется съ принятой нами точки не слѣдуетъ считать ономато-поэтическими всѣхъ словъ, обыкновенно называемыхъ этими именемъ. Слова, какъ *быкъ* *боцъ*, имѣютъ уже внутреннею формою не чувство, а одинъ изъ объективныхъ признаковъ.

обозначаемаго ими предмета: *бюс* значить то, что издаетъ звукъ *бу*; но эти слова предполагаютъ уже название самаго звука¹⁾, въ которомъ связью между воспріятіемъ внѣшняго (нечлено-раздѣльного) звука и выражениемъ его въ звукахъ члено-раздѣльныхъ, символомъ воспріятія для самой души будетъ чувство, испытываемое ею при воспріятіи. Символизмъ уже въ самыхъ начаткахъ человѣческой рѣчи отличаетъ ее отъ звуковъ животныхъ и отъ междометій.

Въ созданіи языка нѣть произвола, а потому умѣстенъ вопросъ, на какомъ основаніи извѣстное слово значить то именно, а не другое. Если спросимъ о словахъ позднѣйшихъ формаций, то отвѣтъ можетъ быть приблизительно такой: *старз* (корень *ста*, *p-ɔ* суффиксы) значитъ старъ, а не молодъ, потому-что воспріятія старыхъ предметовъ представляли наиболѣе сходства съ воспріятіями, служившими содержаніемъ словъ отъ корня *ста*, стоять. Если пойдемъ дальше и спросимъ, отчего въ словахъ, признанныхъ первичными, извѣстный звукъ соотвѣтствуетъ тому, а не другому значенію, отчего корень *ста* значитъ стоять, а корни *ми*, *и* пади, а не наоборотъ; то и отвѣта нужно будетъ искать дальше, именно въ изслѣдованіи патогномическихъ звуковъ, предшествующихъ слову. Потому звукъ *ста* издаѣтъ человѣкомъ при видѣ стоящаго предмета, или, что на тоже выйдетъ, при желаніи, чтобы предметъ остановился, что чувство, волновавшее душу, могло сообщить органамъ только то, а не другое движение. Далѣе спрашивать не будемъ: что-бы сказать, почему такое-то состояніе души требуетъ для своего обнаруженія одного этого изъ всѣхъ движений, возможныхъ для организма, нужно знать, какой видъ имѣютъ движения въ самой душѣ и какъ вяжутся они между собою. Кому употребляемыя о душѣ выраженія, заимствованыя отъ движений внѣшняго мира, кажутся метафорами, годными только за неимѣніемъ другихъ, кто утверждаетъ,

1) Мы не говоримъ, будеть-ли первичное слово для звука изображать его, какъ дѣйствіе, или какъ предметъ, потому-что при созданіи слова обѣ эти точки зрения вовсе не существуютъ.

что нѣтъ сходства между механическими движеніями, положимъ, зрительныхъ нервовъ и ощущеніемъ зрѣнія и сопровождающимъ его удовольствіемъ; для того такая задача неразрѣшима. Поэтому остается, отказавшись заполнять пробѣлы между механическими движеніями и состояніями души, которая не могутъ быть названы такими движеніями, принять за фактъ соотвѣтствіе пзвѣстныхъ чувствъ пзвѣстнымъ звукамъ и ограничить задачу простымъ перечисленіемъ тѣхъ и другихъ. Рѣшеніе этой задачи могло бы показать, гдѣ оканчивается сходство языковъ, доказывающее одноплеменность говорящихъ или народовъ, и начинается то, которое доказываетъ только единство человѣческой природы вообще; но такое рѣшеніе встрѣчаетъ столько препятствій, что кажется почти неисполнимымъ. Во первыхъ, нужно возвести всѣ слова къ первой по времени внутренней и внешней формѣ; во вторыхъ, слѣдуетъ обозначить первую внутреннюю форму каждого слова, при чёмъ неизбѣжны большія неточности, потому-что, какъ напр. назвать разные оттенки удивленія, которые первоначально выразились въ звукахъ съ общимъ значеніемъ, положимъ, *видѣть, свѣтить?* Наконецъ въ третьихъ, слѣдуетъ опредѣлить свойства первобытийныхъ звуковъ. Относительно послѣдняго можно замѣтить, что не совсѣмъ вѣрно искать соотвѣтствія чувствъ первобытийнымъ звукамъ въ одной членораздѣльности послѣднихъ, независимо отъ ихъ тона, и утверждать подобно Гейзе¹⁾, что *a* — общее выраженіе равномѣрнаго (*gleichschwebend*), тихаго, яснаго чувства, спокойнаго наблюденія, но вмѣстѣ и глупаго изумленія (*gaffen, зѣвать*); *u* — стремленія субъекта удалить отъ себя предметъ, чувства противодѣйствія, страха и т. п., а *u*, наоборотъ — выраженіе желанія, любви, стремленія приблизить къ себѣ предметъ, ассимилировать его восприятіе. Въ звуки междометія кроме члено-раздѣльности, замѣчаемъ не одну ноту и не простое повышеніе или пониженіе голоса, на которое можно-бы не обращать вни-

¹⁾ System der Sprachwissenschaft v. K. W. L. Heyse. Berl. 1856. 77—80.

манія, а весьма сложнія сочетанія тоновъ, которыя такъ-же важны при определеніи первоначального значенія звуковъ, какъ и члено-раздѣльность.

Обыкновенно, спрашивая о причинахъ, по которымъ известный звукъ имѣть въ словѣ такое-то значеніе, ищутъ вовсе не соотвѣтствія этого звука чувству сопровождающему воспріятіе, а сходства между звукомъ и воспріятіемъ, которое принимается за самый предметъ. Кому кажется яснымъ, почему звукоподражательные слова, напр. *куковатъ, кукушка*, значать то, что они значать, тотъ и причины значенія незвукоподражательныхъ словъ долженъ искать въ сходствѣ ихъ звуковъ съ обозначаемыми предметами. Такой взглядъ встрѣчаемъ и у Гумбольта, который находитъ слѣдующія два основанія связи понятій (въ обширномъ смыслѣ этого слова) и звуковъ въ первичныхъ словахъ¹⁾). 1) «Непосредственно звукоподражательное обозначеніе понятій. Здѣсь звукъ, издаваемый предметомъ, изображается на столько, на сколько нечленораздѣльный звукъ можетъ быть переданъ членораздѣльнымъ. Это какъ-бы живописное обозначеніе; подобно тому, какъ живопись изображаетъ предметъ, какъ онъ представляется глазу (т. е. даетъ только цвѣтное пространство известныхъ очертаній, которое зрителъ дополняетъ самъ); такъ языкъ представляетъ предметъ, какъ онъ слышится уху» (т. е. даетъ только звукъ, упуская всѣ остальные признаки). Во всякомъ случаѣ здѣсь звукъ самъ по себѣ имѣть нечто общее съ предметомъ. 2) «Обозначеніе, подражающее предмету не прямо, а въ чемъ-то третьемъ, общемъ звуку и предмету. Этотъ способъ можно назвать символическимъ, хотя понятіе символа въ языке гораздо обширнѣе²⁾). Здѣсь для обозначенія предмета избираются звуки частью *сами по себѣ*, частью по сравненію съ дру-

¹⁾ То, что говорить Гумбольтъ о третьемъ способѣ обозначенія, по которому сходные понятія получаютъ сходные звуки, сюда не относится, потому что при этомъ „не обращается вниманія на характеръ самихъ звуковъ“. Ueb. die Versch. 82.

²⁾ Потому что, какъ мы понимаемъ это мѣсто, значеніе во *всякомъ* словѣ обозначается символически.

тими, производящими на слухъ впечатлѣніе, подобное тому, какое самъ предметъ производить на душу; такъ звуки словъ *stehen, st tig, starr* производятъ впечатлѣніе чего-то прочного (*des Festen*), Санскритскій звукъ *li*, таять, разливаться,— жидкаго (*der zerfliessenden*), звуки словъ *nicht, nagen, Neid*—чего-то будто сразу и гладко отрѣзаннаго» (ср. наше «отказать—т. е. сказать нѣть—на отрѣзъ»). Такимъ путемъ предметы, производящіе сходныя впечатлѣнія, получаютъ слова съ преобладающими сходными звуками, какъ *wehen, Wind, Wolke, Wirren, Wunsch*, въ которыхъ звукомъ *W* выражается какое-то зыбкое, беспокойное неясное для чувствъ движеніе (*durcheinander gehende Bewegung*, напр. волненіе облаковъ, которая катится одно за другимъ и одно черезъ другое). Обозначеніе, основанное на извѣстномъ значеніи отдаленныхъ звуковъ и цѣлыхъ ихъ разрядовъ, господствовало, быть можетъ, исключительно, при первобытномъ此刻 созданиіи словъ» (*primitive Wortbezeichnung*) ¹⁾. Изъ всего приведенного мѣста, какъ кажется, можно вывести, что не только первобытный человѣкъ, по мнѣнію Гумбольта, придавалъ звуку объективное значеніе и невольно ставилъ это послѣднее связью между звукомъ и предметомъ, но что и самъ Гумбольтъ раздѣляетъ этотъ взглядъ. Ему мало знать, что слова *st tig, starr* потому имѣютъ въ себѣ звуки *st*, что относятся къ корню *sta*: взятые отдельно отъ своего значенія въ словѣ, звуки эти имѣютъ для него характеръ постоянства, прочности, и уже потому очень приличны понятіямъ, обозначеннымъ упомянутыми словами. Отсюда вытекаетъ два вопроса: правъ ли наблюдатель, имѣющій предъ собою уже созданное слово, если въ самомъ звуку этого слова находить указаніе на обозначаемый имъ предметъ; и если правъ, то могло-ли такое стремленіе искать въ звуку самостоятельного значенія быть одною изъ силъ, необходимыхъ для образования слова?

Что касается до первого, то прежде всего слѣдуетъ признать за фактъ, что во всѣхъ людяхъ болѣе или менѣе

¹⁾ Ueb. die Versch. 80—81

есть наклонность находить общее между впечатлениями различныхъ чувствъ. Вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ существованія такой общечеловѣческой наклонности можетъ служить языкъ, но разумѣется только для того, кто считаетъ всѣ фиぐрныя выраженія (а въ языкѣ, сказать между прочимъ, неѣть непереносныхъ выражений) не за роскошь и прихоть, а за существенную необходимость мысли. Въ славянскихъ языкахъ, какъ и во многихъ другихъ, вполнѣ обыкновенны сближенія воспріятій зрѣлія, осознанія и вкуса, зрѣнія и слуха. Мы говоримъ о жгучихъ вкусахъ, рѣзкихъ звукахъ; въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются сравненія свѣтла и громкаго, яснаго звука. Вѣроятно, тайное влияніе языка навело слѣпорожденнаго на мысль, что красный цветъ, о которомъ ему говорили, долженъ быть похожъ на звукъ трубы. Но и независимо отъ языка возможны подобныя сближенія. «Мы сравниваемъ, говоритъ Лоце, низкий тонъ съ темнотою, а высокий — со свѣтомъ, въ ряду гласныхъ мы видимъ сходство съ гаммою цветовъ, а цвета для иной впечатлительной чувственности повторяютъ свойства вкусовъ. Конечно, большое различие какъ тѣлесной организации, такъ и душевныхъ свойствъ различныхъ недѣлмыхъ дѣлаетъ невозможнымъ общее согласіе во всемъ этомъ; если, быть можетъ, еще для всякаго *a*, относится къ *y*, какъ черный цветъ къ блому, то не всякому *e* представляется похожимъ на желтый, *u* — на красный, *o* — на голубой цветъ; точно такъ не всякий узнаетъ въ красномъ цветѣ — ароматическую сладость, въ голубомъ водянистую кислоту, въ желтомъ металлическій вкусъ. Мы можемъ также согласиться, что, и для каждого порознь сходства, замѣчаемаго между различными ощущеніями, основываются не на сравненіи непосредственного ихъ содержанія, а на ощущеніи (*Gewahrwerden*) болѣе слабаго и скрытаго сходства потрясеній, какія испытываются отъ нихъ общее чувство. Но всѣ эти уступки не измѣняютъ значенія подобного взгляда на чувственныя воспріятія для человѣческаго развитія. Довольно, что въ каждомъ человѣкѣ есть стремленіе къ такимъ сравненіямъ; достига-

ются-ли этими результаты убедительные для всѣхъ, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ для самого сравнивающаго міръ, воспринимаемый его чувствами, превращается въ игру явленій, въ которой отдѣльные образы указываютъ другъ на друга и на идеальное содержаніе, коему всѣ они служить выраженіями, лишь на столько различными по формѣ, что фантазія можетъ почувствовать единство изъ происхожденія. Пусть мы ошибаемся въ этихъ сравненіяхъ, принимая сходство нашего страданія отъ впечатлѣнія за средство собственнаго содержанія этихъ послѣднихъ; но все же слѣдуетъ помнить, что на такой ошибкѣ основана вся чувственность; искони она видѣть въ формахъ нашего внутренняго возбужденія природу виѣшнихъ для насъ предметовъ. Призрачны-ли этаѣтъ взглядъ, или нѣтъ, но онъ есть одна изъ естественныхъ стихій нашей чувственности и имѣетъ неизмѣримое влияніе на все наше міросозерцаніе»¹⁾).

Мы можемъ применить это къ языку и сказать, что вполнѣ законно видѣть сходство между известнымъ члено-раздѣльнымъ звукомъ и видимымъ или осязаемымъ предметомъ, но должны замѣтить, что не слыхали ни обѣ одномъ изъ подобныхъ сравненій, которое-бы имѣло сколько-нибудь научный характеръ: они, какъ кажется, могутъ быть необходимы и убѣдительны только для самого сравнивающаго. Указанная Гумбольтомъ опасность впасть въ произволъ при объясненіи символизма звуковъ, и не прійти къ результатамъ, имѣющимъ сколько-нибудь объективное звначеніе, проходитъ между прочимъ отъ того, что нѣть возможности не пропустить ступеней, соединяющихъ предметъ со звукомъ. Очень шатки будуть наши сравненія равномѣрного тяготѣнія часовой гири съ круговорашеніями стрѣлокъ, если мы упустимъ изъ виду, что тяжесть гири не непосредственно движеть стрѣлку, а посредствомъ многихъ зубчатыхъ колесъ, передающихъ другъ другу и измѣняющихъ сообщенное ею движеніе. Во сколько-же разъ шатче будутъ наши сравненія

¹⁾ Lotze, Mikrokosm. II, 179—181.

звука и предмета, какъ воспріятій душой, природа коей никогда не уяснится намъ до такой степени, какъ устройство механизма?

Впрочемъ допустимъ, что многіе совершенно согласно оцѣниваютъ значеніе звука въ словахъ позднѣйшихъ формаций, подобныхъ тѣмъ, какія Гейзѣ приводитъ въ примѣръ символического обозначенія (напр. klar, hell, trübe, dunkel, dumpf, spitz, mild и пр.)¹⁾. Такое согласіе въ «одухотвореніи» звука фантазію можетъ происходить отъ того, что каждый находится при этомъ подъ влияніемъ дѣйствительного значенія этихъ звуковъ, и судиль-бы иначе, если-бы тѣ-же звуки имѣли другое значеніе. У насъ, въ примѣръ того, какъ языкъ для предметовъ и качествъ грубыхъ бралъ и грубые звуки, приводили когда-то между прочимъ слово *суроый*. Разумѣется, напирави особенно на *r*, отчего слово выходило дѣйствительно живописное, но забывали или не знали, что тоже *r* въ словахъ того-же корня *сырой*, *сыргъ* никому не кажется суровымъ, что самое слово *суроый*, по всей вѣроятности, значило прежде жидкій и тогда не представляло никакого символизма звуковъ²⁾. Судя по такимъ примѣрамъ, можно думать, что звукъ осмысливается не сразу; только по мѣрѣ того, какъ онъ сживается съ извѣстными значеніемъ слова, человѣкъ открываетъ въ немъ необходимость его соединенія съ такою, а не другою мыслью. Точно такъ человѣкъ полагаетъ, что нужно дѣлать все, что потруднѣе, правою, а не лѣвою рукою, потому-что давно уже безсознательно исполняетъ это правило. Все это заставляетъ усомниться въ вѣрности мнѣнія, что непосредственное сходство звука съ чувственнымъ образомъ предмета есть средство соединенія представлений

¹⁾ System der Sprachwiss. 95.

²⁾ Обыкновенно символическое значеніе звука совпадаетъ не со внутреннею формою, а съ тѣмъ значеніемъ слова, которое мы называемъ субъективнымъ. Такъ напр. внутренняя форма слова *милый* — вѣроятно представление мягкости (ono одного корня съ *молотъ*), а символическое значеніе звука въ *милый* — это ощущеніе сходное съ тѣмъ, какое возбуждается въ насъ милымъ предметомъ. Иначе и не можетъ осмыслиться звукъ въ словахъ, въ которыхъ забыта внутренняя форма; но если эта форма помнится, то значеніе звука можетъ быть сходно и съ нею.

звукка и предмета, предшествующее всякому другому, более раннее, чѣмъ ассоціація этихъ представлений¹⁾). Кажется, что символизмъ звука застаетъ готовымъ не только звукъ, но и слово съ его внутреннею формою, и для самаго образования слова быть не нужнъ. Онь могъ быть причиною преобразованія звуковъ въ готовыхъ уже словахъ. Такъ обозначеніе множества и собирательности въ арабскомъ языкѣ посредствомъ вставки длинной гласной, обозначеніе прошедшаго времени и длительности посредствомъ удвоенія въ языкахъ индоевропейскихъ²⁾), могли произойти подъ влияніемъ того-же чутья, которое заставляетъ протягивать гласную въ приставочномъ (напр. хороший), если имъ хотить выразить высокую степень качества.

VIII. Слово, какъ средство апперцепціи.

При созданіи слова, а равно и въ процессѣ рѣчи и пониманія, происходящемъ по однѣмъ законамъ съ созданіемъ, полученное уже впечатлѣніе подвергается новымъ измѣненіямъ, какъ-бы вторично воспринимается, т. е. однимъ словомъ, *апперципируется*. Прежде чѣмъ перейти къ психологическому значенію *слова*, остановимся на значеніи апперцепціи вообще, и начнемъ съ указанія на рядъ ея примѣровъ въ девятой и десятой главахъ 1-й части Мертвыхъ Душъ.

Дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, находя, что покупка Чичиковымъ мертвыхъ душъ выдумана только для прикрытия, и что дѣло въ томъ, что Чичиковъ хочетъ увезти губернаторскую дочку, по своему апперципируетъ, т. е. объясняетъ, понимаетъ представлія Чичикова и мертвыхъ душъ. Когда одна изъ дамъ находить, что губернаторская дочка mannerна нестерпимо, что невидано еще женщины, въ которой бы было столько жеманства, что румянецъ на ней въ пальцахъ тощиною и отваливается, какъ штукатурка кусками;

¹⁾ Lazarus, Das Leb. der Seele, II 99—101.

²⁾ Ueb. die Versch. S3.

когда другая полагаетъ, напротивъ, что губернаторская дочка — статуя и блѣдна, какъ смерть: то обѣ онѣ различно апперципируютъ воспріятія, полученнаго ими въ одно время и первоначально весьма сходныя. Точно такъ, когда инспектору врачебной управы, по поводу Чичикова и мертвыхъ душъ, приходить на мысль больные, умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ, предсѣдателю казенной палаты — неправильно совершенная купчая, и каждому изъ служащихъ лицъ города N — свои служебные грѣхи; когда, наконецъ, почтмейстеръ, не столько подверженный искушеніямъ со стороны просителей, и поэтому сохраняющій душевное равновѣсіе, необходимое для эстетического взгляда на предметъ, по тому же поводу разражается исторію о капитанѣ Копейкинѣ, то все это образцы различной апперципціи приблизительно того же воспріятія. Во всѣхъ этихъ и пмъ подобныхъ примѣрахъ сразу можно различить двѣ стихіи апперципціи: съ одной стороны воспринимаемое и объясняемое, съ другой ту совокупность мыслей и чувствъ, которой подчиняется первое, и посредствомъ коей оно объясняется. Свойство постоянныхъ отношеній между этими стихіями можетъ показать, въ чёмъ сущность апперципціи вообще, и какой роли въ душевной жизни можемъ ожидать отъ слова.

Въ некоторыхъ изъ указанныхъ примѣровъ можно замѣтить отождествленіе объясняемаго и объясняющаго. Напр. послѣ того, какъ Чичиковъ признанъ за губернаторскаго чиновника, присланнаго на слѣдствіе, или въ то время, какъ почтмейстеръ, задавши вопросъ, кто такой Чичиковъ, восклицаетъ: «это господа, сударь мой, никто другой, какъ капитанъ Копейкинъ!» — представления Чичикова и губернаторскаго чиновника, Чичикова и Копейкина слились и до поры уже не различаются душею. Но не въ сліяніи воспріятій или представлений заключается апперципція: во первыхъ, потому что объясненіе одной мысли другою въ этихъ примѣрахъ предшествуетъ ихъ сліянію, и слѣдовательно отлично отъ него, заключаетъ его въ себѣ, какъ подчиненный моментъ; во вторыхъ, потому что сліяніе возможно безъ аппер-

цейщи. Такъ привычный видъ окружающихъ насъ предметовъ не вызываетъ насъ на объясненіе, не приводить въ движение нашей мысли, вовсе нами не замѣчается, а непосредственно сливаются съ прежними нашими восприятіями этихъ предметовъ. Если бы дама, которая везла къ другой только что услышанную новость, занята была приведеніемъ въ порядокъ своихъ мыслей, то она, какъ это часто съ нами случается, смотрѣла бы на знакомые ряды домовъ, и не замѣчала бы ихъ, видѣла бы передъ собою лошадей, и не обратила бы вниманія скоро или медленно онѣ бѣгутъ, потому что новая впечатлѣнія, воспринимаясь душою, безпрепятственно сливалась бы съ прежними. Но разсказъ о новости былъ уже готовъ или, быть можетъ, дама не считала нужнымъ къ нему приготовляться и просто чувствовала не преодолимое побужденіе скорѣе сообщить его. Мысль о томъ, какой эффектъ произведетъ ея новость, требовала осуществленія (точно такъ, какъ мысль о пищѣ въ томъ, кому хочется есть, требуетъ сліянія съ новыми однородными съ нею восприятіями), но новая восприятія не мѣрились съ этой мыслью, и въ препятствіяхъ, какія находили бывшій въ душѣ восприятія къ сліянію со входившими въ нее вновь, заключалась причина, почему эти послѣднія апперционировались, почему дама выразила свое неудовольствие на то, что богадельня тянулась нестерпимо долго, и назвала ее ирокаятымъ строеніемъ, а кучеру сказала, что онъ несносно долго ѓдеть. Такимъ образомъ рядъ извѣстныхъ намъ предметовъ *a'*, *b'*, *c'*, которые исподволь представляются нашему зрѣнію, до тѣхъ поръ могутъ не замѣчаться, пока безпрепятственно сливаются съ прежними представленіями *a*, *b*, *c*; если вмѣсто ожидаемаго представленія *d* появится не соответствующій ему предметъ *d'*, а неизвѣстный намъ *x*, то восприятіе этого послѣдн资料ого встрѣтитъ препятствіе къ сліянію съ прежнимъ и можетъ апперционироваться. Мы можемъ сказать въ такомъ случаѣ: «*a!* это новый домъ» и т. п.

Однако очевидно, что и не въ препятствіи къ сліянію заключается апперцепція. Хотя вполнѣ обыкновенны случаи

апперцепції, состояще только въ одномъ признаніи наличныхъ препятствій къ сліянію двухъ актовъ мысли, случаи, которые могутъ быть выражены общею формулой: это (восприятіе, требующее объясненія) не то (то-есть не тождественно съ тѣмъ, чего мы ожидали) или *a* не есть *b*; но столь же часты и такие случаи, когда препятствие предшествуетъ объясненію и устраняется этимъ послѣднимъ. Такъ въ извѣстномъ сравненіи положенія чиновниковъ города NN, ошеломленныхъ слухами о мертвыхъ душахъ и проч., съ положеніемъ школьнника, которому сонному товарищи засунули въ носъ гусара: «онъ пробуждается, вскакиваетъ.... и не можетъ понять, гдѣ онъ, что съ нимъ», т. е. не можетъ апперципировать новыхъ воспріятій, потому что душа его во время сна занята была другимъ, и массы мыслей, которыхъ должны быть объясняющими, не могутъ воротиться въ сознаніе съ такою быстротою, съ какою душа поражается новыми впечатлѣніями. «Потомъ уже различаетъ опь озаренные косвеннымъ лучемъ солнца стѣны».... и проч., «и уже наконецъ чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусарь». Въ чиновникахъ за такимъ одурѣніемъ слѣдуютъ вопросы («что за притча мертвые души?» и проч.), которые, выражая и здѣсь, какъ и во всѣхъ случаяхъ, требование отчета, т. е. апперцепції, и сами по себѣ суть уже, впрочемъ, неполная апперцепції воспріятій въ словѣ. Спрашивая: «это что такое?» и не имѣя въ мысли ни малѣйшаго указанія на отвѣтъ, мы тѣмъ не менѣе, судя по употребленнымъ нами словамъ, уже апперципируемъ впечатлѣніе какъ предметъ (это что), имѣющій извѣстныя качества (такое). Препятствіе къ сліянію такъ мало составляетъ сущность апперцепції, что напротивъ самая совершенная апперцепція та, которая не встрѣчаетъ препятствій, т. е. напримѣръ, мы лучше всего понимаемъ ту книгу, которая нами легко читается.

Взявши во вниманіе разнообразіе и неосновательность толковъ, возбужденныхъ слухомъ о мертвыхъ душахъ, скопѣ всего можно подумать, что апперцепція состоить въ видоизмѣненіи апперципируемаго. Это будетъ довольно близко

къ истины; но слѣдуетъ помнить, что результатомъ апперцепціи можетъ быть не только заблужденіе, напр. что Чичиковъ есть капитанъ Копейкинъ или Наполеонъ, или что Наполеонъ есть антихристъ, но и истина. Кто вѣрою объясняетъ фактъ, тотъ его не перепиچиваетъ, и если Донъ-Кихотъ, подъ влияниемъ своей восторженной натуры и рыцарскихъ романовъ, апперципируетъ крылья вѣтряныхъ мельницъ, какъ мечи гигантовъ, а стадо овецъ—какъ непріятельское войско, то его оруженосецъ, вслѣдствіе такого же процесса, видитъ только мельницы и барановъ. Самая простая и самая несомнѣнная для насъ истина, которая по-видимому прямо даются чувствами, на дѣлѣ могутъ быть слѣдствіемъ сложнаго процесса апперцепціи. Апперципируемое можетъ быть не совокупностью признаковъ, какъ Чичиковъ, губернаторская дочка, и не словомъ (то и другое возможно только при иѣкоторомъ душевномъ развитіи), а простѣйшимъ чувственнымъ восприятіемъ, или одновременно-даннымъ, почти нераздѣлимымъ рядомъ такихъ восприятій; точно такъ апперципирующее можетъ быть не сложнымъ душевнымъ явленіемъ (какъ въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ—чувство, какое дамы питаютъ къ губернаторской дочкѣ, заставляющее приписывать ей свойства, противоположныя понятію дамъ о красотѣ), а однимъ какимъ-нибудь несложнымъ (по своимъ условіямъ) чувствомъ или немногими актами познавательной способности. Апперцепція—вездѣ, гдѣ данное восприятіе дополняется и *объясняется* наличнымъ, хотя бы самымъ неизначительнымъ запасомъ другихъ. Ребенокъ напр. только посредствомъ апперцепціи узнаетъ, что у него болитъ именно рука. Такое знаніе предполагаетъ уже въ душѣ образъ руки, какъ предмета въ пространствѣ; но этого еще мало: глядя на руку, я еще не знаю, что она именно болитъ, потому что зрѣніе одинаково безстрастно изображаетъ и большое и здоровое мѣсто. Такжѣ недостаточно одного чувства боли, потому что изъ него одного никакъ не выведемъ знанія, что болитъ рука. Непремѣнно нужно, чтобы ощущеніе боли, имѣющее опредѣленное мѣсто независимо отъ нашего

знанія объ этомъ, измѣнялось отъ прикосновенія къ больно-му мѣсту, чтобы къ этимъ впечатлѣніямъ осозанія присоединилось измѣненіе образа болѣаго члена, сообщаемое зрѣніемъ. Это послѣднее измѣненіе произойдетъ непремѣнно, потому что нельзя видѣть того мѣста напр. руки, которое ощущается пальцами, или же и вся рука отъ прикосновенія къ больному мѣсту невольно перемѣнить положеніе. Такимъ образомъ знать, что болитъ рука, значить признавать свой членъ, въ которомъ боль, за одинъ и тотъ же съ тѣмъ, который доставляетъ такія-то впечатлѣнія зрѣнія и осозанія. Ощущеніе боли здѣсь узнается снова и повѣряется, дополняется, объясняется, однимъ словомъ—апперципируется ощущеніями осозанія и зрѣнія¹⁾.

И такъ апперцепція не всегда можетъ быть названа измѣненіемъ объясняемаго; но если это послѣднее имѣть мѣсто, то не должно считаться существеннымъ признакомъ апперцепціи, потому-что есть всегда слѣдствіе слиянія, которое само несущественно. Поэтому удобнѣе опредѣлить апперцепцію болѣе общимъ выраженіемъ: она есть участіе известныхъ массъ представлений въ образованіи новыхъ мыслей²⁾. Послѣднее имѣть существенное значение, потому что всегда результатомъ взаимодѣйствія двухъ стихій апперцепціи является нечто новое, несходное ни съ одною изъ нихъ. Это опредѣленіе должно быть дополнено, потому что не показывается, какія именно массы мыслей должны быть объясняющими.

Въ душѣ бываетъ несколько группъ, изъ коихъ каждая, повидимому, равно могла бы апперцировать данное воспирятіе, а между тѣмъ въ одномъ случаѣ, по поводу одного и того же, приходить въ сознаніе одна, въ другомъ—другая. Нельзя сказать напр., чтобы въ душѣ ученика не было ничего, съ чѣмъ бы могло внутреннимъ образомъ соединиться содержаніе латинскаго или греческаго классика,

¹⁾ Cp. Waitz, Lehrbuch der Psychol. 189.

²⁾ Объ апперцепціи см. Steinthal, zur Sprachphilos. Zeitschr. f. Philos. v. Fichte etc. XXXII, 74—7.

чтобы содержаніе это было для него недоступно, а между тѣмъ опять доказывается, что оно совершенно ускользаетъ отъ вниманія, т. е. не апперципируется, при затрудненіяхъ въ формахъ, при чтеніи съ грамматическою цѣлью. Можно углубляться въ формальные и лексические оттенки языка, запоминать при этомъ по частямъ, напр. цѣлую народную пѣсни, но, имѣя въ памяти всѣ данные, не замѣтить общаго содержанія. Можно, какъ въ баснѣ, за козявками слона не примѣтить. Легко предположить причину такого явленія въ измѣняющейся отъ разныхъ обстоятельствъ силѣ апперципирующихъ массъ. Чѣмъ болѣе я приготовленъ къ чтенію известной книги, къ слушанію известной рѣчи, чѣмъ сильнѣе стало-быть апперципирующіе ряды, тѣмъ легче произойдетъ пониманіе и усвоеніе, тѣмъ быстрѣе совершится апперцепція. Однако чтеніе, требующее известной сосредоточенности будетъ для меня бесполезно, если оно чѣмъ нибудь прерывается, или если сажусь за чтеніе подъ вліяніемъ постороннихъ впечатлѣній, ослабляющихъ дѣйствіе тѣхъ мыслей, которыми должно объясняться то, что я читаю. Еслиъ покупка мертвыхъ душъ не была для чиновниковъ города NN дѣломъ неслыханнымъ, то и недоумѣніе ихъ, при слухѣ о такой «негощі» Чичикова было бы невозможно, и вопросы «что за притча эти мертвые души?» означающіе, что воспріятіе ищетъ, но не находитъ апперцепціи, не имѣли бы мѣста.

«Апперцепція есть участіе *сильнѣйшихъ* представлений въ созданіи новыхъ мыслей»; но въ чемъ именно состоитъ эта сила, условливающая большую или меньшую легкость вліянія представлений на новыя или возобновленныя въ сознаніи воспріятія? Такой вопросъ и предшествующее ему определеніе предполагаетъ выведенное изъ опыта убѣжденіе, что, выражаясь метафорически, все находящееся въ душѣ расположено не на одномъ планѣ, но или выдвинуто впередъ, или остается вдали. Если бы въ известное мгновеніе данное воспріятіе могло быть въ одинаковыхъ отношеніяхъ ко всѣмъ рядамъ представлений (которые слѣдуетъ разматривать какъ

отдельный, но нелишенный взаимной связи единицы), то оно вдругъ апперципировалось бы всѣми этими рядами и, быть-можеть, мысль наша разомъ обнѣла бы иѣсколько различныхъ результатовъ апперцепціи. Тоже было бы, если бы иѣсколько воспріятій, ничѣмъ не связанныхъ между собою и не составляющихъ для насъ одного цѣлого, одновременно апперципировались одною массою представлений. Но на дѣлѣ не такъ: одна изъ дамъ, напр., во время разговора съ другою увѣрена только въ томъ, что румяны обваливаются съ губернаторской дочки, какъ штукатурка; другое заключеніе въ эту минуту для нея невозможно, и, наоборотъ, другое заключеніе, къ которому она могла бы прійти при другихъ обстоятельствахъ, непремѣнно исключило бы это. Вообщѣ, въ каждое мгновеніе жизни все, что есть въ душѣ, распадается на двѣ неравные области; одну обширную, которая намъ неизвѣстна, но не утрачена для насъ, потому что многое изъ нея приходитъ намъ на мысль безъ новыхъ воспріятій извнѣ; другую—извѣстную намъ, находящуюся въ сознаніи, очень ограниченную сравнительно съ первою. Сознаніе—явление, совершенно отличное отъ самосознанія (которое добывается человѣкомъ поздно, тогда какъ сознаніе есть всегдашнее свойство его душевной жизни), опредѣляютъ какъ совокупность актовъ мысли, дѣйствительно совершающихся въ данное мгновеніе¹). Это опредѣленіе предполагаетъ, что все въ душѣ вѣ сознанія не есть дѣйствительная мысль (представление въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова), а только стремленіе къ ней (*ein Streben vorzustellen*); что то мѣняется въ самой мысли въ то время, какъ она входитъ въ сознаніе²); но что именно—врядъ ли можно будетъ ког-

¹⁾ Hebbart's sammelte Werke V, 1, 18: „die Gesamtheit alles gleichzeitigen wirklichen Vorstellens“.

²⁾ Само-собою, что какъ здѣсь, такъ вообще въ психологіи, слова, указывающія на пространственные отношенія явлений, имѣютъ только символическое значение. Сознаніе не есть сцена, на которую всходять представления и где за тѣснотою не могутъ многія вдругъ помѣститься; безсознательность не есть пространство за кулисами, куда удаляются представленія, вытѣсняемыя со сцены. Сознаніе не есть также свѣтъ, то озаряющей по неизвѣстнымъ причинамъ тѣ

да-либо сказать, потому что для определения разницы между двумя явлениями нужно знать оба, а знаем мы только мысль, перешедшую въ сознаніе, сложившую съ себя тѣ свойства, какія она имѣла въ безсознательномъ состояніи. Однако, устранивъ вопросъ о томъ, что была данная мысль до своего появленія въ сознаніи, мы можемъ въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ, искать причины тому, что она чаще другихъ появляется въ сознаніи и легче другихъ апперципируетъ новыя воспріятія.

Степень вліянія однихъ мыслей на другія можетъ, по-видимому, зависѣть или отъ силы сопровождающего ихъ чувства, или отъ ихъ ясности. Разсмотримъ порознь эти условія. Во первыхъ, получаемыя извнѣ чувственныя воспріятія имѣютъ безъ сомнѣнія различныя степени силы, потому что ни одно изъ нихъ не изображаетъ вполнѣ безразлично своего содержанія, но каждое чувствуется нами какъ большее или меньшее потрясеніе нашего существа, соразмѣрное ин-

или другія представлія, то оставляющей ихъ во мракѣ; не есть внутреннее око, столь же отличное отъ того, на что обращено, какъ глазъ нашъ—отъ предмета, на который смотритъ. Сознаніе—не чисто-внешніяя для представлений сила, а ихъ собственное состояніе.

Случается, когда мы заняты чѣмъ-нибудь слышать бой часовъ, не обратить вниманія на число ударовъ и, однако, послѣ вѣрно вспомнить это число; не дослушавъ слова, мы просимъ говорившаго повторить, но до его отвѣта уже успѣли дополнить недослышанное, и не нуждаемся въ повтореніи. Эти и имъ подобныя явленія могутъ навести на мысль, что безсознательныя *впечатлѣнія*, содержащиея въ душѣ хотя и есть въ душѣ, но столь же намъ чуждо, какъ и не дѣйствующіе на насъ предметы *внѣшняго мира*, предшествуютъ сознательнымъ *восприятіямъ*, что сознаніе относится къ безсознательности, какъ дѣйствіе къ страданію. Но въ приведенныхъ примѣрахъ *впечатлѣнія* находятся въ сознаніи съ первого раза: звуки недослышанного слова схватлены вами, но невспомѣнѣ; бой часовъ—тоже, но какъ сумма испытанныхъ нами потрясений, а не какъ число ударовъ, по которому мы узнаемъ время. Апперципія, объясненіе и дополненіе слѣдуютъ здѣсь за первоначальною, но и эта послѣдняя есть уже дѣятельность души, есть уже сознаніе. Какъ физическій атомъ уже дѣйствуетъ въ то время, какъ получаетъ потрясеніе извнѣ, и страданіе его есть уже воздѣйствіе; такъ и извѣстное состояніе души мы можемъ назвать страдательнымъ *впечатлѣніемъ*, если имѣемъ въ виду его *внѣшнюю* причину; но должны считать живымъ воздѣйствіемъ, если вспомнимъ, что та же причина въ другой натурѣ вызвала бы другое состояніе. Такимъ образомъ въ сознаніи и въ безсознательности мы можемъ видѣть и дѣятельность и страданіе, и это, конечно, не говорить намъ, что они такое сами по себѣ.

тенсивности этого содержания. Громкий звукъ и яркій свѣтъ не только даютъ намъ большее содержаніе, чѣмъ тихій звукъ и слабое мерцаніе, но и воспріятіе первыхъ дѣйствуетъ на насъ сильнѣе, чѣмъ воспріятія послѣднихъ. Такимъ образомъ можно сравнивать не только однородныя, но и разнородныя ощущенія (напр. чувство, испытываемое при сильномъ зву-
кѣ, слабѣе того, которое сопровождается воспріятіемъ слабаго свѣта). Очень вѣроятно, что въ душѣ еще впервые подвергненной дѣйствию виѣшнихъ вліяній, не управляемой воспоминаніемъ прежнихъ впечатлѣній,— болѣе сильная ощущенія будутъ вытѣснить слабѣйшія. Каѳь взоръ невольно устремляется на самыя свѣтлыя точки извѣстной поверхности, такъ и вниманіе поглощается ими въ ущербъ болѣе темнымъ. Отсюда можно заключить, что если бы и въ воспоминаніи чувство, сопровождавшее впечатлѣнія, сохранило свою силу, то воспоминаніе сплыўшее въ этомъ смыслѣ апперцинировало бы новыя воспріятія легче, чѣмъ слабѣйшее. Но, говорить Лоце, «въ душѣ, воспитанной опытомъ, встрѣчаемъ уже болѣе сложные явленія. Легкій шорохъ можетъ отвлечь наше вниманіе отъ громкаго шума и вообще вліянія воспоминаемыхъ воспріятій на направление нашей мысли не соразмѣрно силѣ ихъ чувственного содержанія. Степень интереса, который они получаютъ въ нашихъ глазахъ съ теченіемъ жизни, зависитъ уже не отъ нихъ самихъ, а отъ цѣны, какую они имѣютъ для насъ; какъ предзнаменованія другихъ явленій, или указанія на нихъ». «Воспоминаніе, вѣрно передавая качество и интенсивность содержанія прежнихъ впечатлѣній, не повторяетъ въ то же время потрясеній, которыхъ мы отъ нихъ испытывали, а если и повторяетъ, то развѣ такъ, что къ воспроизведенному образу содержанія присоединяетъ другой образъ возбужденного имъ прежде чувства. Раскаты грома въ воспоминаніи, какъ бы ясно ни передавало оно ихъ свойства и силу, не болѣе насъ потрясаютъ, чѣмъ равно ясное воспоминаніе самого слабаго звука; быть можетъ, при этомъ мы вспоминаемъ о сильномъ потрясеніи, причиненномъ намъ громкимъ звукомъ, но самое это воспо-

минаніе дѣйствуетъ на насъ не сильнѣе воспоминанія о слабомъ потрясеніи. Мы помнимъ различный вѣсъ двухъ предметовъ, но воспоминаніе о большой тяжести одного не тяжеле для насъ воспоминанія о меньшей тяжести другаго¹⁾.

Примѣры эти хороши, однако не могутъ убѣдить въ томъ, въ чѣмъ бы должно; рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить другое, доказывающее совершенно противное. Бываетъ достаточно самаго незначительного обстоятельства, чтобы пробудить воспоминаніе о потерѣ любимаго человѣка и неразлучную съ этимъ печаль. Легкость воспоминанія въ этомъ случаѣ мы ставимъ въ зависимость отъ важности потери и силы принесенного ею чувства, и, какъ кажется, не ошибаемся: потеря напр. перчатки скоро забывается, потому что не велика сила произведенаго этимъ неудовольствія. Пословица «пуганная ворона и куста боится» въ переводаѣ на болѣе отвлеченный языкъ значить, что чѣмъ сильнѣе первоначальный испугъ, тѣмъ скорѣе мысль объ опасности апперципируетъ новыя воспирятія. Такъ въ Мертвыхъ Душахъ и тотъ, кто счѣлъ Чичикова за губернаторскаго чиновника, и почтмейстеръ, вѣкоторое время принимавшій его за Копейкина,—оба вѣроятно видали на вѣку ревизіи, но вспомнили ихъ, по поводу Чичикова, только первый между прочимъ потому, что имѣлъ причины ихъ бояться. По этому можно принять силу первоначального чувства за обстоятельство, обусловливающее степень вліянія связанной съ нимъ мысли на другія, но слѣдуетъ сдѣлать оговорку, что это вліяніе чувства можетъ въ свою очередь поддерживаться или разрушаться отношеніями, въ какія стало соединенное съ нимъ содержаніе къ другимъ: Время между горестнымъ для насъ событиемъ и данною минутою можетъ быть различно заполнено: при однихъ условіяхъ это событие продолжаетъ возвращаться въ сознаніе и бросать тѣнь на текущую жизнь, а при другихъ и сопровождавшее его чувство, и само оно забылось, потому что мысль получила другое направленіе.

¹⁾ Lotze, Mikrokosm. I, 222—4.

Если были психические средства спасти разумокъ того, кто помѣшался на неудачно поставленной картѣ, то они состояли въ томъ, чтобы разознить мысли о поразившемъ его событии, привести ихъ въ болѣе благопріятныя отношенія къ другимъ, и удалить отъ сознанія. Такимъ образомъ сила чувства, какъ причина силы аморализующихъ массъ, указываетъ на другую причину, именно—на болѣе или менѣе тѣсную связь между стихіями этихъ массъ.

Во вторыхъ, относительно ясности представлений, намъ кажется вполнѣ убѣдительнымъ слѣдующее мнѣніе Лоце: «полагаютъ обыкновенно, что одно и тоже содержаніе можетъ быть представлено съ безконечно-различными степенами ясности, что, только прохода эти степени и постепенно затемняясь, представленіе исчезаетъ изъ сознанія. Но это—описаніе события, котораго никто никогда не наблюдалъ, потому что вниманіе, съ какимъ мы наблюдаемъ, сдѣлало бы самое это событие невозможнымъ. Уже впослѣдствіи, замѣтивъ, что известного представленія некоторое время не было въ сознаніи, мы отвѣчаемъ себѣ на вопросъ, какъ оно исчезло, этою догадкою о его постепенномъ угасаніи, о которомъ дѣйствительное наблюденіе не говорить намъ ровно ничего. Если припомнить внутреннее состояніе, въ какомъ мы находились, когда известное сильно возбужденное представленіе значительное время было въ нашемъ сознаніи, и затѣмъ, повидимому, исподволь утрачивалось, то пайдемъ, что оно не постепенно затемнялось, а съ рѣзкими перерывами—то появлялось въ сознаніи, то исчезало. Новое впечатлѣніе, содержаніе коего было какъ нибудь связано съ прежнимъ, мгновенно снова приводило его на память; другое впечатлѣніе, поражающее своею новостью, опять его вытѣсняло. Это прежнее представленіе похоже было на плывущее тѣло, которое то мгновенно поглощается волнами, то столь же быстро поднимается. То, что мы называемъ постепеннымъ затемнѣніемъ—частью возрастающіе промежутки между появленіями представленія, частью другая особенность, о которой ниже».

«Если раздѣлимъ представлениа на простыя чувственныя восприятія и на сложные изъ нихъ образы, то не въ состояніи будемъ сказать, въ чёмъ состоится различие силы первыхъ, если не въ различіи содержанія. Звука одной и той же высоты и силы, того же инструмента, мы не можемъ себѣ представить болѣе или менѣе ясно; мы или представляемъ его, или не представляемъ, или наконецъ ошибаемся въ своихъ предположеніяхъ, принимая представление болѣе сильного или слабаго, следовательно другаго звука, за болѣе сильное и слабое представление одного и того же. Точно такъ одного и того же оттѣшка цвета при одномъ освѣщеніи мы не можемъ представить съ большею или меньшою ясностью; но, конечно, если этаоть оттѣшки указаны намъ словомъ или описаніемъ, мы можемъ колебаться въ выборѣ между воспоминаніями нѣсколькихъ сродныхъ цветовъ, не зная, какой именно изъ нихъ нуженъ. Тогда объясняемъ мы такое состояніе тѣмъ, что у насъ есть представление, но только не ясное, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ мы его не имѣемъ и только выискиваемъ изъ нѣсколькихъ, вмѣстѣ съ числомъ коихъ растетъ наша неувѣренность и минимая неясность представлениія».

Еще невѣроятнѣе, чтобы сложные образы исподволь блѣдали, удерживая всѣ свои черты; напротивъ, они затемняются только разлагаясь и разрушаясь.

Въ воспоминаніи забываются извѣстныя, менѣе замѣченныя части видѣннаго предмета и ихъ связь съ другими; при попыткѣ возстановить въ памяти этотъ образъ, мы въ недоумѣніи колеблемся между различными возможностями заполнить происшедшіе такимъ путемъ пробѣлы, и связать частности, еще ясно представляемыя нами порознь. Такимъ образомъ появляется минимая неясность представлений, которая увеличивается въ прямомъ отношеніи къ обширности поля, предоставленнаго нашей дополняющей фантазіи. Напротивъ, вполнѣ ясны представления, коихъ части мыслимы всѣ и притомъ съ полной опредѣленностью взаимныхъ отношеній, и эта ясность сама по себѣ не можетъ ни увели-

чиваться, ни уменьшаться. Нерѣдко намъ кажется, что можетъ увеличиться интенсивность представлениія, содержаніе коего давно намъ вполнѣ извѣстно, но на дѣлѣ въ такихъ случаяхъ пополняется самое это содержаніе. Какъ затемняется оно отъ пробѣловъ, уменьшающихъ его, такъ, повидимому, уясняется, если, сверхъ его самого, входятъ въ сочиненіе еще разнообразныя отношенія, со всѣхъ сторонъ связывающія его съ другимъ содержаніемъ. Нельзя болѣе или менѣе представлять кругъ или треугольникъ: мы или имѣемъ ихъ вѣрный образъ или не имѣемъ; тѣмъ не менѣе они становятся яснѣе, когда съ увеличеніемъ нашихъ геометрическихъ познаній, вмѣстѣ съ этими фигурами припоминаются и ихъ многочисленныя и важныя отношенія. Въ этомъ смыслѣ мы допускаемъ различіе въ степеняхъ ясности. По этому то, что прежде живо намъ представлялось, становится для насъ менѣе яснымъ тогда, когда, почему бы ни было, перестаетъ приходить намъ на память все то, съ чѣмъ было связано въ минуты своей наибольшей живости, на связи съ чѣмъ въ сознаніи основана была самая эта живость¹⁾. «Ясность представлений (и степень ихъ вліянія на другія) состоить не въ большей или меньшей интенсивности нашего знанія, а въ эстетическій полнотѣ ихъ содержанія, въ измѣнчивомъ богатствѣ постороннихъ стихій, соединенныхыхъ съ этимъ содержаніемъ».

Нельзя не согласиться и съ точки зреінія послѣдователей Гербарта, что распаденіе самая очевидная для насъ причина помраченія сложныхъ представлений, и наоборотъ, ихъ полнота и обширность связей съ другими — причина не только ихъ ясности, но и большаго или меньшаго вліянія на другія. Столь же несомнѣнно, что постепенное ослабленіе въ воспоминаніи простаго чувственного восприятія, подобное затиханію звука и ослабленію цвета, не есть фактъ, сообщаемый намъ самонаблюденіемъ. Ослабивший звукъ той же высоты есть для насъ уже другое представлениe. Но, не

¹⁾ Lotze, Mikr. I, 224—227.

ошибаемся ли мы въ этомъ, слѣдуетъ ли, согласно съ Дробищемъ, принять ослабленіе интенсивности представленія, какъ дѣятельности души, независимое отъ измѣненія самаго ихъ содержанія, или же отвергнуть его вмѣстѣ съ Лоце — это для насъ менѣе важно. Довольно, что сила вліянія представлений на другія соразмѣрна ихъ ясности въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ Лоце.

Здѣсь къ опредѣленію апперцепціи, какъ участія сильнѣйшихъ массъ въ образованіи новыхъ мыслей, можемъ уже прибавить, что сила апперципирующихъ массъ тождественна съ ихъ организованностью. Отъ степени этой послѣдней зависитъ и большая широта сознанія, ограниченность коего мы приняли за исходное положеніе при определеніи силы объясняющихъ мыслей.

Говоря о предѣлахъ сознанія, кстати замѣтимъ два случая. 1) При непосредственномъ воспріятіи чувственныхъ впечатлѣній сознаніе ограничено только свойствами вѣнѣній возбужденій и самихъ органовъ. Мы не воспринимаемъ въ одно время иѣсколькоихъ вкусовъ или запаховъ не потому, что различныя впечатлѣнія смѣшиваются въ душѣ, а потому, что душа получаетъ уже извѣѣ, такъ сказать, одинъ ихъ итогъ. Но посредствомъ зрѣнія мы получаемъ, разомъ и не смѣшивая, впечатлѣнія столькихъ цвѣтныхъ точекъ, сколько ихъ заключается въ пространствѣ, какое отразилось въ зрачкѣ, почти тоже посредствомъ осязанія. Въ одно мгновеніе отъ всѣхъ чувствъ разомъ мы можемъ получать многія впечатлѣнія, которыхъ всѣ могутъ находиться въ сознаніи, потому что хотя мы не въ состояніи дать себѣ въ нихъ отчета въ самое время воспріятія, но можемъ ихъ припомнить впослѣдствіи.

2) Ограниченность сознанія, независимая отъ вѣнѣній причинъ, гораздо яснѣе обнаруживается при воспоминаніи уже воспринятаго. «Кажется, говорить Лоце, будто только напоръ впечатлѣній вѣнѣнія мѣра насилино расширяетъ сознаніе, и что, предоставленное самому себѣ, оно такъ суживается, что, повидимому, представляетъ разнообразное не

одновременнымъ, а только послѣдовательнымъ во времени¹⁾». Въ такомъ видѣ фактъ не представляетъ сомнѣй, но при ближайшемъ его разсмотрѣніи мнѣнія расходятся. Лоце полагаетъ, что «хотя было бы очень трудно решить непосредственнымъ наблюденіемъ, точно ли могутъ иѣсколько представленій въ одно время находиться въ сознаніи, или же это только призракъ, происходящій отъ быстроты ихъ смѣны; но фактъ, что вообще мы можемъ сравнивать, заставляетъ насъ принять возможность одновременности. Кто сравниваетъ, тотъ не переходитъ только отъ мысли объ одномъ изъ членовъ сравненія къ мысли о другомъ; чтобы совершилъ сравненіе, онъ долженъ совмѣстить въ одномъ недѣлимомъ сознаніи оба эти члена, и вмѣстѣ — форму своего перехода отъ одного къ другому. Когда хотимъ сообщить другому известное сравненіе, то свойствами языка мы приуждены произносить одно за другимъ имена двухъ членовъ сравненія и обозначеніе отношенія между ними. Въ этомъ принципа заблужденія, будто и въ самомъ сообщаемомъ сравненіи есть такая послѣдовательность; но, произнося одно за другимъ, мы разочаровываемъ на то, что въ сознаніи слушающаго наша рѣчь произведетъ не три раздѣльные представлениія, а одно представленіе отношенія между двумя другими. Хотя мы привыкли и безмолвному течению нашей мысли придавать форму рѣчи, но очевидно и здѣсь послѣдовательность во времени, въ какой вяжутся между собой слова для нашихъ представлений, есть только изображеніе отношеній, уже прежде замѣченныхъ нами между ихъ содержаніями; эта привычка ко внутренней рѣчи собственно замедляетъ ходъ мысли, разлагая въ послѣдовательный рядъ то, что первоначально было одновременнымъ».

«Эти дѣйствія познанія, ручаясь намъ за одновременность многихъ представлений, вмѣстѣ съ этимъ указываютъ на ея условія. Сознаніе не имѣть места только для безсвязной множественности; оно не тѣсно для разнообразія,

¹⁾ Lotze, ib.

члены коего раздѣлены для насть извѣстными отношеніями, приведены въ порядокъ и связаны. Намъ не удается представить разомъ два впечатлѣнія безъ взаимнаго ихъ отношенія; сознанію нужно представление своего пути отъ одного къ другому; ему легче, при помощи этого представления перехода, охватить большее множество, чѣмъ меньшее—безъ него. Поэтому способность сознанія обнимать многое усовершена. Одновременные звуки музыки всякому представляются такими, но врядъ ли ихъ вспомнить тотъ, для кого они были безсвязнымъ множествомъ; музикально же образованному уху они съ первого разу представляются обильнымъ отношеніями цѣлымъ, коего внутренняя организація приготовлена предшествующимъ теченіемъ мелодіи. Всякій пространственный образъ прочнѣе удерживается въ памяти, если мы въ состояніи разложить его наглядное впечатлѣніе въ описание. Говоря, что извѣстная часть зданія покоятся на другой, поддерживается третьей, склоняется подъ такимъ то угломъ къ четвертой, мы прежде всего увеличиваемъ число представлений, которыя намъ садѣутъ удержать въ памяти; но въ такомъ словесномъ выраженіи посредствомъ предложенийъ, одновременность частей превращается въ рядъ ихъ взаимодѣйствій, которыя явственнѣе ихъ связываются, чѣмъ нераздѣльный чувственный образъ. Чѣмъ выше развитіе духа, чѣмъ тоньше отношенія, которыми онъ связывается между собою отдельныя мысли, тѣмъ болѣе расширяется сознаніе даже для такихъ представлений, которыя связаны между собою уже не пространствомъ или временемъ, а внутреннею зависимостью»¹⁾.

Лоце основывается во всемъ этомъ на вѣрной мысли, что одна смѣна представлений въ сознаніи, какъ бы она ни была быстра, не въ состояніи объяснить возможности схватить ихъ отношенія. Если въ то время, какъ въ сознаніи есть *a*, въ немъ совсѣмъ не можетъ находиться *b*, то, во

¹⁾ Lotze, Mikrok. I, 232—3.

первыхъ, кромѣ виѣшнихъ возбужденій, не будетъ никакихъ основаній для перехода отъ a къ b , во вторыхъ отношеніе $a=b$ состояться не можетъ. Но онъ представилъ одну только сторону явленія, тогда какъ въ немъ двѣ, повидимому исключающія другъ друга. Чтобы понимать конецъ книги, въ которой послѣдующее вытекаетъ изъ предыдущаго, мы должны совмѣстить въ сознаніи все предшествующее; а между тѣмъ не трудно замѣтить, что по мѣрѣ, какъ при чтеніи мы подвигаемся впередъ, все прочтенное ускользаетъ изъ нашего сознанія. Геометрическая теорема виѣ связи съ предыдущимъ не имѣть для насъ смыслу, а между тѣмъ никто не скажетъ, чтобы, понимая ее, онъ въ то же время представлялъ себѣ всѣ предшествующія. Даже больше: въ сознаніи не отразится какъ одновременный пространственный образъ самый немногосложный рядъ заключеній, направленныхъ къ извѣстному намъ выводу, и это есть свойство не языка, безъ которого въ подобныхъ случаяхъ обойтись трудно, но возможно. Хотя сознаніе и не совмѣщаетъ въ себѣ одновременно не только многихъ, но даже двухъ членовъ сравненія, но членъ сравненія, находящійся виѣ его предѣловъ, обнаруживаетъ замѣтное вліяніе на тотъ, который въ сознаніи. Въ ту минуту, какъ произносимъ послѣднее слово предложения, мы мыслимъ непосредственно только содержаніе этого слова; однако это содержаніе указываетъ намъ на то, къ чему оно относится, изъ чего оно вытекло, т. е. прежде всего—на другія, предшествующія слова того же предложения, потомъ—на смыслъ периода, главы, книги. Легче всего намъ припомнить, почему было сказано только-что произнесенное слово; нѣсколько болѣе напряженія требуетъ попытка найти его мѣсто въ цѣломъ ряду мыслей, напр. нужно перечесть periodъ, чтобы понять, что значитъ встрѣченное подъ конецъ его мѣстоименіе и т. д. Можно понимать это такъ, что хотя нѣть степеней ясности представлений, находящихся въ сознаніи, но за «порогомъ сознанія» одни представленія имѣютъ болѣе замѣтное вліяніе на сознаваемое, другія меныше; первыя легче возвращаются въ

сознаніе, вторыя—труднѣе¹⁾), и наконецъ то, что ничѣмъ не связано съ мыслью, занимающею насъ въ эту минуту, вовсе не можетъ прійти на умъ въ слѣдующую, если вѣшнія впечатлѣнія не прервутъ теченія мысли и не дадутъ ему нового направления. Каждый членъ мыслишаго ряда представлений вмѣстѣ съ собою вноситъ въ сознаніе результатъ всѣхъ предшествующихъ, и тѣмъ многозначительнѣе для насъ этотъ результатъ, чѣмъ многостороннѣе связи между предшествующими членами. Такъ общий выводъ разсужденія или опредѣленіе обсуживаемаго предмета, которое должно въ немногихъ, полновѣсныхъ словахъ повторить намъ все предшествующее, достигнеть своей цѣли, будеть понятно только тогда, когда это предшествующее уже организовано нашою мыслею; иначе—опредѣленіе будеть имѣть только близайшій грамматической смыслъ.

И такъ, примемъ ли мы вмѣстѣ съ Лоце, что сознаніе обнимаетъ рядъ мыслей, какъ нѣчто одновременное, подобно глазу, который разомъ видитъ множество цветныхъ точекъ, или же—что сознаніе только переходитъ отъ одной мысли къ другой, но непонятнымъ образомъ видоизмѣняетъ эту послѣднюю и совмѣщаетъ въ ней все предшествующее: во всякомъ случаѣ *расширеніе* его, какъ-бы ни понимать это слово, зависитъ отъ той же причины, отъ которой и сила апнерцирующихъ массъ, именно отъ близости отношеній между стихіями этихъ массъ и отъ количества сальныхъ стихій.

Основные законы образованія рядовъ представлений—это *ассоціація* и *сліяніе*. Ассоціація состоитъ въ томъ, что разнородныя воспріятія, давныя одновременно, или вслѣдъ за другимъ, не уничтожаютъ взаимно своей самостоятельности, подобно двумъ химически сроднымъ тѣламъ, образующимъ изъ себя третью, а, оставаясь сами-собою,

1) Штейнталъ (Assimil. und Attraction. Zeitschrif. f. Völkerpsych. B. I, 107—117) называетъ состояніе представлений несознаваемыхъ, но готовыхъ перейти въ сознаніе, дрожаніемъ (Schwingende Vorstellungen).

слагаются въ одно цѣлое. Два цвѣта, данные вмѣстѣ нѣсколько разъ, не смѣшиваясь между собою, могутъ соединяться такъ, что мы одного представить себѣ не можемъ, не представляя другаго. Слияніе, какъ показываетъ самое слово, происходитъ тогда, когда два различныя представленія принимаются сознаніемъ за одно и то же, напр. когда намъ кажется, что мы видимъ знакомый уже предметъ, между тѣмъ, какъ передъ нами совсѣмъ другой. Новое воспріятіе, сливаясь съ прежнимъ, непремѣнно или вводить его въ сознаніе или, по крайней мѣрѣ, приводить въ непонятное для настѣ состояніе, которое назовемъ движеніемъ; но такъ какъ это прежнее воспріятіе было дано вмѣстѣ, или вообще находилось въ извѣстной связи съ другими, то входятъ въ сознаніе и эти другія. Такъ посредствомъ слиянія образуется связь между такими представленіями, которыя первона-чально не были соединены ни одновременностю, ни послѣдовательностью своего появления въ душѣ. Вмѣстѣ съ такимъ сродствомъ, вызывающимъ въ сознаніе иѣкоторыя изъ прежнихъ представлений, дано средство удалять другія: если новое воспріятіе *B* имѣеть наиболѣе общихъ точекъ не съ *B*, которое въ эту минуту находится въ сознаніи, а съ однимъ изъ прежнихъ воспріятій именно съ *A*, то *B* будеть вытѣснено изъ мысли, посредствомъ привлекаемаго въ нее *A*. *A* и *B* находятся въ связи, первое съ Г, Д, Е, второе съ Ж, З, И—и могутъ считаться началами рядовъ, которые черезъ нихъ и сами входятъ въ сознаніе; мысль, слѣдя тому направлению, началомъ коему служитъ *A*, устраиваетъ другое направление *B*, но сродство *B* съ *A*, а не съ *B* не есть разъ навсегда опредѣлимая непрѣнная величина: оно измѣнчиво, какъ чувство, сопровождающее и измѣняюще колорить воспріятія, и въ свою очередь зависимое отъ неуловимыхъ перемѣнъ въ содержаніи этого послѣдняго.

Не останавливаясь на темныхъ сторонахъ этихъ про-стѣйшихъ душевныхъ явлений, ограничимся несомнѣннымъ положеніемъ, что въ апперцепціи воспринимаемое вновь и объясняемое должно извѣстнымъ образомъ соприкасаться съ

объясняющимъ, безъ чего будетъ невозможенъ результатъ, составляющій пріобрѣтеніе души, въ которой происходитъ пониманіе. Говоря или только чувствуя, что мы, положимъ, издали узпали своего знакомаго по росту, по походкѣ, по платью, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что между новымъ апперцепируемымъ образомъ этого знакомаго и прежними апперцепирующими есть общія черты—именно: ростъ, походка, платье. Эти общія черты можно назвать *средствомъ апперцепціи*, потому что безъ нихъ не было бы никакого объясненія воспріятія. Нѣсколько примѣровъ апперцепціи съ довольно замѣтною этой третьею стихіею можно найти въ разсужденіяхъ по поводу списка душъ, накупленныхъ Чичиковымъ: «Максимъ Телятниковъ, сапожникъ. Хе, сапожникъ! Пьянь, какъ сапожникъ, говорить пословица», и за тѣмъ типическая исторія конкуренціи русскаго сапожника съ Нѣмцемъ, которою объясняется представлениe Телятникова. Средствомъ при этомъ служить частью то, что объясняемая фамилія намекаетъ на опоецъ, частью данное всѣдѣ за нею представлениe сапожника. При имени Попова, дворового человѣка, вспоминается бесѣда безпашпортнаго съ капитаномъ-исправникомъ и инвалидами, и странствованія изъ тюрьмы въ тюрьму; средствомъ апперцепціи здѣсь можетъ быть фамилія, нѣсколько указывающая на грамотность, а вѣриѣ—представлениe дворового человѣка и бѣлага. Процессъ пониманія не перемѣнится, если на мѣсто объясняющихъ разсказать, такихъ же конкретныхъ и индивидуальныхъ, какъ объясняемое, и только указывающихъ на общее признаки извѣстнаго круга явлений, поставимъ отвлеченнное, общее понятіе. Всѣ обобщенія, какъ напр. «это—столъ», «столъ есть мебель», основаны на сравненіи двухъ мысленныхъ единицъ различнаго объема, сравненіи, которое предполагается, что нѣкоторое количество признаковъ обобщаемаго частнаго остается и въ общемъ. Не труднѣе найти средство апперцепціи въ собственныхъ сравненіяхъ, если они сразу намъ понятны: «мѣрская молва—морская волна», потому-что и молва и волна непостоянны; «желтый цвѣтъ—

женскій привѣтъ: какъ цвѣтъ отцвѣтеть, привѣтъ пропадетъ» и т. п. Третье, общее между двумя членами сравненія (*tertium comparationis*), есть и средство апперцепціи¹⁾.

Въ народной поэзіи много сравненій, которыя кажутся только повтореніемъ того самаго, что въ простѣйшемъ видѣ происходитъ при обыкновенномъ обозначеніи воспріятія однимъ словомъ. Такъ напр. рядомъ съ сравненіемъ жизни больнаго или несчастнаго человѣка съ медленнымъ и пасмурнымъ горѣніемъ (въ выраженіи «не горитъ, а тлѣтъ») можно поставить областное *модильть*, о дровахъ: тлѣть, худогорѣть; о человѣкѣ: хирѣть, болѣть. Предположимъ, что второе значеніе пеявилось позже первого. Сначала это второе значеніе существовало въ душѣ, хотя быть можетъ въ теченіе самого неуловимаго мгновенія, только какъ воспріятіе, которое такъ относится къ своему позднѣйшему виду, какъ содержаніе сознанія человѣка, разбужденнаго новыми впечатлѣніями и еще безсильного дать себѣ отчетъ въ томъ, что его окружаетъ, и тѣми же впечатлѣніями уже покореннымъ и переработаннымъ мыслю. Человѣкъ еще не зналъ, что ему дѣлать съ поразившимъ его воспріятіемъ болѣзни; потомъ *объяснилъ* себѣ это воспріятіе, т. е. апперципировалъ его уже сложенными въ одно цѣлое воспріятіями огня. Между болѣзнью и огнемъ было для него иѣчто общее (иначе не было бы апперцепціи), и это общее выразилось словомъ *модильть*, которое тѣмъ самымъ стало средствомъ апперцепціи. Быть посредникомъ между двумя столь разнородными группами воспріятій, какъ огонь и болѣзнь, слово можетъ только потому, что его собственное содержаніе, его внутренняя форма обнимаетъ не всѣ признаки горѣнія, а только одинъ изъ нихъ, встрѣчаемый и въ болѣзни. Разумѣется, что внутренняя форма словъ служить третьею общую между двумя сравниваемыми величинами и тогда, когда апперцируемое, обозначаемое словомъ, однородно съ апперции-

¹⁾ Steinhthal, Zur Sprachphilos. Zeitschr. f. Philos. v. Fichte etc. XXXII, 93—5.

рующимъ, т. е. когда напр. слову *модътъ* придавалось не новое ему значение болѣзненнаго состоянія, а называлось имъ новое, во многомъ отличное отъ прежнихъ, воспріятіе горѣнія.

Слово, взятое въ цѣломъ, какъ совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящаго, апперципировать содержаніе его мысли. Членораздѣльный звукъ, издаваемый говорящимъ, воспринимаясь слушающимъ, пробуждается въ немъ воспоминаніе его собственныхъ такихъ же звуковъ, а это воспоминаніе посредствомъ внутренней формы вызываетъ въ сознаніе мысль о самомъ предметѣ. Очевидно, что если бы звукъ говорящаго не воспроизвелъ воспоминанія объ одномъ изъ звуковъ, бывшихъ уже въ сознаніи слушающаго, и принадлежащихъ ему самому, то и пониманіе было бы невозможно. Но для такого воспроизведенія нужно не полное, а только частное сляніе нового воспріятія съ прежнимъ. При единствѣ человѣческой природы нѣкоторое различіе въ рефлексивныхъ звукахъ, издаваемыхъ разными недѣлимыми, не могло мѣшать созданию слова, точно такъ, какъ и теперь разнообразные оттѣнки въ произношеніи отдѣльного слова, переданного намъ прежними вѣками, не мѣшаютъ пониманію. Такъ какъ чувство вообще обусловливается совокупностью личныхъ свойствъ человѣка, то и различіе внутренней формы ономато-поэтическаго слова должно быть признано a priori; но и оно, подобно разнообразію звуковъ, не переходя известныхъ предѣловъ, не обнаруживаясь замѣтнымъ образомъ въ разницахъ звуковъ, не существуетъ для сознанія и не мѣшаетъ пониманію. Такъ и на послѣдующихъ степеняхъ развитія языка: мы понимаемъ сказанное другимъ слово *сильный*, т. е. признаемъ тождество внутренней формы этого слова въ насть самихъ и въ говорящемъ, потому что и мы, обыкновенно безсознательно, относимъ его къ слову *сила*.

Что касается до самого субъективнаго содержанія мысли говорящаго и мысли понимающаго, то эти содержанія до

такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явныхъ недоразумѣніяхъ (напр. въ сказкѣ о набитомъ дуракѣ¹⁾), гдѣ дуракъ придается общий смыслъ совѣтамъ матери, которые годятся только для частныхъ случаевъ), но легко можетъ быть сознано и при такъ называемомъ полномъ пониманіи. Мысли говорящаго и понимающаго сходятся между собою только въ словѣ. Графически это можно бы выразить двумя треугольниками, въ которыхъ углы В., А, С и Д, А, Е, имѣющіе общую вершину А и образуемые пересѣченіемъ двухъ линій В, Е и С, Д, необходимо равны другъ другу, но все остальное можетъ быть безконечно разнообразно. Говоря словами Гумбольта, «ни кто не думаетъ при извѣстномъ словѣ именно того, что другой», и это будетъ понятно, если сообразимъ, что даже тогда, когда непониманіе повидимому невозможно, когда напр. оба собесѣдника видятъ передъ собою предметъ, о которомъ рѣчъ, что даже тогда каждый въ буквальномъ смыслѣ смотрѣтъ на предметъ съ своей точки зрѣнія, и видѣть его своими глазами. Полученное этимъ путемъ различие въ чувственныхъ образахъ предмета, зависящее отъ видахъ условій (различія точекъ зрѣнія и устройства организма) увеличивается въ сильнѣйшей степени отъ того, что новый образъ въ каждой душѣ застаетъ другое сочетаніе прежнихъ воспріятій, другія чувства, и въ каждой образуетъ другія комбинаціи²⁾. Поэтому всякое пониманіе есть вмѣстѣ непониманіе, всякое согласіе въ мысляхъ—вмѣстѣ несогласіе³⁾.

«Сообщеніе мысли» есть реченіе, которое всякий, если не сдѣлаетъ некотораго усилия надъ собою, пойметъ не въ переносномъ, а въ собственномъ смыслѣ. Кажется, будто мысль въ рѣчи переходить вполнѣ или отчасти къ слушаю-

¹⁾ Асан. Нар. Р. Ск. II, 17. Мать совѣтуетъ дураку говорить тѣмъ, которые несутъ мертваго: „канувъ да ладонь“, а дуракъ такимъ образомъ привѣтствуетъ и свадьбу.

²⁾ Въ малорусской сказкѣ про Ивана Голика однѣ изъ двухъ братьевъ хотѣть изъ трехъ дубовъ срубить комору, а другой изъ тѣхъ же деревъ сдѣлать висѣлицу.

³⁾ Humb. Ueb. die Versch. 66.

щему, хотя отъ этого не убавляется умственной собственности говорящаго, какъ пламя горящей свѣчи не уменьшится отъ того, что она, повидимому, дѣлится имъ съ сотней другихъ. Но какъ въ дѣйствительности пламя свѣчи не дробится, потому что въ каждой изъ зажигаемыхъ свѣчей воспламеняются свои газы, такъ и рѣчь только возбуждаетъ умственную дѣятельность понимающаго, который, понимая, мыслить своею собственою мыслию. «Люди, говоритъ Гумбольдъ, понимаютъ другъ друга не такимъ образомъ, что дѣйствительно передаются одинъ другому знаки предметовъ» (въ родѣ тѣхъ, посредствомъ которыхъ велись бесѣды въ иѣномъ царствѣ, которое было посѣщено Гулливеромъ) «и не тѣмъ, что взаимно заставляютъ себя производить одно и то же понятіе, а тѣмъ, что затрагиваютъ другъ въ другѣ тоже звено цѣпи чувственныхъ представлений и понятій, прикасаются къ тому же клавишѣ своего духовнаго инструментя, вслѣдствіе чего въ каждомъ возстаютъ соотвѣтствующія, но не тѣ же понятія¹⁾».

Человѣкъ невольно и безсознательно создаетъ себѣ орудія пониманія, именно членораздѣльный звукъ и его внутреннюю форму, на первый взглядъ непостижимо простыя сравнительно съ важностью того, что посредствомъ ихъ достигается. Правда, что содержаніе, воспринимаемое посредствомъ слова, есть только мнемоническая величина, что думать при словѣ именно то, что другой, значило бы перестать быть собою и быть этимъ другимъ, что поэтому пониманіе другаго, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно берется это слово, есть такая же иллюзія, какъ та, будто мы видимъ, осозаемъ и проч. самые предметы, а не свои впечатлѣнія; но, нужно прибавить, это величественная иллюзія, на которой строится вся наша внутренняя жизнь. Чужая душа дѣйствительно для насъ потемки, но много значитъ уже одно то, что, при пониманіи, къ движенію нашихъ собственныхъ представлений примѣшивается мысль, что мыс-

¹⁾ Humb. Ueb. die Versch. 201—2. Сравни также ib. 208—10.

лимое нами содержаніе принадлежитъ вмѣстѣ и другому. Въ словѣ человѣкѣ находитъ новый для себя міръ, не виѣшній и чуждый его душѣ, а уже переработанный и ассимилированный душею другаго, «открываетъ существо съ такими же потребностями, и потому способное раздѣлять чувствуемыя имъ темныя стремленія¹⁾». Къ возбужденіямъ мысли, какая уединенній человѣкѣ получаетъ отъ виѣшней природы, въ обществѣ присоединяется новое, ближайшимъ образомъ сродное съ его собственною природою, именно слово. Несомнѣнно, что келейная работа мысли есть явленіе позднѣйшее, предполагающее въ душѣ значительный запасъ опыта; она и теперь была бы невозможна безъ развитія письменности, замѣняющей бесѣду. Безъ книгъ и безъ людей едва ли кто и теперь быль бы способенъ къ сколько-нибудь продолжительнымъ и плодотворнымъ усиленіямъ ума; безъ размѣна словъ человѣкѣ, при всевозможныхъ виѣшнихъ возбужденіяхъ нравственно засыпаетъ, «не горить, а тлѣсть», какъ пасмурно и печально тлѣющая головня. Если, наоборотъ, въ спорахъ и вообще въ одушевленномъ разговорѣ, рѣчь течеть свободнѣе и пріобрѣтаетъ стилистической достоинства, незамѣтныя при уединенной мысли, которая есть также рѣчь, но только сокровенная; то это зависитъ отъ внутреннихъ достоинствъ мысли, вызываемыхъ словомъ, отъ совершенствъ апперцепціи, отъ порождаемаго словомъ убѣжденія, что сказанное нами будетъ понято и заслужить сочувствіе.

Здѣсь можно ожидать вопроса, что именно даетъ слову силу производить пониманіе, и почему слово въ этомъ отношеніи незамѣтно ни какимъ другимъ средствомъ? Въ душѣ животнаго и человѣка и безъ слова существуютъ прочныя ассоціаціи прежнихъ воспірятій, мгновенно вызываемыя въ сознаніе новыми впечатлѣніями, подобными прежнимъ, и возвратомъ своимъ производящія извѣстныя дѣйствія. Если, напр., лошадь трогается съ мѣста и останавливается по

¹⁾ Humb. ib. 30.

слову человѣка, то не обнаруживаетъ ли она этимъ пониманія? Въ ней возстаютъ образы, согласные съ природою ея души, но соотвѣтствующіе душевнымъ движеніямъ человѣка, однако она не знаетъ результатовъ того, что въ ней происходитъ. При такихъ условіяхъ и между людьми не будетъ пониманія. Представимъ себѣ, что страхъ, поразившій человѣка, производить на его лицѣ столь сильную и выразительную игру мускуловъ, что невольно овладѣваетъ всѣми присутствующими. Очевидно, что здѣсь такъ же мало пониманія, свободной дѣятельности мысли, какъ и въ панической зѣвотѣ, возбужденной однимъ изъ собесѣдниковъ. Между-тѣмъ, такая зѣвота тоже посредствуется чувственными воспріятіями, извѣстнымъ состояніемъ души, а потому имѣть и психическое значеніе. Но стоитъ кому нибудь сказать «страшно!» или «скучно!» и явится пониманіе, т. е. говорящій замѣтить свое состояніе, измѣнить его извѣстнымъ образомъ, подчинивши дѣятельности своей мысли. Пониманіе другаго произойдетъ отъ пониманія самого себя. Это послѣднее сравнительно съ непосредственнымъ чувствомъ или восприятіемъ есть уже сложное явленіе, которое дѣлается возможнымъ только при помощи виѣшнихъ средствъ. Мысль и сопровождающее ее чувство обнаруживается частью въ звукахъ, частию въ другихъ движеніяхъ, напр. въ измѣненіяхъ физіономіи и т. п. Языкъ движений, какъ средство самонаබлюденія, не имѣть большаго значенія. *Во первыхъ*, способность наблюдать за собственными движеніями добывается человѣкомъ поздно и есть уже слѣдствіе значительного развитія посредствомъ языка: въ большей части слу чаевъ движенія, произведенныя, чувствомъ, исчезаютъ безъ видимаго слѣда, потому что нельзѧ же находиться подъ вліяніемъ сильного чувства, и наблюдать въ зеркалѣ игру своей физіономіи. Звукъ гораздо болѣе способенъ удовлетворить потребности человѣка имѣть виѣ себѣ и предъ собою указаніе на душевныя событія. Безъ всякаго намѣренія съ своей стороны человѣкъ замѣчаетъ звуки своего голоса; его внутренняя дѣятельность, прокладывая себѣ путь черезъ

уста и возвращаясь въ душу посредствомъ слуха, получаетъ дѣйствительную объективность, не лишаясь въ то же время своей субъективности¹⁾). Чтобъ получить уже теперь нѣкоторое понятіе, что слѣдуетъ за такимъ объектированьемъ мысли, довольно вспомнить, что даже на недоступныхъ для многихъ высотахъ отвлеченнаго мышленія, а тѣмъ болѣе въ началѣ развитія, наша собственная темная мысль мгновенно освѣщается, когда мы сообщимъ ее другому, или, что все равно, напишемъ. Въ этомъ одномъ смыслѣ, независимо отъ предварительного приготовленія, *docendo discimus*. *Во вторыхъ*, если бы даже каждый разъ волею или неволею мы видѣли себя, то и тогда такихъ указаний было бы мало для пониманія, потому что по самой своей природѣ они очень неопределены. Быть можетъ, чувство, сопровождающее каждое отдельное сочетаніе мыслей, иначе выражается на лицѣ, но намъ кажется, что человѣкъ точно такъ смеется отъ одного смѣшнаго, какъ и смеялся бы отъ многаго другаго, различнаго по содержанию.

Отсюда видно, что преимущества звука предъ всевозможными средствами самонаблюденія заключаются какъ въ томъ, что онъ, исходя изъ устъ говорящаго, воспринимается имъ посредствомъ слуха, такъ и въ томъ, что, становясь членораздѣльнымъ, онъ достигаетъ легко уловимаго разнообразія и опредѣленности. Можно сказать, что разница между животнымъ и человѣкомъ лишь въ томъ, что только послѣдний можетъ создать себѣ такое средство пониманія; но это созданіе, кромѣ физиологическихъ условій, предполагаетъ въ человѣческой душѣ ей исключительно свойственное совершенство всѣхъ ея движений, особую силу, опредѣлимую только по результатамъ ея дѣятельности.

Итакъ слово есть на столько средство понимать другаго, на сколько оно средство понимать самого себя. Оно потому служить посредникомъ между людьми и устанавливаетъ между ними разумную связь, что въ отдельномъ лицѣ назначено

¹⁾ Humb. Ueb. die Versch. 54.

посредствовать между новымъ воспріятіемъ (и вообще тѣмъ, что въ данное мгновеніе есть въ сознаніи) и находящимся виѣ сознанія прежнимъ запасомъ мысли. Сила человѣческой мысли не въ томъ, что слово вызываетъ въ сознаніе прежняя воспріятія (это возможно и безъ словъ), а въ томъ, какъ именно оно заставляетъ человѣка пользоваться сокровищами своего прошедшаго.

Замѣчанія объ особенностихъ вліянія апперцепціи въ словѣ на мысль отдѣльного человѣка, или короче—о значеніи представлениія (потому что внутренняя форма, по отношенію къ тому, что посредствомъ нея мыслится, къ тому содержанію слова, которое мы выше называли субъективнымъ, есть *представленіе* въ тѣскомъ смыслѣ этого слова) откладываемъ до слѣдующей главы.

IX. Представленіе, сужденіе, понятіе.

Чувственныя воспріятія представляются наблюденію не одною сплошною массою, а рядомъ группъ; стихіи каждой изъ этихъ группъ порознь находятся между собою въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ со стихіями другихъ группъ. Такое явленіе не первообразно. Соединеніе воспріятій въ отдѣльные круги есть уже форма, придаваемая душою отдѣльнымъ воспріятіямъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названо самодѣятельностью души, потому что хотя не обнаруживается ея свободы, но столь же зависить отъ ея собственной природы, сколько отъ свойства виѣшнихъ возбужденій. Конечно, слово «самодѣятельность» требуетъ здѣсь нѣкотораго ограниченія. Нельзя себѣ представить такихъ дѣйствій души, которая бы не были вызваны виѣшними условіями, хотя съ другой стороны нѣтъ и такихъ, которая бы вполнѣ объяснялись посторонними вліяніями. Въ послѣднемъ смыслѣ даже хаотическое состояніе воспріятій и свойства каждого изъ нихъ порознь—творчество души; въ первомъ—даже самосознаніе и свобода воли—явленія зависимыя и несвободныя. Однако есть основаніе видѣть болѣе самодѣятель-

ности тамъ, гдѣ виѣшнія причины не прямо, а только посредствомъ ряда состояній самаго существа вызываютъ такое, а не другое его движеніе.

Соединеніе впечатлѣній въ образы, принимаемые нами за предметы, существующіе независимо отъ насъ и безъ нашего участія, это соединеніе есть уже дѣло нашей души, впрочемъ не отличающее ее отъ души животнаго.

Положимъ, что зрѣніе въ первый разъ даетъ человѣку впечатлѣнія дерева на голубомъ полѣ неба. Небо и дерево составляли бы для него одно разноцвѣтное пространство, одинъ предметъ, и на всегда оставались бы однимъ предметомъ, если бы при повтореніи тѣхъ же воспріятій не измѣнялся фонъ, напр. не шаталось дерево отъ вѣтру, не заволакивалось небо облаками. Такъ какъ все это бываетъ, то воспріятія впечатлѣній, производимыхъ на глазъ деревомъ, повторяясь каждый разъ безъ замѣтныхъ измѣненій или съ небольшими, сливаются другъ съ другомъ, и при воспоминаніи воспроизводятся всегда разомъ или въ томъ же порядкѣ, образуютъ для мысли постоянную величину, одинъ *чувственный образъ*, а впечатлѣнія неба не сольются такимъ образомъ и при воспроизведеніи будутъ перемѣнною величиною.

Въ одно время съ впечатлѣніями зрѣнія могутъ быть даны впечатлѣнія слуха и обонянія, напр. я могу, глядя на растеніе, слышать шумъ его листьевъ и чувствовать запахъ его цветовъ; но впечатлѣнія осязанія и вкуса не могутъ быть вполнѣ одновременны со впечатлѣніемъ зрѣнія, потому что я, ощупывая предметъ, скрываю отъ глазъ обращенную ко мнѣ часть его поверхности, и совсѣмъ не вижу предмета, который у меня во рту. Самое зрѣніе одновременно представляетъ намъ только то, что разомъ обхватывается глазомъ, но вмѣстѣ съ этимъ глазъ и переходитъ къ одной части поверхности, оставляя другую. Въ такихъ случаяхъ къ одновременности воспріятія, какъ основанію ассоціаціи, присоединяется непосредственная послѣдовательность, такъ что напр. сначала одновременно получаются впечатлѣнія то-

чекъ, составляющихъ видимую поверхность тѣла, за тѣмъ тѣло осязается, чувствуется его вкусъ, запахъ, слышится звукъ его паденія. При этомъ, чувственный образъ предмета со многими признаками составится только тогда, когда совокупность этихъ признаковъ будетъ относиться ко всѣмъ другимъ, какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ выдѣленія комплекса признаковъ изъ ряда однородныхъ относится постоянная впечатлѣнія отъ дерева къ неремѣнчивымъ впечатлѣніямъ фона, на которомъ оно обрисовывается. Противоположность постоянного и измѣнчиваго, образуемая сляяніемъ однородныхъ воспріятій, здѣсь необходима, потому что безъ нея всѣ воспріятія одновременныя и послѣдовательныя составили бы только одинъ рядъ, который, пожалуй, можно бы назвать чувственнымъ образомъ; они постоянно находились бы въ томъ состояніи, въ какомъ, вѣроятно, находятся въ первое время жизни ребенка.

Изолированный рядъ воспріятій не всегда повторяется въ томъ-же порядкѣ, хотя стихіи его остаются тѣ же. Сначала напр. можно видѣть горящія дрова, потомъ слышать ихъ трескъ и чувствовать теплоту, или же сначала слышать трескъ, а потомъ, уже приблизившись, увидѣть пламя и почувствовать теплоту. Это далеко не все равно, потому что единство чувственного образа зависитъ не только отъ тождества составляющихъ его признаковъ, но и отъ легкости, съ какою одинъ признакъ воспроизводится за другимъ. Если нѣсколько разъ данъ былъ рядъ признаковъ одного образа въ порядкѣ *a b c d e* и вслѣдъ за тѣмъ еще разъ получится признакъ *a*, то онъ легко вызоветъ въ сознаніе всѣ слѣдующіе за нимъ; но если упомянутый рядъ начнется съ конца, то признакъ *e* самъ по себѣ или вовсе не произведетъ признаковъ *d c* и пр., или—гораздо медленнѣе. Слова «Отче нашъ» напомнятъ намъ всю молитву, но слово «лукаваго» не заставить насъ воспроизвести ее навыворотъ (отъ насъ, избави и проч.), точно такъ, какъ признакъ *e* не дастъ намъ цѣлаго образа *a, b, c, d, e*. Хотя *e* могло повторяться столько-же разъ, сколько и *a*, но это послѣ-

днее, по своему вліяню на всѣ остальные, будто господствует надъ всѣмъ образомъ. Если бы основанія ассоціації, положенная рядомъ *a*, *b*, *c*... (въ которомъ смежные члены *ab*, *bc* тѣснѣе связаны, чѣмъ удаленные другъ отъ друга *a* и *c*) при каждомъ повтореніи образа замѣнялись новыми (*b a c*, *c a b*...), то, такъ сказать, господство переднихъ членовъ, напр. *a*, надъ всѣми остальными было бы уничтожено и каждый могъ бы съ таго же быстротою воспроизводить всѣ остальные. На дѣлѣ однако бываетъ иначе, и это зависитъ сколько отъ того, что при воспріятіи не исчерпываются всѣ сочетанія признаковъ, столько и отъ другой причины. Въ самомъ кругу изолированного образа при новыхъ воспріятіяхъ однѣ черты выступаютъ ярче отъ частаго повторенія, другія остаются въ тѣни. При словѣ «*золото*» намъ приходитъ на мысль цвѣтъ, а вѣсь, звукъ могутъ вовсе не прійти, потому что не всякий разъ при видѣ золота мы взвѣшивали его и слышали его звукъ. Образованіе такого же центра въ изолированномъ кругу воспріятій мы можемъ предположить и до языка. Въ чёмъ же послѣ этого будетъ состоять излишнѣ силы творчества человѣческой души, создающей языкъ, сравнительно съ силою животнаго, знающаго только нечленораздѣльные крики, или вовсе лишеннаго голоса? Отвѣтъ на это былъ уже отчасти заключенъ въ предшествующемъ.

Внутрення форма есть тоже центръ образа, одинъ изъ его признаковъ, преобладающій надъ всѣми остальными. Это очевидно во всѣхъ словахъ позднѣйшаго образованія съ ясно опредѣленнымъ этимологическимъ значеніемъ (*бикъ*—ревущій, *волкъ*—рѣжущій, *медведь*—ѣдицій медъ, *пчела*—жужжащая и пр.), но не встрѣчается, кажется, противорѣчія и въ словахъ ономато-поэтическихъ, потому-что чувство, вызвавшее звукъ, есть такая-же стихія образа, какъ устранимый отъ содержанія колоритъ есть стихія картины. Признакъ, выраженный словомъ, легко упрочивается свое преобладаніе надъ всѣми остальными, потому что воспроизводится при всякомъ новомъ воспріятіи, даже не заключаясь въ этомъ

послѣднемъ, тогда какъ изъ остальныхъ признаковъ образа многие могутъ лишь изрѣдка возвращаться въ сознаніе. Но этого мало. Слово съ самаго своего рожденія есть для говорящаго средство понимать себя, апперципировать свои восприятія. Внутрення форма, кромѣ фактическаго единства образа, даетъ еще знаніе этого единства; она есть не образъ предмета, а образъ образа, т. е. *представленіе*¹⁾.

Конечно, знаніе того, что происходит въ душѣ, и при томъ такое несовершенное знаніе, сводящее всю совокупность признаковъ къ одному, можетъ показаться весьма малымъ преимуществомъ человѣка, хотя, сравнительно съ безсознательнымъ собираниемъ признаковъ въ одинъ кругъ,— это знаніе есть самодѣйтельность по преимуществу; но можно думать, что, именно только какъ представленіе, образъ получаетъ для человѣка тотъ высокий интересъ, какого не имѣть для животнаго, и что только представленіе вызываетъ дальнѣйшія, исключительно человѣческія преобразованія чувственного образа.

Прежде, чѣмъ говорить о вліяніи представленія на чувственный образъ, слѣдуетъ прибавить еще одну черту къ сказанному выше объ апперципціи: ея отличие отъ простой ассоціаціи съ одной стороны и сліянія—съ другой и ея постоянная двучленность указываютъ на ея тождество съ формою мысли, называемою *сужденіемъ*. Апперципируемое и подлежащее объясненію есть субъектъ сужденія, апперципирующее и опредѣляющее—его предикатъ. Если, исключивъ ассоціацію и сліяніе, какъ простѣйшія явленія душевного механизма, назовемъ апперципцію, которая кажется уже не

1) „Человѣкъ стремится придать предметамъ, дѣйствующимъ на него множествомъ своихъ признаковъ, опредѣленное единство, для выраженія коего [um ihre (dieser Einheit) stelle zu vertreten] требуется виѣшнее, звуковое единство слова. Звукъ не вытѣсняетъ ни одного изъ остальныхъ впечатлѣній, производимыхъ предметомъ, а становится ихъ сосудомъ (wird ihr Träger) и своимъ индивидуальнымъ свойствомъ, соотвѣтствующимъ свойствамъ предмета, въ томъ видѣ, какъ этотъ предметъ было воспринять личнымъ чувствомъ всякаго, прибавляетъ къ упомянутымъ впечатлѣніямъ новое, характеризующее предметъ“ (Hum. Ueb. die Versch. 52). Это новое, прибавляемое къ предмету словомъ, есть не представленіе, а скорѣе то, что мы выше назвали внутреннею формою звука.

страдательнымъ воспріятіемъ впечатлѣній, а самодѣятельнымъ ихъ толкованіемъ, назовемъ ее первымъ актомъ мышленія въ тѣсномъ смыслѣ; то тѣмъ самымъ за основную форму мысли признаемъ сужденіе. Впрочемъ отъ такой перемѣны названій было бы мало проку, если бы она не вела къ одному важному свойству слова. ✓

Представленіе есть извѣстное содержаніе нашей мысли, но оно имѣть значеніе не само по себѣ, а только какъ форма, въ какой чувственныи образъ входитъ въ сознаніе; оно—только указаніе на этотъ образъ, и вѣдь связи съ нимъ, т. е. вѣдь сужденія не имѣть смысла. Но представленіе возможно только въ словѣ, а потому слово, независимо отъ своего сочетанія съ другими, взятое отдельно въ живой рѣчи, есть выраженіе сужденія, двучленная величина, состоящая изъ образа и его представленія. Если напр. при воспріятіи движения воздуха человѣкъ скажетъ: «вѣтеръ!» то это одно слово можетъ быть объяснено цѣлымъ предложеніемъ: это (чувственное воспріятіе вѣтра) есть то (т. е. тотъ прежний чувственныи образъ), что мнѣ представляется вѣющимъ (представленіе прежняго чувственного образа). Новое апперципируемое воспріятіе будетъ субъектомъ, а представленіе, которое одно только выражается словомъ,—будетъ замѣною дѣйствительного предиката. При пониманіи говорящаго значеніе членовъ сужденія перемѣнится: услышанное отъ другаго слово *бу* вызоветъ въ сознаніи воспоминаніе о такомъ-же звуки, который прежде издавался самимъ слушающимъ, а черезъ этотъ звукъ—его внутреннюю форму, т. е. представленіе, и наконецъ самый чувственныи образъ быка. Представленіе останется здѣсь предикатомъ только тогда, когда слушающій самъ повторить только что услышанное слово. Впрочемъ такое повтореніе неизбѣжно въ мало-развитомъ человѣкѣ. «Человѣку, говорить Гумбольть, врождено высказывать только что услышанное», и, безъ сомнѣнія, молчать понимая труднѣе, чѣмъ давать вольный выходъ движенію своей мысли. Такъ дѣти и вообще малограмотные люди не могутъ читать про себя: имъ нужно слышать результатъ

своей умственной работы, будеть ли она состоять въ простомъ переложеніи письменныхъ знаковъ въ звуки, или же и въ пониманіи читанаго. Непосредственно истиннымъ и действительнымъ на первыхъ порахъ кажется человѣку только ощущенное чувствами, и слово имѣеть для него всю прелестъ дѣла.

Дитя сначала говорить только отрывистыми словами и каждое изъ этихъ словъ, близкихъ къ междометіямъ, указываетъ на совершившійся въ немъ процессъ апперцепціи, на то, что оно или признаетъ новое воспріятіе за одно съ прежнімъ, узнаетъ знакомый предметъ (ляля! мама!), или со-знаетъ въ словѣ образъ желаемаго предмета (папа, т. е. хлѣба). И взрослые говорятъ отдельными словами, когда поражены новыми впечатлѣніями, вообще когда руководятся чувствомъ и неспособны къ болѣе продолжительному самонаблюденію, какое предполагается связью рѣчью. Отсюда можно заключить, что для первобытного человѣка весь языкъ состоялъ изъ предложеній съ выраженнымъ въ словѣ однимъ только *сказуемымъ*. Опасно однако упускать изъ виду мысль Гумбольта, что не слѣдуетъ пріурочивать термины ближайшихъ къ намъ и наиболѣе развитыхъ языковъ (напр. *сказуемое*) къ языкамъ далекимъ отъ нашего по своему строению. Мысль эта покажется пошлою тому, кто сравнить ее съ совѣтомъ не дѣлать анахронизмовъ въ исторіи, но поразить своей глубиною того, кто знаетъ, какъ много еще теперь (не говоря уже о 20-хъ годахъ) филологовъ-специалистовъ, которые не могутъ понять, какъ можетъ быть языкъ безъ глагола. Говорить обыкновенно, что «первое слово есть уже предложеніе». Это справедливо въ томъ смыслѣ, что первое слово имѣло уже смыслъ, что оно не могло существовать въ живой рѣчи въ томъ видѣ, составляющемъ уже результатъ научнаго анализа, въ какомъ встрѣчается въ словарѣ; но совершенно ошибочно думать, что предложеніе сразу явилось такимъ, каково въ нашихъ языкахъ.

Языкъ есть средство понимать самого себя. Понимать себя можно въ разной мѣрѣ; чего я въ себѣ не замѣчаю, то для меня не существуетъ и конечно не будетъ мною

выражено въ словѣ. Поэтому никто не имѣть права влагать въ языкъ народа того, чого самъ этотъ народъ въ своемъ языкѣ не находитъ. Для настѣ предложеніе немыслимо безъ подлежащаго и сказуемаго; опредѣляемое съ опредѣлительнымъ, дополняемое съ дополнительнымъ не составляютъ для настѣ предложенія. Но подлежащее можетъ-быть только въ именительномъ падежѣ, а сказуемое невозможно безъ глагола (*verbum finitum*); мы можемъ не выражать этого глагола, но мы чувствуемъ его присутствіе, мы различаемъ сказательное (предикативное) отношеніе («бумага бѣла») отъ опредѣлительного («бѣлая бумага»). Еслибы мы не различали частей рѣчи, то тѣмъ самымъ мы бы не находили разницы между отношеніями подлежащаго и сказуемаго, опредѣляемаго и опредѣленія, дополняемаго и дополненія, то есть предложеніе для настѣ бы не существовало. Очевидно, дитя и первобытный человѣкъ не могутъ имѣть въ своемъ языкѣ предложенія уже потому, что не знаютъ ни падежей, ни лицъ глагола, что говорять только отдѣльными словами. Но эти слова, сказалъ Бенкнеръ,—глаголы, сказуемыя, существенная часть предложенія. Это не вѣрно: «цаца!» «ляля!» «папа!» названія не дѣйствій, а предметовъ, узнаваемыхъ ребенкомъ; въ этихъ словахъ можетъ слышаться требование, и въ такомъ случаѣ они скорѣе могли бы быть переведены нашими дополнительными.

«Если представить себѣ, говорить Гумбольть, создание языка постепеннымъ (а это естественнѣе всего), то нужно будетъ принять, что это созданіе, подобно всякому рождению (*Entstehung*) въ природѣ, происходитъ по началу развитія извнутри ¹⁾». Чувство, проявлявшееся въ звуки, заключаетъ въ себѣ все въ зародышѣ, но не все въ то-же время видно въ звукахъ ²⁾. Разумѣется, если знаемъ, что содержаніе мысли, обозначаемой языккомъ, идеть отъ большаго числа отдѣльныхъ чувственныхъ восприятій и образовъ, а звуки

¹⁾ „So muss man ihr (der Sprache) ein Evolutionssystem unterlegen“.

²⁾ Ueb. die Versch. 174.

языка—отъ многихъ рефлексий чувства, то не станемъ думать, что языкъ вылупился изъ одного корня, какъ, по индійскому миѳу, вселенная изъ яйца, но согласимся, что каждое первобытное слово представляло только возможность позднѣйшаго развитія извѣстнаго рода значеній и грамматическихъ категорій. Удерживая разницу между организмомъ, имѣющимъ самостоятельное существованіе, и словомъ, которое живетъ только въ устахъ человѣка, можемъ воспользоваться сравненіемъ первобытнаго слова съ зародышемъ: какъ зерно растенія не есть ни листъ, ни цветъ, ни плодъ, ни все это взятое вмѣстѣ, такъ слово въ началѣ лишено еще всякихъ формальныхъ опредѣленій и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глаголъ.

«Дѣятельности, говорить Штейнталъ, лежащія въ основаніи существительныхъ, не глаголы, а прилагательныя, названія признаковъ. Признакъ есть атрибутъ, посредствомъ коего инстинктивное самосознаніе понимаетъ (*erfasst*) чувственный образъ, какъ единицу, и представляетъ себѣ этотъ образъ. Какъ умъ нашъ не постигаетъ предмета въ его сущности, такъ и языкъ не имѣтъ собственныхъ, первоначальныхъ существительныхъ, и какъ сочетаніе признаковъ принимается нами за самый предметъ, такъ и въ языкѣ есть только название признаковъ». Дѣйствительно предметы называются въ языкѣ каждый по одной изъ примѣтъ, взятой изъ совокупности остальныхъ: *рика*—текущая (кор. *rik*, скр. *rich*, течь, или, что кажется вѣроятнѣе, *ri*, тоже, что въ малорусск. *ринуть* и нѣм. *rinen*), *берегъ*—охраняющій, берегущій (серб. *Бријег*, холмъ, слѣдоват. почти тоже, что нѣмецкое *Berg*, которое по Гримму,—отъ значенія, сохранившагося въ *bergel*, скрывать, охранять, наше *беречь*), или, согласно съ постояннымъ эпитетомъ—круты, обрывистый (ср. греч. φράγ—սպա; б=греч. ο), *небо*—покрывающее, *туча*—изливающая, *трава*—пожираемая, служащая кормомъ и т. д. Само-собою бросается въ глаза, что всѣ эти признаки предполагаютъ название дѣятельности: нужно было имѣть слово *тру* (-ти) для дѣятельности пожиранья, чтобы имъ обозна-

чить траву, какъ сидѣть. Но и въ основаніи названія дѣятельностей лежать тоже признаки. «Дѣятельность разсматривается совершенно какъ субстанція; не сама она по себѣ, а впечатлѣніе, производимое ею на душу, отражается въ звукѣ. И дѣятельность имѣетъ много признаковъ, изъ коихъ одинъ замѣщаетъ всѣ остальные и получаетъ потомъ значеніе самой дѣятельности. Такимъ-образомъ первыя слова—названія признаковъ, и стало-быть, если захотимъ употребить грамматический терминъ, — *нарпчіл*¹⁾». Но мы этого не хотимъ, и какъ Штейнталю очень хорошо известно, не имѣемъ права. Представленіе есть точно одинъ изъ многихъ признаковъ, сложившихся въ одно цѣлое, но слово въ началѣ развитія мысли не имѣеть еще для мысли значенія качества и можетъ быть только указаніемъ на чувственный образъ, въ которомъ нѣтъ ни дѣйствія, ни качества, ни предмета, взятыхъ отдельно, но все это въ нераздѣльномъ единстве. Нельзя напр. видѣть движенія, покоя, близини самихъ по себѣ, потому что они представляются только въ предметахъ, въ птицѣ, которая летитъ или сидитъ, въ бѣломъ камнѣ и проч.; точно такъ нельзя видѣть и предмета безъ известныхъ признаковъ. Образованіе глагола, имени и пр. есть уже такое разложеніе и видоизмѣненіе чувственного образа, которое предполагаетъ другія, болѣе простыя явленія, слѣдующія за созданіемъ слова. Такъ напр. части рѣчи возможны только въ предложеніи, въ сочетаніи словъ, котораго не предполагаемъ въ началѣ языка; существование прилагательного и глагола возможно только послѣ того, какъ сознаніе отдѣлить отъ болѣе-менѣе случайныхъ атрибутовъ то неизмѣнное зерно вещи, ту сущность, *субстанцію*, то нѣчто, которое человѣкъ думаетъ видѣть за сочетаніемъ признаковъ и которое не дается этимъ сочетаніемъ. Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ образованіи грамматическихъ категорій, входящій въ область исторіи отдѣльныхъ языковъ²⁾,

¹⁾ Steinh. Gram. Log. u. Psych. 325, 328. Ср. 361.

²⁾ Указанія на основные различія грамматики языковъ можно найти въ сочиненіи Штейнталя, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Berl. 1860.

и ограничимся немногими замѣчаніями о свойствахъ слова, которая предполагаются всяkimъ языкомъ и должны служить дополненіемъ къ сказанному выше о словѣ, какъ средствѣ сознанія единства образа.

Уже въ прошломъ столѣтіи замѣчено было, что слово имѣть ближайшее отношеніе къ обобщенію чувственныхъ воспріятій и что въ безсловесности животныхъ слѣдуетъ искать объясненія, почему имъ недоступны ни общія идеи (во французскомъ, самомъ общемъ смыслѣ этого слова), ни зависимая отъ нихъ усовершимость человѣка. Впрочемъ и тогда, и теперь весьма многими значеніе языка для развитія мысли понимается очень неудовлетворительно, напр. такимъ образомъ: «языкъ служитъ пособіемъ при отвлечевіи, потому что онъ обозначаетъ только отвлеченное и долженъ обозначать только это; въ противномъ случаѣ онъ быль-бы безполезенъ, такъ какъ число словъ было-бы не меныше числа воспріятій». Слово принимается здѣсь, какъ знакъ готовой мысли, а не какъ ея органъ, не какъ средство добывать ее изъ рудниковъ своей души и придавать ей высшую цѣну. Безъ отвѣта остаются также вопросы: составляеть ли отвлеченное исключительную принадлежность человѣка, и если иѣть, то какой особенный смыслъ придаетъ слово человѣческому отвлеченію?

Образованіе въ душѣ воспріятій, преобладающихъ надъ другими, и связанное съ этимъ безсознательное объединеніе чувственного образа; всегда предполагаетъ устраненіе изъ сознанія значительного числа впечатлѣній, которая мы назвали фономъ чувственного образа, и есть первообразъ позднѣйшаго процесса отвлечения или абстракціи. Не трудно найти доказательства, что чувственный образъ, на которомъ мы сосредоточились, который мы выдѣлили изъ всего прочаго, заключаетъ въ себѣ далеко не всѣ черты, переданныя намъ чувствами, точно такъ, какъ портретъ отсутствующаго лица, написанный по одному воспоминанію, изображаетъ далеко не всѣ особенности лица, дѣйствовавшія нѣкогда на глазъ и бывшія въ сознаніи живописца. Бессознательное слияніе иѣ-

сколькихъ образовъ, полученныхъ въ разное время, въ одинъ было бы совершенно невозможно, если бы эти образы, всегда сложные, удерживались душею въ одинаковой полнотѣ, а пе постоянно разлагались посредствомъ отпаденія отдѣльныхъ частей, несвязанныхъ для настъ извѣстными отношеніями. Это сліяніе, встрѣчающее тѣмъ менѣе препятствій, чѣмъ менѣе особенностей образовъ удержалось въ памяти, есть уже обобщеніе. Совокупность мыслимаго мною во время и послѣ такого сліянія, даже безъ моего вѣдома, относится уже не къ одному предмету, а къ нѣсколькимъ, и тѣмъ самымъ превращается въ болѣе-менѣе неопределеннную схему предметовъ. Подобныя схемы необходимо предположить въ животномъ, многія дѣйствія коего не могутъ быть объяснены одними физиологическими побужденіями. Собака лаетъ на нищаго и не лаетъ на человѣка, одѣтаго какъ ея господинъ, напр. въ студенческое платье; не обнаруживается ли она этимъ, что въ ней составилось двѣ схемы людей, различно одѣтыхъ,—схемы, не заключающія въ себѣ частныхъ отличій, и что новая впечатлѣнія, относясь то къ одной, то къ другой изъ этихъ схемъ, лишаются на время своихъ особенностей, которыя однако по всей вѣроятности остаются въ душѣ? Если животное узнаетъ привычную пищу, избѣгаетъ знакомой опасности, если оно вообще способно не только руководиться указаніями инстинкта, но и пользоваться своею опытностью, въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія; то это дается ему только способностью обобщать чувственныя данные. Минуя слово «обобщеніе», съ которыми многіе не безъ основанія соединяютъ мысль объ исключительно человѣческой дѣятельности души, мы можемъ выразить это и такимъ образомъ: то, что мы обозначаемъ отрицательно отсутствиемъ способности цѣликомъ и безъ измѣненій удерживать сложившися въ душѣ сочетанія восприятій, есть положительное свойство души, необходимое въ экономии и человѣческой и животной жизни.

Умственная жизнь человѣка, до появленія въ немъ самосознанія, намъ также темна, какъ и душевная жизнь

животнаго, и потому мы всегда приуждены будемъ ограничиться только догадками о несомнѣнно существующихъ родовыхъ различіяхъ между первоначальными обнаруженіями этой жизни въ человѣкѣ и въ животномъ. Но несомнѣнно, что въ то время, какъ животное не идетъ далѣе смутныхъ очерковъ чувственного образа, для человѣка эти очерки служить только основаніемъ, исходною точкою дальнѣйшаго творчества, въ безчисленныхъ произведеніяхъ коего, напр. въ понятіяхъ Бога, судьбы, случая, закона и пр., только научный анализъ можетъ открыть слѣды чувственныхъ воспирятій. Понятно, что въ человѣкѣ есть сила, заставляющая его особыеннымъ, ему только свойственнымъ образомъ, видоизмѣнять впечатлѣнія природы; легко также принять, что точка, на которой становится замѣтною человѣчность этой силы, на которой обобщеніе получаетъ неживотный характеръ, есть появление языка; но что-же именно прибавляетъ слово къ чувственной схемѣ? Чтобы оно ни прибавляло, это нѣчто должно быть существеннымъ условіемъ позднѣйшаго совершенствованія мысли, иначе самъ языкъ будетъ певуженъ.

Выше мы назвали слово средствомъ сознанія единства чувственного образа; здѣсь мы прибавимъ только, что слово есть въ тоже время и средство сознанія общности образа. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, сознанію того, что уже существуетъ, можемъ приписать могущество пересоздавать это существующее, но не создавать его, не творить изъ ничего. Человѣкъ не изобрѣлъ бы движения, еслибъ оно не было безъ его вѣдома дано ему природой, не построилъ бы жилья, еслибъ не нашелъ его готовымъ подъ сѣнью дерева или въ пещерѣ, не сложилъ бы пѣсни, поэмы, еслибъ каждое его слово не было, какъ увидимъ ниже, поэтическимъ произведеніемъ; точно такъ слово не дало бы общности, еслибъ ея не было бы до слова. Тѣмъ-не-менѣе есть огромное разстояніе между непроизвольнымъ движеніемъ и балетомъ, лѣсомъ и колоннадою храма, словомъ и эпопею, равно какъ и между общностью образа до слова и отвлеченностью мысли, достигаемою посредствомъ языка.

Намъ кажется вѣрнымъ, что если неговорящее дитя узнаетъ свою мать и радостно тянется къ ней, то оно имѣть уже, таѣ сказать, отвлеченный ея образъ, т. е. такой, который хотя и относится къ одному предмету, но не заключаетъ въ себѣ несходныхъ чертъ, данныхъ въ разновременныхъ восприятіяхъ этого предмета (напр. мать могла быть въ разное время въ разныхъ платьяхъ, могла стоять, ходить, сидѣть, когда смотрѣлъ на нее ребенокъ). Присоединимъ къ этому слово. Дитя разныя восприятія матери называетъ однимъ и тѣмъ же словомъ *mama*; восприятія одной и той же собаки, но въ разныхъ положеніяхъ, и разныхъ собакъ, различныхъ по шерсти, величинѣ, формамъ, вызываютъ въ немъ одно и тоже слово, положимъ, *чуця*¹⁾.

Новыя аптерцируемыя восприятія будутъ перемѣнчивыми субъектами, коихъ предикатъ остается на столько неизмѣннымъ, что постоянно выражается однимъ и тѣмъ-же словомъ. Ребенокъ рано или поздно замѣтитъ, что среди волненія входящихъ въ его сознаніе восприятій, изъ коихъ каждая группа или лишена извѣстныхъ стихій, находящихся въ другой, или имѣть въ себѣ такія, какихъ не заключаетъ въ себѣ другая, остается неподвижнымъ только звукъ и соединенное съ нимъ представление, и что, между-тѣмъ, слово относится одинаково ко всѣмъ однороднымъ восприятіямъ. Такимъ образомъ полагается начало созданію категоріи субстанціи, вещи самой по себѣ, и дѣлается шагъ къ познанію истины. |Дѣйствительное знаніе для человѣка есть только знаніе сущности; разнообразные признаки а, б, с, д, замѣчаемые въ предметѣ, не составляютъ самого предмета А, ни взятые порознь (потому что, очевидно, цвѣть шер-

¹⁾ Предполагаемъ, что это слова первобытныя, ономато-поэтическія и лишенныя еще всякихъ грамматическихъ опредѣленій; во это собственно фикція, потому-что напр. слово *чукя* носить на себѣ слѣды многихъ внутреннихъ и вѣшнихъ измѣненій. Оно, во первыхъ, существительное, подобно всѣмъ остальнымъ въ нашихъ языкахъ имѣющее чисто формальное окончаніе; во вторыхъ, имѣть удвоеніе, котораго нельзѧ предполагать въ корнѣ (кор. вѣроятно *ку*. Ср. греч. *χύ-ων*, лит. *szi*, лат. *ca-pis* отлично по гласной) и по звукамъ гармонируетъ съ малорусскимъ нар., относительно позднимъ.

сти собаки и пр. не есть еще собака), ни въ своей совокупности, во первыхъ потому, что эта совокупность есть сумма, множественность, а предметъ есть для настъ всегда единство; во вторыхъ потому, что А, какъ предметъ, должно для настъ заключать въ себѣ не только сумму извѣстныхъ намъ признаковъ $a + b + c$, но и возможность неизвѣстныхъ $x + y \dots$, должно быть чѣмъ-то отличнымъ отъ своихъ признаковъ, и между тѣмъ объединяющимъ ихъ и условливающимъ ихъ существованіе. Въ словѣ, какъ представлениіе единства, и общности образа, какъ замѣнѣ случайныхъ и измѣнчивыхъ сочетаній, составляющихъ образъ, постояннымъ представлениемъ (которое, припомнимъ, въ первобытномъ словѣ не есть ни дѣйствіе, ни качество), человѣкъ впервые приходитъ къ сознанію бытія темнаго зерна предмета, къ знанію дѣйствительного предмета¹⁾.

При этомъ слѣдуетъ помнить, что конечно такое знаніе не есть истина, но указываетъ на существованіе истины гдѣ-то вдали, и что вообще человѣка характеризуетъ не знаніе истины, а стремленіе, любовь къ ней, убѣжденіе въ ея бытіи.

Апперципируя въ словѣ воспріятіе, вновь появившееся въ сознаніи, и произнося только одно слово, имѣющее значеніе предиката, человѣкъ уничтожаетъ первоначальное безразличіе членовъ апперцепціи, особыеннымъ образомъ оттѣняетъ важнѣйшій изъ этихъ членовъ, именно предикатъ, дѣлая его вторично предметомъ своей мысли.

Чтобы видѣть, чего недостаетъ такому неполному господству языка, въ чёмъ несовершенство мысли, которая высказывается только отрывистымъ словомъ, довольно сравнить такое единичное живое слово съ сочетаніемъ словъ. «Цюця!» значитъ: вновь входящій въ мое сознаніе образъ

1) „Какъ безъ языка, говорить Гумбольдъ, невозможно понятіе, такъ безъ него не было бы для души и предмета, потому что и всякий вицѣшній предметъ только посредствомъ понятія получаетъ для нея полную существенность“. Ueb. die Versch. 59. Мы прбавимъ, что понятіе развивается только то, что дано уже до него.

есть для меня та сущность, которую я такимъ-то образомъ (посредствомъ такой-то внутренней формы) представляю въ словѣ *чюзл*; предметъ самъ по себѣ еще не отдѣленъ здѣсь отъ своихъ свойствъ и дѣйствій, потому что эти послѣднія заключаются и въ новомъ воспріятіи и въ апераципирующимъ его образѣ. Не то уже въ сложномъ реченіи первобытнаго языка, соотвѣтствующемъ нашему «собака лаетъ»; здѣсь нетолько въ словѣ сознана сущность собаки, но и явствен-но выдѣленъ одинъ изъ признаковъ, темною массою обле-гающихъ эту сущность. Если отдѣльное слово въ рѣчи есть представление, то сочетаніе двухъ словъ можно бы, слѣдя Штейнталю, назвать представлениемъ представлениія¹⁾; если одинокое представление было первымъ актомъ разложенія чувственного образа, то фраза изъ двухъ словъ будетъ вторымъ, построеннымъ уже на первомъ. Это можно видѣть изъ того, что атрибутъ, сознанный посредствомъ слова, въ свою очередь получаетъ субстанціальность и можетъ стать средоточиемъ круга атрибутовъ, такъ-что напр. толь-ко тогда, когда со словомъ, объединяющимъ весь кругъ признаковъ образа собаки, соединится другое слово, обозна-чающее только одинъ изъ этихъ признаковъ (собака *лаетъ*), только тогда и въ самомъ признакѣ *лая* могутъ открыться свои признаки. Но какимъ образомъ слово изъ предиката становится субъектомъ, изъ обозначенія всей совокупности признаковъ посредствомъ одного—обозначеніемъ одного толь-ко признака? На это не находимъ у Штейнталя удовлетво-рительного отвѣта. Онъ говорить только, что наступаетъ пора, когда слово, бывшее до того предикатомъ, «становит-ся субъектомъ измѣнчивыхъ признаковъ, которые получа-ютъ силу предикатовъ. Только тогда слово (какъ субъектъ) получаетъ значеніе субстанціи предмета, и предметъ отдѣ-ляется отъ своихъ дѣятельностей и свойствъ. Тогда и вос-пріятія (*die Wahrnehmungen*) этихъ измѣнчивыхъ свойствъ и дѣятельностей возбуждаютъ интересъ дѣтской души и

¹⁾ Gr. L. u. Ps. 328—9.

рефлектируются въ звукахъ¹⁾). Онъ говоритьъ вслѣдъ за тѣмъ, что первобытный человѣкъ *создаетъ* такие звуки; но это невозможно: по его собственной теоріи, какъ мы ее понимаемъ, слово можетъ быть первоначально только полнымъ безразличіемъ дѣятельности и качества съ одной и предмета съ другой стороны, но никакъ не обозначеніемъ качества или дѣйствія самихъ по себѣ; не можетъ быть прямаго перехода отъ такой простой апперцепціи, какъ напр. (это, т. е. новое воспріятіе есть) «мама!» къ такой, гдѣ «мама» есть уже субъектъ предиката, означающаго отвлеченное дѣйствіе или качество. Намъ, стоящимъ на степени развитія своего языка, весьма трудно, говоря о далекомъ прошедшемъ, отдѣляться отъ того, что внесено въ нашу мысль этимъ языкомъ. Если даже изъ сказуемаго «идетъ» отдѣлимъ всѣ формальныя опредѣленія, дѣлающія изъ него третье лицо глагола настоящаго времени, и оставимъ одно только коренное *и*, то и тогда намъ будетъ казаться, что это *и* не обнаруживаетъ особеннаго сродства ни съ однимъ кругомъ воспріятій и безразлично указываетъ на свойство или дѣйствіе, которое можетъ одинаково встрѣтиться во всякомъ изъ нихъ, что поѣтому уже при самомъ своемъ рожденіи оно было результатомъ сліянія воспріятій движенія, взятыхъ изъ разныхъ чувственныхъ образовъ. Это такъ кажется потому, что къ самому началу языка мы относимъ ту всестороннюю связь языка между его корнями, которая на дѣлѣ можетъ быть только слѣдствіемъ продолжительныхъ усилий мысли. Можно однако, если не ошибаемся, сдѣлать нѣкоторыя поправки въ этомъ взглѣдѣ и указать приблизительно на то значеніе, какое имѣло первоначальное соединеніе двухъ словъ.

Обыкновенно отличаютъ сужденія аналитическія отъ синтетическихъ. Въ первыхъ предикать есть только явственное повтореніе момента, скрытаго въ субъектѣ, такъ что все сужденіе представляется разложеніемъ одной мысленной

¹⁾ Gr. L. u. Ps. 327.

единицы, напр. «вода бѣжитъ», «золото желто», т. е. вода+теченье, золото+желтизна даны уже въ неразрѣшенномъ въ суждениі чувственному образѣ воды, золота; во вторыхъ, предикать по отношению къ субъекту есть иѣчто новое, немыслимое непосредственно въ этомъ послѣднемъ, но связанное съ нимъ посредствующимъ рядомъ мыслей, напр. «сумма угловъ въ треугольнико равна двумъ прямымъ» или «часы похожи на людей» (гдѣ между соединяемыми членами часы+сходство съ людьми есть среднее, напр. и часы, и люди лѣтомъ ходятъ медленнѣе, чѣмъ зимою). Не думая изглаживать разницу между этими суждениями, можно замѣтить, что даже въ строго-синтетическихъ сужденияхъ, въ коихъ соединеніе членовъ есть слѣдствіе умозаключенія, можно видѣть разложеніе одного круга мыслей, потому-что должна-же въ самомъ субъектѣ заключаться причина, почему онъ требуетъ именно такого предиката и, наоборотъ, предикать должно указывать на необходимость соединенія съ тѣмъ, а не другимъ субъектомъ. Если прибавимъ къ этому, что синтетическое сужденіе, какъ предполагающее болѣе усилий ума, должно появиться позже, что должно было быть время исключительного господства аналитическихъ суждений изъ непосредственно чувственного восприятія; то согласимся, что вообще предложенія и сужденія не сложены изъ двухъ представлений или понятій, но чувственный образъ, слѣдовательно единство, есть первое, а сужденіе есть уже разложеніе этого единства¹⁾). Однако, съ точки языка нужно прибавить, что такое разложеніе чувственного образа можетъ осуществиться только посредствомъ соединенія его съ другою подобною единицею, такъ-что въ суждениі, насколько оно выражено сочетаніемъ не менѣе двухъ словъ, можно видѣть не только разложеніе единицы, но и появление единства изъ двойственности. Отношеніе этого къ вопросу о первоначальномъ значеніи предложения пояснимъ немногими примѣрами. Предположимъ, что слово *вода* есть

¹⁾ Steinth. Gr. L. und Ps. 330 Cp. Waitz Lehrb. der Ps. 533—4.

привычное сказуемое для входящихъ въ сознаніе и требующихъ апперцепціи чувственныхъ восприятій воды, сказуемое, которое не означаетъ еще исключительно предмета, но представляетъ сознанію весь чувственный образъ воды посредствомъ признака *течь* (ср. лат. *Ud-is*, мокрый, влажный, греч. *ὑδ-օρ* и русск. собственное имя рѣки Уды). Послѣдовательно будетъ принять, что и наши слова *свѣтить*, *свѣтлый*, очищенные отъ формальныхъ частицъ и возведенные къ первобытной формѣ, означали определенный образъ, какъ безразличную совокупность субстанціи и атрибутовъ, посредствомъ признака *свѣтить*. Въ первообразѣ предложения «вод (а) свѣт (ла)» составная части еще не теряютъ свойствъ, принадлежавшихъ имъ, когда онѣ употреблялись только порознь. Если въ новомъ восприятіи воды глазъ пораженъ ея прозрачностью или отраженіемъ въ ней солнечного свѣта, то это восприятіе сначала все-же апперцируется словомъ *вода* (при чемъ произойдетъ сужденіе, соответствующее нашему: (это) вода!), но вслѣдъ за тѣмъ вызоветъ въ сознаніе совершенно другой образъ и вторично апперцинируется связаннымъ съ этимъ послѣднимъ словомъ *свѣт* (ла). Обозначивши новое восприятіе черезъ *x*, первое входящее въ сознаніе слово черезъ *a*, второе черезъ *b*, можемъ выразить весь процессъ такимъ образомъ: $x = a = b$; но *x* не выражается словомъ и не сознается, а потому для сознанія остается только $a = b$. Смысь предложения будетъ: представляемое мною въ словѣ *вода* дѣйствуетъ на меня такъ или есть для меня то, что представляемое мною въ словѣ *свѣт* (ла). Точно такъ слово *зеленый* въ старину нетолько имѣло менѣе определенное значеніе, чѣмъ то, какое мы приаемъ ему теперь, нетолько означало свѣтлый цвѣтъ вообще, но и безъ сомнѣнія явственно обнаруживало связь съ определеннымъ чувственнымъ образомъ свѣтлаго предмета, хотя нельзя сказать съ какимъ именно. Чувственный образъ звука, цвѣта есть самъ въ себѣ противорѣчіе, потому что мы видимъ не одинъ цвѣтъ, а цвѣтной предметъ, и даже звукъ, котораго дѣйствительный источникъ можетъ отъ насъ скрываться, мы пріу-

рочиваемъ къ тому предмету, со стороны коего онъ слышенъ. Названія нѣкоторыхъ цвѣтовъ еще и теперь явственно указываютъ на чувственные образы, изъ коихъ они выдѣлены: какъ голубой есть цвѣтъ голубя, соловой—соловья, поль. *niebieski*—цвѣтъ неба, такъ и зеленый сначала мыслилось не отдельно, какъ качество, а въ чувственномъ образѣ, который обнималъ предметъ, дѣйствие и качество и обозначался, положимъ, словомъ *gar* или гр. (ср. малор. гранный, зеленый, и обычный переходъ г въ з, р въ л). Когда слово это соединилось со словомъ *трава* (внутренняя форма коего, видная въ корнѣ *тру-(ти)*, бѣсть, жратъ, откуда отругу-та и о-трав-а), то тѣмъ самымъ созналось и отношение двухъ до того раздѣльныхъ чувственныхъ образовъ, и предложеніе «трава зелена» значило: «то, что я представляю *снѣдью* значить для меня то, что я представляю *свѣтлымъ*». Мы не можемъ себѣ представить первоначального предложенія иначе, какъ въ видѣ явственнаго для говорящаго сравненія двухъ самостоятельно сложившихся чувственныхъ образовъ, и по этому поводу напомнимъ сдѣланное выше опредѣленіе слова вообще, какъ средства апшероніи или, что тоже, средства сравненія. Въ языкѣ нѣть собственныхъ выражений, и чѣмъ болѣе точному анализу подвергнемъ мы слово, тѣмъ болѣе сходства обнаружить оно съ символическими выраженіями позднѣйшей народной поэзіи, съ тою, конечно, разницею, что послѣднія въ общей массѣ будутъ гораздо сложнѣе и отвлеченнѣе первобытныхъ историческихъ речений.

Согласившись видѣть сравненія въ первобытныхъ предложеніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны будемъ принять ихъ несовершенство и недостаточность для цѣлой мысли. Какъ бы ни было прекрасно сравненіе, но оно заставляетъ насъ думать о многомъ, что вовсе не составляетъ необходимой принадлежности мыслимаго субъекта, оно насъ развлекаетъ или, лучше сказать, само есть отсутствіе той сосредоточенности, безъ которой нѣть строгаго мышленія. Положимъ, что сравненіе старыхъ супруговъ съ двумя инами

безъ отпрысковъ (срѣ. «Као два одѣјена паня») говорить намъ о сиротствѣ, бездѣтности; но этотъ предикатъ непосредственно присоединяется къ субъекту и заставляетъ насъ перейти отъ человѣка къ дереву, жизнь котораго въ сущности совершенно отлична отъ человѣческой, присоединять къ мысли о бездѣтной старости человѣка много такого, что, съ нашей точки, не должно бы заключаться въ этой мысли. Тоже слѣдуетъ сказать о первоначальномъ значеніи предложенийъ «вода свѣтла», «трава зелена»: они еще слишкомъ напоминали случайную ассоціацію воспріятій, хотя уже не были ею въ дѣйствительности. Отвѣтъ на возникающей отсюда вопросъ о средствахъ, какими мысль достигаетъ той степени отвлеченности, которая даетъ намъ возможность принимать сравненія за собственные выраженія и непосредственно, не думая о постороннемъ, находить въ субъектѣ извѣстные признаки; отвѣтъ на это найдется, если сообразимъ слѣдующее. Сказуемое въ предложениі «трава зелена», рассматриваемое отдельно отъ подлежащаго, есть для насъ не цвѣть извѣстнаго предмета, а зеленый цвѣтъ вообще, потому что мы *забыли* и внутреннюю форму этого слова, и толь опредѣленный кругъ признаковъ (образъ), который доводилъся ею до сознанія; точно-такъ и подлежащее *трава* даетъ намъ возможность безъ всякихъ фигуръ присоединить къ нему извѣстное сказуемое, потому что для насъ это слово обозначаетъ не «служащее въ пищу», а траву вообще, какъ субстанцію, готовую принять всякий аттрибути. Такое *забвеніе* внутренней формы можетъ быть удовлетворительно выведенено изъ многократнаго повторенія процесса соединенія словъ въ двучленныя единицы. Чѣмъ съ большимъ количествомъ различныхъ подлежащихъ соединялось сказуемое *зеленый*, тѣмъ болѣе терялись въ массѣ другихъ признаки образа, первоначально съ нимъ связанные. Способность забвѣнія и здѣсь, какъ при объединеніи чувственного образа до появленія слова, является средствомъ отѣнить и выдвинуть впередъ извѣстныя черты воспріятій. Но оставляемое такимъ образомъ въ тѣни не пропадаетъ даромъ, потому

что, съ другой стороны, чѣмъ больше различныхъ сказуемыхъ перебывало при словѣ *трава*, тѣмъ на большее количество суждений разложился до того нераздѣльный образъ травы. Субстанція травы, очищаясь отъ всего посторонняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обогащается атрибутами.

Всякое сужденіе есть актъ апперцепціи, толкованія, познанія, такъ что совокупность суждений, на которыхъ разложился чувственный образъ, можемъ назвать аналитическимъ познаніемъ образа. Такая совокупность есть *понятіе*.

Потому же, почему разложеніе чувственного образа невозможно безъ слова, необходимо принять и необходимость слова для понятія. Мы еще разъ приведемъ относящееся сюда мѣсто Гумбольта, гдѣ теперь легко будетъ замѣтить важную черту, дополняющую только-что сказанное о понятіи. «Интеллектуальная дѣятельность, вполнѣ духовная и внутренняя, проходящая въ некоторымъ образомъ безслѣдно, въ звуки рѣчи становится чѣмъ-то внѣшнимъ и ощущимъ для слуха... Она (эта дѣятельность) и сама по себѣ (независимо отъ принимаемаго здѣсь Гумбольтомъ тождества съ языкомъ) заключаетъ въ себѣ необходимость соединенія со звукомъ: безъ этого мысль не можетъ достичнуть ясности, представленіе (т. е. по принятой нами терминологіи, чувственный образъ) не можетъ стать понятіемъ¹⁾. Здѣсь признается тождественность ясности мысли и понятія, и это вѣрно, потому что образъ, какъ безыменный конгломератъ отдѣльныхъ актовъ души, не существуетъ для самосознанія и уясняется только по мѣрѣ того, какъ мы раздробляемъ его, превращая посредствомъ слова въ сужденія, совокупность коихъ составляетъ понятіе. Значеніе слова при этомъ условливается его чувственностью. Въ ряду суждений, развивающемся изъ образа, послѣдующія возможны только тогда, когда предшествующія объективированы въ словѣ. Такъ, шахматному игроку нужно видѣть передъ собою доску, съ расположенными на ней фигурами, чтобы дѣлать ходы,

¹⁾ Ueb. die Versch. 51.

сообразные съ положениемъ игры; какъ для него сначала смутный и шаткий планъ уясняется по мѣрѣ своего осуществленія, такъ для мыслящаго—мысль по мѣрѣ того, какъ выступаетъ ея пластическая сторона въ словѣ и вмѣстѣ, какъ разматывается ея клубокъ. Можно играть и не глядя на доску, при чемъ непосредственное чувственное воспріятіе доски и шашекъ замѣняется воспоминаніемъ; явленіе это только потому принадлежитъ къ довольно рѣдкимъ, что такое крайне-спеціализированное мышленіе, какъ шахматная игра, лишь для немногихъ есть дѣло жизни. Подобнымъ образомъ можно думать безъ словъ, ограничиваясь только болѣе-менѣе явственными указаціями на нихъ или-же прямо на самое содержаніе мыслимаго, и такое мышленіе встрѣчается гораздо чаще (напр. въ наукахъ, отчасти замѣняющихъ слова формулами), именно вслѣдствіе своей большей важности и связи со многими сторонами человѣческой жизни. Не слѣдуетъ однако забывать, что умѣніе думать по человѣчески, но безъ словъ, дается только словомъ, и что глухонѣмой безъ говорящихъ или выученныхъ говорящими учителями, вѣкъ оставался бы почти животнымъ.

¶ Съ ясностію мысли, характеризующею понятіе, связано другое его свойство, именно то, что только понятіе (а вмѣстѣ съ тѣмъ и слово, какъ необходимое его условіе) вноситъ идею законности, необходимости, порядка въ тотъ міръ, которымъ человѣкъ окружаетъ себя и который ему суждено принимать за дѣйствительный. Если уже, говоря о человѣческой чувственности, мы видѣли въ ней стремленіе, объективно оцѣнивая воспріятія, искать въ нихъ самихъ внутренней законности, строить изъ нихъ систему, въ которой отношения членовъ столь-же необходимы, какъ и члены сами по себѣ; то это было только признаніемъ невозможности иначе отличить эту чувственность отъ чувственности животныхъ: На дѣлѣ упомянутое стремленіе становится замѣтнымъ только въ словѣ и развивается въ понятіи. До сихъ поръ форму вліянія предшествующихъ мыслей на послѣдующую мысль одинаково могли называть сужденіемъ, апперцепціею, связы-

вала ли эта послѣдня образы или представления и понятія; но принимая бытіе познанія, исключительно свойственнаго человѣку, мы тѣмъ самыемъ отличали извѣстный родъ апперцепціи отъ простаго отнесенія новаго воспріятія къ сложившемуся прежде схемѣ. Здѣсь только яснѣе скажемъ, что собственно человѣческая апперцепція, сужденіе представления и понятія, отличается отъ животной тѣмъ, что рождаетъ мысль о необходимости соединенія своихъ членовъ. Эта необходимость податлива: предъ лицомъ всякаго новаго сочетанія, уничтожающаго прежнія, эти послѣднія являются заблужденіемъ; но и то, что признано нами за ошибку, въ свое время имѣло характеръ необходимости, да и самое понятіе о заблужденіи возможно только въ душѣ, которой доступна его противоположность. Когда Филиппъ сказалъ Наѳанаилу: «мы нашли того, о комъ писалъ Мойсей въ законѣ и пророки, Иисуса, сына Іосифова, изъ Назарета», и когда Наѳанаиль отвѣчалъ ему: «можеть-ли что пущее быть изъ Назарета», онъ, какъ самъ потомъ увидѣлъ, ошибался, но очень неполное понятіе о человѣкѣ, родомъ изъ Назарета, было для него готовою нормою, съ которой необходимо должно было сообразоваться все, что будетъ отнесено къ ней впослѣдствіи. Такіе примѣры на каждомъ шагу въ жизни. Не останавливаясь на такихъ однородныхъ съ упомянутымъ случаяхъ, какъ употребленіе руководящихъ нашимъ мышлѣемъ понятій кацала, хохла, цыгана, жида, Собакевича, Манилова, мы замѣтимъ, что и тамъ, гдѣ нѣтъ клички, нѣтъ ни явственной похвалы, ни порицанія, *общее* служить однако закономъ *частному*. Если извѣстная пословица «курица не птица, прапорщикъ не офицеръ» предполагаетъ знаніе, какова должна быть настоящая птица, настоящій офицеръ, то опредѣляющее понятіе или слово въ простомъ утвержденіи «это — птица» или «птица!» должно тоже содержать въ себѣ законъ объясняемаго, хотя въ выраженіи «птица», въ которомъ одинъ членъ апперцепціи — еще чувственное воспріятіе, не получившее обѣлки, необходимой для дальнѣйшихъ успѣховъ мысли, этотъ законъ — еще только въ зародыши. Такимъ законодательнымъ схемамъ под-

чиняеть человѣкъ и всѣ свои дѣйствія. Произволъ, собственно говоря, возможенъ только на дѣлѣ, а не въ мысли, не на словахъ, которыми человѣкъ объясняетъ свои побужденія. Самодуръ, въ расплохъ принужденный къ отвѣту, на чемъ онъ основываетъ свою дурь, скажетъ: «я такъ хочу», отвергая всякую мѣру своихъ дѣйствій, сошлеется однако на свое я, какъ на законъ. Но онъ самъ недоволенъ своимъ отвѣтомъ и сдѣлалъ его только потому, что не нашелъ другаго. Кажется труднымъ представить себѣ «sic volo», сказанное не въ шутку, но безъ гибва. Въ недалекомъ отъ него, но болѣе спокойномъ «такой ужъ у меня норовъ», слышится извиненіе и болѣе явственное сознаніе необходимости, съ какою изъ извѣстныхъ нравственныхъ качествъ вытекаютъ тѣ, а не другія дѣйствія. Чаще произволъ ищетъ оправданія вѣнѣ себя, въ мысляхъ, что «на томъ свѣтѣ стоитъ» и т. п., при чемъ ясно выступаетъ сознаніе закона отдѣльныхъ явлений. Какъ сами себя осуждаемъ за «sic volo», такъ вчужѣ то, для чего не можемъ присказать закона, чтѣ «ни ракъ, ни рыба», тѣмъ самимъ становится для насъ достойнымъ порицанія.

Изъ сказанного можно видѣть, чего мы не предполагаемъ въ соответствующихъ человѣческихъ формамъ душевной дѣятельности животныхъ. Если собака обнаруживаетъ радость при стукѣ тарелокъ, или если отогнанная гуртовщикомъ скотина реветь, не встрѣчая знакомыхъ предметовъ, если птица съ крикомъ кружится надъ разореннымъ гнѣздомъ, то въ первомъ случаѣ произошло иѣчто въ родѣ положительного сужденія (новое воспріятіе *естъ* сумма прежнихъ, т. е. сливается съ ними), въ двухъ другихъ—иѣчто въ родѣ сужденія отрицательного (новое *не есть* прежнее, т. е. не сливается со входящимъ въ сознаніе прежнимъ). Но нигдѣ иѣчто внутренняго единства между членами сочетанія, потому что нигдѣ одинъ членъ не является закономъ, который бы управлялъ другимъ. Внутреннее единство, противоположное механичности сочетанія, тождественно для насъ съ сознаніемъ необходимости или случайности. Это единство сводится на отношеніе между предметомъ и его признакомъ, субстанцію и атрибутомъ или акци-

денцію. Въ животномъ мы потому же отрицаемъ сознаніе необходимости, почему не приписываемъ ему вообще способности критически относиться къ механическому течению своихъ воспріятій, почему не предполагаемъ въ немъ разложенія чувственныхъ данныхъ на предметы и признаки¹⁾.

Слово не есть, какъ и слѣдуетъ изъ предыдущаго, вышняя прибавка къ готовой уже въ человѣческой душѣ идеѣ необходимости. Оно есть вытекающее изъ глубины человѣческой природы средство создавать эту идею, потому что только посредствомъ него происходитъ и разложеніе мысли. Какъ въ словѣ впервые человѣкъ сознаетъ свою мысль, такъ въ немъ же прежде всего онъ видитъ ту законность, которую потомъ переносить на міръ. Мысль, вскормленная словомъ, начинаетъ относиться непосредственно къ самимъ понятіямъ, въ нихъ находится искомое знаніе, на слово же начинаетъ смотрѣть какъ на посторонній и произвольный знакъ, и представляеть специальной наукѣ искать необходимости въ цѣломъ зданіи языка и въ каждомъ отдельномъ его камѣ.

Столь же важную роль играетъ слово и относительно другаго свойства мысли, нераздѣльного съ предшествующимъ, именно относительно стремленія всему назначать свое мѣсто въ системѣ. Какъ необходимость достигаетъ своего развитія въ понятіи и наукѣ, исключающей изъ себя все случайное, такъ и наклонность систематизировать удовлетворяется наукой, въ которую не входитъ безсвязное. Путь наукѣ уготовляется словомъ. «Нерѣдко, говоритъ Лоце, кажется, будто мы невполнѣ знаемъ извѣстный предметъ, свойства коего мы изслѣдовали со всѣхъ сторонъ, полный образъ коего мы уже составили, если не знаемъ его имени. Повидимому только звукъ слова мгновенно разсѣваетъ эту тьму, хотя этотъ звукъ ничего не прибавляетъ къ содержанію, хотя далеко не всегда слово объясняетъ предметъ указаніемъ его мѣста въ ряду другихъ или въ объемѣ высшаго понятія» (сочетанія въ родѣ нашихъ: *тростъ — дерево, китъ — рыба, нѣм. Wallfisch,*

¹⁾ Ср. Lotze, Mikrokosm. I, 253—6; II, 231—2, 277—8, 280—3.

Rennthier — довольно рѣдки). «Ботанизирующей молодежи доставляемъ удовольствие узнавать латинскія названія растений», или, чтобы взять болѣе знакомый намъ примѣръ, мы заботливо узнаемъ у ямщика имя встрѣчной деревушки, хотя что же намъ даетъ, повидимому, собственное имя? «Намъ мало воспріятія предмета; чтобы имѣть право на бытіе, этотъ предметъ долженъ быть частью расчлененной системы, которая имѣеть значеніе сама по себѣ, независимо отъ нашего знанія. Если мы не въ силахъ дѣйствительно опредѣлить мѣсто, занимаемое извѣстнымъ явленіемъ въ цѣломъ природы, то довольствуемся однимъ именемъ. Имя свидѣтельствуетъ намъ, что вниманіе многихъ другихъ поклонилось уже на встрѣченномъ нами предметѣ; оно ручается намъ за то, что общий разумъ (*Intelligenz*), по-крайней-мѣрѣ, пытался уже и этому предмету назначить опредѣленное мѣсто въ единствѣ болѣе обширнаго цѣлага. Если имя и не даетъ ничего новаго, никакихъ частностей предмета, то оно удовлетворяетъ человѣческому стремленію постигать объективное значеніе вещей, оно представляетъ незнакомое намъ чѣмъ-то не безизвѣстнымъ общему мышленію человѣчества, но давно уже постановленнымъ на свое мѣсто. Потому то произвольно данное нами имя не есть имя; недостаточно назвать вещь, какъ попало: она дѣйствительно должна такъ называться, какъ мы ее зовемъ; имя должно быть свидѣтельствомъ, что вещь принята въ міръ общепризнаннаго и познаннаго и, какъ прочное опредѣлѣніе вещи, должно ненарушимо противостоять личному произволу»¹⁾). Все выписанное здѣсь кажется вполнѣ справедливымъ и напоминаетъ мысль Гумбольта: «Sprechen heisst sein besonderes Denken an das allgemeine anknüpfen», говорить значитъ связывать свою личную узкую мысль съ мышленіемъ своего племени, народа, человѣчества. Намъ остается только прибавить, что только въ ту пору, когда человѣку стала болѣе-менѣе доступна научная система понятій, слово на самомъ дѣлѣ вносить въ мысль весьма

¹⁾) Lotze Mikr. II, 288—9.

мало; первоначально же оно действительно дает новое содержание, указывая на отношение мыслимой единицы къ ряду другихъ. Въ этомъ можно убѣдиться напр. изъ всякаго разумнаго, основанного на языкѣ, миѳологического изслѣдования. Въ извѣстные периоды живость внутренней формы даетъ мысли возможность проникать въ прозрачную глубину языка; слово, обозначающее, положимъ, старость человѣка, своимъ средствомъ со словами для дерева указываетъ на миѳъ о происходженіи людей изъ деревьевъ, по своему связываетъ человѣка и природу, вводить слѣдовательно мыслимое при словѣ *старость* въ систему своеобразную, несоответствующую научной, но предполагаемой ею.

Указанныя до сихъ порь отношенія понятія къ слову сводятся къ слѣдующему: слово есть средство образованія понятія, и притомъ не вѣнчнее, не такое, каковы изобрѣтенные человѣкомъ средства писать, рубить дрова и проч., а внушенное самою природою человѣка и незамѣнимое; характеризующая понятіе ясность (раздѣльность признаковъ), отношеніе субстанціи къ атрибуту, необходимость въ ихъ соединеніи, стремленіе понятія занять мѣсто въ системѣ: все это первоначально достигается въ словѣ и прообразуется имъ такъ, какъ рука прообразуетъ всевозможныя машины. Съ этой стороны слово сходно съ понятіемъ, но здѣсь же видно и различие того и другаго.

Понятіе, рассматриваемое психологически, т. е. не съ одной только стороны своего содержанія, какъ въ логикѣ, но и со стороны формы своего появленія въ дѣйствительности, однимъ словомъ—какъ дѣятельность, есть извѣстное количество сужденій, слѣдовательно не одинъ актъ мысли, а цѣлый рядъ ихъ. Логическое понятіе, т. е. одновременная совокупность признаковъ, отличенная отъ агрегата признаковъ въ образѣ, есть фикція, впрочемъ совершенно необходиная для науки. Несмотря на свою длительность, психологическое понятіе имѣть внутреннее единство. Въ нѣкоторомъ смыслѣ оно заимствуетъ это единство отъ чувственного образа, потому что, конечно, еслибы напримѣръ образъ

дерева не отдѣлился отъ всего посторонняго, которое воспринималось вмѣстѣ съ нимъ, то и разложеніе его на сужденія съ общимъ субъектомъ было бы невозможно; но какъ о единствѣ образа мы знаемъ только透过 представлениe и слово, такъ и рядъ сужденій о предметѣ связывается для насъ тѣмъ-же словомъ. Слово можетъ, следовательно, одинаково выражать и чувственный образъ, и понятіе. Впрочемъ человѣкъ, иѣкоторое время пользовавшійся словомъ, развѣ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ будетъ разумѣть подъ нимъ чувственный образъ, обыкновенно же думаетъ при немъ рядъ отношеній: легко представить себѣ, что слово *солнце* можетъ возбуждать одно только воспоминаніе о свѣтломъ солнечномъ кругѣ; но нетолько астронома, а и ребенка или дикаря оно заставляетъ мыслить рядъ сравненій солнца съ другими примѣтами, т. е. понятіе, болѣе или менѣе совершеннное, смотря по развитію мыслящаго, напр. солнце—меньше (или же многимъ больше) земли; оно колесо (или имѣть сферическую форму); оно благодѣтельное или опасное для человѣка божество (или безжизненная матерія, вполнѣ подчиненная механическимъ законамъ) и т. д. Мысль наша, по содержанію, есть или образъ, или понятіе; третьего средняго между тѣмъ и другимъ нѣтъ; но на поясненіи слова понятіемъ или образомъ мы останавливаемся только тогда, когда особенно имъ заинтересованы, обыкновенно же ограничиваемся однимъ только словомъ. Поэтому мысль со стороны формы, въ какой она входить въ сознаніе, можетъ быть нетолько образомъ или понятіемъ, но и представлениемъ или словомъ. Отсюда ясно отношеніе слова къ понятію. Слово, будучи средствомъ развитія мысли, измѣненія образа въ понятіе, само не составляетъ ея содержанія. Если помнится центральный признакъ образа, выражаемый словомъ, то онъ, какъ мы уже сказали, имѣть значеніе не самъ по себѣ, а какъ знакъ, символъ извѣстнаго содержанія; если вмѣстѣ съ образованіемъ понятія теряется внутренняя форма, какъ въ большей части нашихъ словъ, принимаемыхъ за коренные, то слово становится чистымъ указаніемъ на мысль,

между его звукомъ и содеряніемъ не остается для сознанія говорящаго нечего средняго. Представлять значитъ, следовательно, думать сложными рядами мыслей, не вводя почти ничего изъ этихъ рядовъ въ сознаніе. Съ этой стороны значение слова для душевной жизни можетъ быть сравнено съ важностью буквеннаго обозначенія численныхъ величинъ въ математикѣ, или со значеніемъ различныхъ средствъ, замѣняющихъ непосредственно цѣнныя предметы (напр. денегъ, векселей) для торговли. Если сравнить созданіе мысли съ приготовленіемъ ткани¹⁾, то слово будетъ ткацкій челнокъ, разомъ проводящій утокъ въ рядъ нитей основы и замѣняющій медленное плетенье²⁾. Поэтому несправедливо было бы упрекать языкъ въ томъ, что онъ замедляетъ теченіе нашей мысли. Нѣть сомнѣнія, что тѣ дѣйствія нашей мысли, которыя въ мгновеніе своего совершенія не нуждаются въ непосредственномъ пособіи языка, происходятъ очень быстро. Въ обстоятельствахъ, требующихъ немедленнаго соображенія и дѣйствія, напр. при неожиданномъ вопросѣ, когда многое зависитъ отъ того, каковъ будетъ нашъ отвѣтъ, человѣкъ до отвѣта въ одно почти недѣлимое мгновеніе можетъ безъ словъ передумать весьма многое. Но языкъ не отнимаетъ у человѣка этой способности, а напротивъ, если не даетъ, то по-крайней-мѣрѣ усиливаетъ ее. То, что называются житейскимъ, научнымъ, литературнымъ тактомъ, очевидно предполагаетъ мысль о жизни, наукѣ, литературѣ,— мысль, которая не могла бы существовать безъ слова. Еслибы человѣку доступна была только безсловесная быстрота решенія, и еслибы слово, какъ условіе совершенствованія,

¹⁾ Zwar ist's mit der Gedanken-Fabrik,
Wie mit einem Weber-Meisterst ck,
Wo ein Tritt tausend F den regt,
Die Schifflein heruber hinüber schiessen,
Die F den ungesehen fliessen,
Ein Schlag tausend Verbindungen schl gt.
(Faust).

²⁾ G. Steindhal, Zur Sprachphilos. Zeitschrift von Fichte und Ulrici, XXXII, 197—201.

было нераздѣльно съ медленностью мысли, то все же эту медленность слѣдовало бы предпочесть быстротѣ. Но слово, раздробляя одновременные акты души на послѣдовательные ряды актовъ, въ тоже время служить опорою врожденаго человѣку стремлениія обнять многое однимъ нераздѣльнымъ порывомъ мысли. Дробность, дискурсивность мышленія, приписываемая языкку, создала тотъ стройный міръ, за предѣлы коего мы, разъ вступивши въ нихъ, уже не выходимъ; только, забывши это, можно жаловаться, что именно языкъ мѣшаєтъ намъ продолжать твореніе. Крайняя бѣдность и ограниченность сознанія до слова не подлежитъ сомнѣнію, и говорить о несовершенствахъ и вредѣ языка вообще было бы умѣстно только въ такомъ случаѣ, еслибы мы могли принять за достояніе человѣка недосыгаемую цѣль его стремлений, божественное совершенство мысли, примиряющее полную наглядность и непосредственность чувственныхъ воспріятій съ совершенной одновременностью и отличностью мысли.

Слово можетъ быть орудіемъ съ одной стороны разложенія, съ другой—*сгущенія* мысли единственно потому, что оно есть представленіе, т. е. не образъ, а образъ образа. Если образъ есть актъ сознанія, то представленіе есть познаніе этого сознанія. Такъ какъ простое сознаніе есть дѣятельность не посторонняя для насъ, а въ насъ происходящая, обусловленная нашимъ существомъ, то сознаніе сознанія или есть то, что мы называемъ самосознаніемъ, или полагаетъ ему начало и ближайшимъ образомъ сходно съ нимъ. Слово рождается въ человѣкѣ невольно и инстинктивно, а потому и результатъ его, самосознаніе, должно образоваться инстинктивно. Здѣсь найдемъ противорѣчіе, если атрибутомъ самосознанія сдѣлаемъ свободу и намѣренность.

Если бы въ то самое мгновеніе, какъ я думаю и чувствую, мысль моя и чувство отражались въ самосознующемъ *я*, то дѣйствительно упомянутое противорѣчіе имѣло бы полную силу. На сторонѣ *я*, какъ объекта, была бы необходимость, съ какою представленія и чувства, смѣняя другъ друга, безъ нашего вѣдома образуютъ тѣ или другія сочлененія.

тания; на сторонѣ *я*, какъ субъекта, была-бы свобода, съ какою это внутреннее око то обращается къ сценѣ душевной жизни, то отвращается отъ нея. *Я* сознающее и *я* сознаваемое не имѣли бы ничего общаго: *я*, какъ объектъ, намъ известно, измѣнчиво, усовершими; *я*, какъ субъектъ, неопредѣлимо, потому что всякое его опредѣленіе есть содержаніе мысли, предметъ самосознанія, иетождественный съ самосознующимъ *я*; оно неизмѣнно и неусовершими, по-крайней-мѣрѣ неусовершими понятнымъ для настѣнь образомъ, потому что предикатовъ его, въ коихъ должно происходить измѣненіе, мы не знаемъ. Допустивши одновременность сознаваемаго и сознующаго, мы должны отказаться отъ объясненія, почему самосознаніе пріобрѣтается только долгимъ путемъ развитія, а не дается намъ вмѣстѣ съ сознаніемъ.

Но опытъ показываетъ, что настоящее наше состояніе не подлежитъ нашему наблюденію, и что замѣченное нами за собою принадлежитъ уже прошедшему. Деятельность моей мысли, становясь сама предметомъ моего наблюденія, измѣняется извѣстнымъ образомъ, перестаетъ быть собою; еще очевидище, что сознаніе чувства, слѣдовательно мысль, не есть это чувство. Отсюда можно заключить, что въ самосознаніи душа не раздвоится на *сознаваемое* и чистое *сознующее я*, а переходитъ отъ одной мысли къ мысли объ этой мысли, т. е. къ другой мысли, точно такъ, какъ при сравненіи отъ сравниваемаго къ тому, съ чѣмъ сравнивается. Затрудненія, встрѣчаемыя при объясненіи самосознанія, понятаго такимъ образомъ, тѣ же, что и при объясненіи простаго сравненія. Говоря, что сознаваемое въ процессѣ самосознанія есть прошедшее, мы сближаемъ его отношеніе къ сознующему *я* съ тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ находится прочитанная нами первая половина периода ко второй, которую мы читаемъ въ данную минуту и которая, дополняя первую, сливается съ нею въ одинъ актъ мысли. Если я говорю: «Я думаю то-то», то это можетъ значить, что я прилагаю такую-то свою мысль, въ свое мгновеніе поглощавшую всю мою умственную дѣятельность, къ непрерывному ряду

чувственныхъ воспріятій, мыслей, чувствъ, стремлений, составляющему мое я; это значитъ, что я апперципирую упомянутую мысль своимъ я, изъ котораго въ эту минуту можетъ находиться въ сознаніи очень немногое. Апперципирующее не есть здѣсь неизмѣнное чистое я, а, напротивъ, есть нѣчто очень измѣнчивое, нарастающее съ общимъ нашимъ развитиемъ; оно не тождественно, но однородно съ апперципируемымъ, подлежащимъ самосознанію; можно сказать, что при самосознаніи данное состояніе души не отражается въ ней самой, а находится подъ наблюденіемъ другаго его состоянія, т. е. известной, болѣе или менѣе определенной мысли. Такъ напр., спрашивая себя, не проронилъ ли я лишняго слова въ разговорѣ съ такимъ то, я стараюсь дать отчетъ не чистому я и не всему содержанию своего эмпирическаго я, а только одной мысли объ томъ, что слѣдовало мнѣ говорить съ этимъ лицомъ, мысли, безъ сомнѣнія, связанный со всѣмъ моимъ прошедшими. Такъ у психолога известный научный вопросъ, цѣль, для которой онъ наблюдаетъ за собою, есть вмѣстѣ и наблюдающая, господствующая въ то время въ его сознаніи частица его я. Рассматривая самосознаніе съ такой точки, съ которой оно сходно со всякою другою апперцепціею, можно его вывести изъ такихъ пепамѣреныхъ душевныхъ дѣйствий, какъ апперцепція въ словѣ, т. е. представлениѣ.

Доказывая, что представлениѣ есть инстинктивное начало самосознанія, не слѣдуетъ однако упускать изъ виду, что содержаніе самосознанія, т. е. раздѣленіе всего, что есть и было въ сознаніи на я и не я, есть нѣчто постоянно развивающееся, и что конечно въ ребенка, только что начинающемся говорить, не найдемъ того отдѣленія себя отъ мира, какое находится въ себѣ развитый человѣкъ. Если для ребенка въ первое время его жизни все, приносимое ему чувствами, все содержаніе его души есть еще нерасчлененная масса, то конечно самосознанія въ немъ быть не можетъ, но есть уже необходимое условіе самосознанія, именно невыразимое чувство непосредственной близости всего

находящагося въ сознаніи къ сознающему субъекту. Нѣкоторое понятіе объ этомъ чувствѣ взрослый человѣкъ можетъ получить, сравнивая живость ощущеній, какими наполняютъ его текущія мгновенія жизни, съ тѣмъ болѣшимъ или меньшимъ спокойствіемъ, съ какимъ онъ съ высоты настоящаго смотрить на свое прошедшее, котораго онъ уже не чувствуетъ своимъ, или—съ равнодушнымъ отношеніемъ человѣка ко вѣшнимъ предметамъ, не составляющимъ его личности. На первыхъ порахъ для ребенка еще все—свое, еще все—его *я*, хотя именно потому, что онъ не знаетъ еще внутренняго и виццяяго, можно сказать и наоборотъ, что для него вовсе нѣтъ своего *я*. По мѣрѣ того, какъ извѣстная сочетанія воспріятій отдѣляются отъ этого темнаго грунта, слагаясь въ образы предметовъ, образуется и самое *я*; составъ этого *я* зависитъ отъ того, на сколько оно выдѣлило изъ себя и объективировало *не—я*, или, наоборотъ, отъ того, насколько само выдѣлилось изъ своего міра: все равно, скажемъ ли мы такъ или иначе, потому что исходное состояніе сознанія есть полное безразличіе *я* и *не я*. Ходъ объективированія предметовъ можетъ быть иначе названъ процессомъ образованія взгляда на міръ; онъ не выдумка досужихъ головъ; разныя его степени, замѣтныя въ недѣлимомъ, повторяеть въ колоссальныхъ размѣрахъ исторія человѣчества. Очевидно напр., что когда міръ существовалъ для человѣчества только какъ рядъ живыхъ, болѣе или менѣе человѣкообразныхъ существъ, когда въ глазахъ человѣка свѣтила ходили по небу не въ силу управляющихъ ими механическихъ законовъ, а руководясь своими соображеніями; очевидно, что тогда человѣкъ менѣе выдѣлялъ себя изъ міра, что міръ его былъ болѣе субъективенъ, что тѣмъ самымъ и составъ его *я* былъ другой, чѣмъ теперь. Можно оставаться при успокоительной мысли, что наше собственное міросозерцаніе есть вѣрный снимокъ съ дѣйствительнаго міра, но нельзя же намъ не видѣть, что именно въ сознаніи заключались причины, почему человѣку періода миѳовъ міръ представлялся такимъ, а не другимъ. Нужно ли прибавлять,

что считать созданье миөовъ за ошибку, болѣзнь человѣчества, значитъ думать, что человѣкъ можетъ разомъ начать со строго-научной мысли, значитъ полагать, что мотылекъ заблуждается, являясь сначала червякомъ, а не мотылькомъ?

Показать на дѣлѣ участіе слова въ образованіи послѣдовательного ряда системъ, обнимающихъ отношенія личности къ природѣ, есть основная задача исторіи языка; въ общихъ чертахъ мы вѣрно поймемъ значеніе этого участія, если принять основное положеніе, что языкъ есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что онъ не отраженіе сложившагося міросозерцанія, а слагающая его дѣятельность. Чтобы уловить свои душевныя движения, чтобы осмыслить свою виѣшнія воспірятія, человѣкъ долженъ каждое изъ нихъ объективировать въ словѣ и слово это привести въ связь съ другими словами. Для пониманія своей и виѣшней природы вовсе не безразлично, какъ представляется намъ эта природа, посредствомъ какихъ именно сравненій стали ощутительны для ума отдѣльныя ея стихіи, насколько истины для насъ сами эти сравненія, однимъ словомъ—не безразличны для мысли: первоначальное свойство и степень забвенія внутренней формы слова. Наука въ своемъ теперешнемъ видѣ не могла бы существовать, если бы напр. оставившія ясный слѣдъ въ языкѣ сравненія душевныхъ движений съ огнемъ, водою, воздухомъ, всего человѣка съ растеніемъ и т. д. не получили для насъ смысла только риторическихъ украшеній или не забылись совсѣмъ; но тѣмъ-не-менѣе она развилась изъ миөовъ, образованныхъ посредствомъ слова. Самый миөъ сходенъ съ наукой въ томъ, что и онъ произведенъ стремленіемъ къ объективному познанію міра.

Чувственный образъ, исходная форма мысли, вмѣстѣ и субъективенъ, потому что есть результатъ намъ исключительно принадлежащей дѣятельности и въ каждой душѣ слагается иначе, и объективенъ, потому что появляется при такихъ, а не другихъ виѣшнихъ возбужденіяхъ и проинцируется душою. Отдѣлять эту послѣднюю сторону отъ той, которая не дается человѣку виѣшними вліяніями и, слѣдова-

тельно, принадлежить ему самому, можно только посредствомъ слова. Рѣчь нераздѣльна съ пониманіемъ, и говорящій, чувствуя, что слово принадлежить ему, въ тоже время предполагаетъ, что слово и представлениe не составляютъ исключительной личной его принадлежности, потому что понятное говорищему принадлежитъ слѣдовательно и этому послѣднему.

Быть можетъ, мы не впадемъ въ противорѣчіе со сказаннымъ выше о высокомъ значеніи слова для развитія мысли, если позволимъ себѣ сравнить его съ игрою, забавою. Сравненіе «*n'est pas raison*», но оно, какъ говорять, можетъ вавести на мысль. Забавы нельзя устранить изъ жизни взрослого и серіознаго человѣка, но взрослый долженъ судить о ея важности не только потому, какое значеніе она имѣеть для него теперь, а и потому, что значила она для него прежде, въ дѣтствѣ. Ребенокъ еще не двоитъ своей дѣятельности на трудъ и забаву, еще не знаетъ другаго труда, кромѣ игры; игра—приготовленіе къ работѣ, игра для него исчерпываетъ лучшую часть его жизни, и потому онъ высоко ее цѣнитъ. Точно такъ, мы не можемъ отдохнуть отъ языка, хотя во многомъ стоимъ выше его (во многомъ—ниже, насколько отдѣльное лицо ниже всего своего народа); о важности его должны судить не только потому, какъ мы на него смотримъ, но и потому, какъ смотрѣли на него предшествующіе вѣка. Не вдаваясь въ серіозныя изслѣдованія, мы здѣсь только намекнемъ на отчасти известные факты, характеризующіе этотъ взглядъ темныхъ вѣковъ.

Теперь и въ простомъ народѣ замѣтно нѣкоторое равнодушіе къ тому, какое именно изъ многихъ подобныхъ словъ употребить въ данномъ случаѣ. Судя по нѣкоторымъ пословицамъ (напр. «не вмеръ Данило, болячка вдавила»), народу кажется смѣшнымъ не видѣть тождества мысли за различiemъ словъ¹⁾). На такой степени развитія, какъ та,

¹⁾ Ср. помѣск. „Не кijem, ino palka; серб. Није по џији, ветъ по врату. Срп. Посл. Кар. 216“. Није украо, него узео, да нико не види, ib. 219; Не бојимсе, но ме је страхъ (говорится въ шутку, когда кто скажетъ, что не боится),

на которую указывают подобные пословицы, находимся мы. За словомъ, которое намъ служить только указаніемъ на предметъ, мы думаемъ видѣть самый предметъ, независимый отъ нашего взгляда¹⁾). Не то предполагаемъ во времена далекія отъ нашего и даже во многихъ случаяхъ въ современномъ простомъ народѣ, употребляющемъ упомянутыя пословицы. Между роднымъ словомъ и мыслью о предметѣ была такая тѣсная связь, что наоборотъ измѣненіе слова казалось непремѣнно измѣненіемъ предмета. Въ примѣръ этого Яцарусъ приводить анекдотъ про нѣмца, который къ странностямъ французовъ причислялъ то, что хлѣбъ они называютъ «*du pain*». Вѣдь мы же, отвѣтилъ ему другой, говоримъ „*Brod*“. Да, сказалъ тотъ, но оно *Brod* и есть. Слѣдуетъ замѣтить, что для этого нѣмца была уже, безъ сомнѣнія, потеряна внутренняя форма слова *Brod*²⁾; оно ничего ему не объясняло, а между-тѣмъ казалось единственнымъ законнымъ названіемъ хлѣба³⁾). Это даетъ намъ право пред-

ib. 194. „Узeo пашe оинилo, па му надъео име оцило“, когда кто, взявши чужое, перепиначить его немного, чтобы не узнали, ib. 230 и пр.

1) Поэтому мы имѣемъ возможность сосредоточить мысль на словѣ, взятоемъ отдельно отъ своего содержанія, что довольно затруднительно для ребенка. Выписываемъ относящееся сюда мѣсто изъ предисловія къ одному малоизѣстному букварю: „Можеть случиться, что ученикъ не будетъ отѣлывать слова отъ предмета, напр., если спросить его, какой звукъ (т. е. какая гласная) въ словѣ *столъ*, можетъ случиться, что онъ будетъ смотрѣть на столъ и не находить тамъ никакого звука. Въ такомъ случаѣ нужно довести его до того, чтобы онъ могъ представлять себѣ слово, какъ нѣчто отдельное отъ предмета. Этого можно достичнуть объясненіемъ неизѣстныхъ ему словъ“.

2) По Гримму, *brot* родственно съ англ. *breotan* и предполагаемъ дрв. в. *priotan*, *brechen*, ломать, такъ что *brot*—то, что ломаютъ, или кусаютъ, дробятъ зубами.

3) Можно, кажется, найти довольно подобныхъ славянскихъ анекдотовъ и пословицъ. „Непознаемъ ја нашега бунаура“ (кукурузной или пшеничной каши), казао некакавъ херцеговацъ, кад је чуо, не турци *буниур* зову *пилавомъ*, бао што га по босни турци, особито спромашнији, заиста и зову и употребљују као пиринацъ (т. е. „мѣсто пилаву изъ риса“). Посл. 208. Херцеговинецъ (надъ котормъ сербы подсмѣиваются, какъ великороссиянинъ надъ хохлонъ) не узналь знакомой каши, по тому что ее назвали непривычнымъ для него именемъ. Ср. также: „кад би трговац свагда добивао (если бы всегда получилъ барышъ) не би се звао *трговац*, него *добивалацъ*“ ib. 115. „Ловацъ, да свагда улови, не би се звао *ловачъ*, него *носачъ*. Речи. Обыкновенныя названія купца, охотника кажутся единственными законными.

положить, что въ то время, когда слово было не пустымъ знакомъ, а еще свѣжимъ результатомъ апперцепціи, объясненія воспріятій, наполнявшаго человѣка такимъ же радостнымъ чувствомъ творчества, какое испытываетъ ученый, въ головѣ коего блеснула мысль, освѣщающая цѣлый рядъ до того темныхъ явленій и неотдѣлимая отъ нихъ въ первыя минуты, что въ то время гораздо живѣе чувствовалась законность слова и его связь съ самимъ предметомъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ языкѣ и поэзіи есть положительный свидѣтельства, что, по вѣрованіямъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, слово есть мысль, слово—истина и правда, мудрость, поэзія. Вмѣстѣ съ мудростью и поэзіею слово относилось къ божественному началу. Есть миѳы, обожествляющіе самое слово. Не говоря о божественномъ словѣ (*λόγος*) евреевъ еллинистовъ, скажемъ только, что какъ у германцевъ Одинъ въ видѣ орла похищаетъ у великановъ божественный медъ, такъ у индусовъ тоже самое дѣлаетъ извѣстный стихотворный *размѣръ*, превращенный въ птицу. Слово есть самая вещь, и это доказывается нестолько филологическою связью словъ, обозначающихъ *слово и вещь*, сколько распространеннымъ на всѣ слова вѣрованіемъ, что они обозначаютъ сущность явлений. Слово, какъ сущность вещи, въ молитвѣ и занятіи получаетъ власть надъ природою. «*Verba.. Quæ mare turbatum, quæ concita flumina sisstant*» (Ovid. Met. VII, 150. Ср. ib. 204 и мн. др.), эти слова имѣютъ такую силу нептолько въ заговорѣ, но и въ поэзіи («*То старина, то и дѣянье, какъ бы синему морю на утишенье*». Др. Р. Ст.), потому что и поэзія есть знаніе. Сила слова не представлялась слѣдствіемъ ни нравственной силы говорящаго (это предполагало бы отдѣленіе слова отъ мысли, а отдѣленія этого не было), ни сопровождающихъ его обрядовъ. Самостоятельность слова видна уже въ томъ, что какъ-бы ни могущественны были порывы молящагося, онъ долженъ знать, какое именно слово слѣдуетъ ему употребить, чтобы произвести желаемое. Таинственная связь слова съ сущностью предмета не ограничивается одними

священными словами заговоровъ: она остается при словахъ и въ обыкновенной рѣчи. Нетолько не слѣдуетъ призывать зла («Не зови зло, јер само може дочи», срн. Посл. 199), но и съ самимъ невиннымъ намѣреніемъ, въ самомъ спокойномъ разговорѣ не слѣдуетъ поминать извѣстныхъ существъ или, по-крайней-мѣрѣ, если рѣчь безъ нихъ никакъ не обойдется, нужно замѣнять обычныя и законныя ихъ имена другими, произвольными и не имѣющими той силы¹⁾. Сказавши неумышленно одно изъ подобныхъ словъ, малорусскій поселянинъ до сихъ поръ еще заботливо оговаривается: «не примѣрюючи», «не передъ ніччу згадуючи» (чтобъ не привидилось и не приснилось); сербъ говорить: «не буди примијено», когда въ разговорѣ сравнивать счастливаго съ несчастнымъ, живаго съ мертвымъ и пр. (ср. Посл. 195), и трудно опредѣлить, где здесь кончается обыкновенная вѣжливость и начинается серіозное опасеніе за жизнь и счастье собесѣдника. Если невзначай языкъ выговорить не то слово, какого требуетъ мысль, то исполняется не мысль говорящаго, а слово. Напр. сербская вѣштица, когда хочеть летѣть, мажеть себѣ подъ мышками извѣстною мазью (какъ и наша вѣдьма) и говоритъ: «ни о трнѣ, ни о громѣ (дубѣ и кустарникѣ тоже, какъ кажется, колючій), вѣн на пометно гумно!». Разсказываютъ, что одна женщина, намазавшись этой мазью, невзначай вместо «ни о трнѣ и пр.» сказала «и о трнѣ» и полетѣвшіи поразрывалась о кусты.

X. Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли.

Символизмъ языка, повидимому, можетъ быть названъ его поэтичностью; наоборотъ, забвеніе внутренней формы кажется намъ прозаичностью слова. Если это сравненіе вѣрно, то вопросъ объ измѣненіи внутренней формы слова оказываетъся тождественнымъ съ вопросомъ объ отношеніи языка къ

¹⁾ Много подтверждающихъ это вѣмецкихъ примѣровъ можно найти въ мифології и словарѣ Гrimma; славянскихъ тоже есть очень много.

поэзіи и прозѣ, т. е. къ литературной формѣ вообще. Поэзія есть одно изъ искусствъ, а потому связь ея со словомъ должна указывать на общія стороны языка и искусства. Чтобы найти эти стороны, начнемъ съ отождествленія моментовъ слова и произведенія искусства. Можетъ быть, само по себѣ это сходство моментовъ не говоритъ еще ничего, но оно по крайней мѣрѣ облегчаетъ дальнѣйшіе выводы.

Въ словѣ мы различаемъ: *внѣшнюю форму*, т. е. членораздѣльный звукъ, *содержаніе*, объективируемое посредствомъ звука, и *внутреннюю форму*, или ближайшее этимологическое значеніе слова, тотъ способъ, какимъ выражается содержаніе. При некоторомъ вниманіи нѣтъ возможности смѣшать содержаніе съ внутреннею формою. Напр. различное содержаніе, мыслимое при словахъ *жалованье*, *appellum*, *pensio*, *gage*, представляетъ много общаго, и можетъ быть подведено подъ одно понятіе платы; но нѣтъ сходства въ томъ, какъ изображается это содержаніе въ упомянутыхъ словахъ: *appellum*—то, что отпускается на годъ, *pensio*—то, что отвѣшивается, *gage* (по Дицу—слово германскаго происхожденія) первоначально—залогъ, ручательство, вознагражденіе и проч., вообще результаѣ взаимныхъ обязательствъ, тогда какъ *жалованье*—дѣйствіе любви (ср. синонимич. слова *миловать*—*жаловать*, изъ коихъ послѣднее и теперь еще мѣстами значитъ *любить*), подарокъ, но никакъ не законное вознагражденіе, не «legitimum vadium», не слѣдствіе договора двухъ лицъ.

Внутренняя форма каждого изъ этихъ словъ иначе направляетъ мысль; почти то же выйдетъ, если скажемъ, что одно и то же новое воспріятіе, смотря по сочетаніямъ, въ какія оно войдетъ съ накопившимся въ душѣ запасомъ, вызоветъ то или другое представлѣніе въ словѣ.

Внѣшняя форма нераздѣльна съ внутреннею, мѣняется вмѣстѣ съ нею, безъ нея перестаетъ быть сама собою, но тѣмъ не менѣе совершенно отъ нея отлична; особенно легко почувствовать это отличіе въ словахъ разнаго происхожденія, получившихъ съ теченіемъ времени одинаковый выго-

воръ: для малороссіянина слова *мыло* и *мило* различаются внутреннею формою, а не виѣшнею.

Тѣ же стихіи и въ произведеніи искусства, и не трудно будетъ найти ихъ, если будемъ разсуждать такимъ образомъ: «это—*мраморная* статуя (виѣшняя форма) женщины съ мечемъ и вѣсами (внутрення форма)¹⁾, представляющая правосудіе (содержаніе)». Окажется, что въ произведеніи искусства образъ относится къ содержанію, какъ въ словѣ представление къ чувственному образу или понятію. Вместо «содержаніе» художественного произведенія можемъ употребить болѣе обыкновенное выраженіе, именно «идея». Идея и содержаніе въ настоящемъ случаѣ для насъ тождественны, потому что напр. качество и отношенія фігуръ, изображеныхъ на картинѣ, события и характеры романа и т. п. мы относимъ не къ содержанію, а къ образу, представлению содержанія, а подъ содержаніемъ картины, романа разумѣемъ рядъ мыслей, вызываемыхъ образами въ зрителѣ и читателѣ, или служившихъ почвою образа въ самомъ художникѣ во время акта созданія²⁾). Разница между образомъ и содержаніемъ ясна. Мысль о необходимости смерти и о томъ, «что думка за моремъ, а смерть за плечима» одинаково приходитъ въ голову по поводу каждой изъ сценъ пляски смерти³⁾; при большой измѣнчивости образовъ содержаніе здѣсь относительно (но только относительно) неподвижно. Наоборотъ, одно и то же художественное произведеніе, одинъ и тотъ же образъ различно дѣйствуетъ на разныхъ людей, и на одно лицо въ разное время, точно такъ, какъ одно и

¹⁾ Steinth. Der Urspr. der Spr. 180.

²⁾ Въ этомъ ряду можно различить мысли: ближайшія по времени къ воспріятію образа (когда напр. читатель говорить: „Донъ-Кихотъ есть насмѣшка надъ рыцарскими романами“) и болѣе далекія отъ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе важныя для насъ (когда читатель говорить: „въ Донъ-Кихотѣ смѣхоторство есть только средство изобразить всегдашнія и благородныя свойства человѣческой природы; авторъ любить своего смѣшнаго героя, и хоть сыплеть на него удары со всѣхъ сторонъ, но ставить безконечно выше всѣхъ окружающихъ его лицъ“). Такое различие въ настоящемъ случаѣ для насъ не нужно.

³⁾ См. Буслаевъ, Очерки.

то же слово каждымъ понимается иначе; здѣсь относительная неподвижность образа при измѣнчивости содержанія.

Труднѣе нѣсколько не смышать внутренней формы съ виѣшнею, если сообразимъ, что эта послѣдняя въ статуѣ не есть грубая глыба мрамора, но мраморъ, обтесанный извѣстнымъ образомъ, въ картинѣ—не полотно и краски, а опредѣленная цвѣтная поверхность, слѣдовательно сама картина. Здѣсь выручаетъ насъ сравненіе со словомъ. Внѣшняя форма слова тоже не есть звукъ, какъ материалъ, но звукъ уже сформированный мыслью, между тѣмъ самъ по себѣ этотъ звукъ не есть еще символъ содержанія. Въ поздніе періоды языка появляется много словъ, въ которыхъ содержаніе непосредственно примыкаетъ къ звуку; сравнивши упомяннутое состояніе словъ съ такимъ, когда явственно различаются въ нихъ три момента, можемъ замѣтить, что въ первомъ случаѣ словамъ недостаетъ образности и что только въ послѣднемъ возможно такое ихъ пониманіе, которое представляетъ соотвѣтствіе съ пониманіемъ художественнаго произведенія и эстетическимъ наслажденіемъ. Положимъ, кто нибудь знаетъ, что литов. *baltas* значить добрый (можетъ быть ласковый, милый); ему даны въ этомъ словѣ очень опредѣленные звуки и не менѣе опредѣленное содержаніе, но эстетическое пониманіе этого слова ему не дано, потому что онъ не видѣть, почему именно эти сочетанія звуковъ, а не сотня другихъ, должны означать доброту и пр., и почему, наоборотъ, такое содержаніе должно требовать такихъ именно звуковъ. Если затеряна для сознанія связь между звукомъ и значеніемъ, то звукъ перестаетъ быть *виѣшнею* формою въ эстетическомъ значеніи этого слова; кто чувствуетъ красоту статуи, для того ея содержаніе (напр. мысль о верховномъ божествѣ, о громовержцѣ) находится въ совершенно-необходимомъ отношеніи къ совокупности замѣчаемыхъ въ ней изгибовъ мраморной поверхности. Для возстановленія въ сознаніи красоты слова *baltas* нужно знаніе, что извѣстное намъ его содержаніе условлено другимъ, именно значеніемъ бѣлизны: *baltas* зна-

чить добрый и пр. потому, что оно значить *бѣлый*, точно такъ, какъ русское *бѣлый*, *свѣтлый* значать, между прочимъ, *милый*, именно вслѣдствіе своихъ значеній *albus*, *lucidus*. Только теперь, при существованіи для настѣ символизма слова (при сознаніи внутренней формы), его звуки становятся виѣшнею формою, необходимо требуемою содержаніемъ. Дѣло нисколько не измѣняется оттого, что мы не знаемъ причины соединенія звуковъ *baltas*, *бѣлый* со значеніемъ *albus*: мы спрашивали вовсе не объ этомъ, а объ отношеніи значенія *милый* къ звуку; ограниченныя требованія удовлетворяются значеніемъ ограниченныхъ, а не безусловныхъ причинъ.

Чтобы, воспользовавшись сказаннымъ о словѣ, различить внутреннюю и виѣшнюю форму въ художественномъ произведеніи, нужно найти такой случай, гдѣ бы потерянная эстетичность впечатлѣнія могла быть возстановлена только сознаніемъ внутренней формы. Не будемъ говорить о картинахъ и статуяхъ, какъ о предметахъ мало намъ извѣстныхъ, и остановимся на обычныхъ въ народной пѣснѣ сравленіяхъ, изъ коихъ каждое можетъ считаться отдѣльнымъ поэтическимъ дѣлымъ¹⁾.

Чего недостаетъ намъ для пониманія такого напр. сравненія?

Czystas wandenelis tek'
Czystame upużelej,
O ir werna meiluže
Wernoje szirdatej (Ness. 93).

(Чистая вода течеть въ чистой рѣчѣ, а вѣрная любовь въ вѣрномъ сердцѣ)²⁾.

¹⁾ Они такъ же цѣльны, какъ напр. четверостишие Гейне:

Mein Herz gleicht ganz dem Meere
Hat Sturm, und Ebb', und Fluth,
Und manche schone Perle
In seiner Tiefe ruht.

²⁾ Ср. „Eiksz szenay mergyte,

Eiksz szenay, jaunoji,
Kalbesiva kalbužate,

Намъ недостаетъ того же, что требовалось для пони-
мания слова *baltas*, добрый, именно законности отношенія
между виѣшнею формою, или лучше сказать между тѣмъ,
что должно стать виѣшнею формою, и значеніемъ. Форма и
содержаніе—понятія относительныя: В, которое было содер-
жаніемъ по отношенію къ своей формѣ А, можетъ быть формою
по отношенію къ новому содержанію, которое мы назовемъ С;
уголь \angle , обращенный вершиною влѣво, есть извѣстное содер-
жаніе, имѣющее свою форму, свое начертаніе (напр. уголъ мо-
жетъ быть острый, тупой, прямой), но это содержаніе въ свою
очередь есть форма, въ которой математика выражаетъ одно
изъ своихъ понятій. Точно такимъ образомъ значеніе слова
имѣеть свою звуковую форму, но это значеніе, предполагающее
звукъ, само становится формою нового значенія. Формою поэти-
ческаго произведения будетъ не звукъ, первоначальная виѣш-
няя форма, а слово, единство звука и значенія. Въ приве-
денномъ сравненіи то, къ чему стремится и на чемъ оста-
навливается умственная дѣятельность, есть мысль о любви,
которой исполнено сердце. Если отвлечемъ, для большей
простоты, это содержаніе отъ его словеснаго выраженія, то
увидимъ, что оно существуетъ для нась въ формѣ, состав-
ляющей содержаніе первого двустишія. Образъ текучей свѣт-
лой воды (на сколько онъ выраженъ въ словахъ) не мо-
жетъ быть однако виѣшнею формою мысли о любви; отно-
шеніе воды къ любви такое же виѣшиое и произвольное,

Dumosiva dumužate,
Kur srove giliausia,
Kur meile meiliusia“ (Ness. 3).

(Поди сюда, девица, поди сюда, молодая, будемъ думать-гадать, гдѣ глуб-
же рѣка, гдѣ крѣиче (милѣе) любовь). Сравненіе употреблено и въ этихъ и въ
вышеприведенныхъ стихахъ слишкомъ самостоятельно, для того, чтобы можно
было видѣть здесь заимствованіе откуда бы ни было. Въ моравской пѣснѣ мы
встрѣтили такой же мотивъ.

„O lasko, lasko, bud' mezi nami,
Jako ta vodička mezi brehami
Woda uplyné, brehy podryje,
Tebe si, dzévusko, synek ne vezmě“.
(Morav. nář. p. F. S. 300).

какъ отношение звука *baltas* къ значенію *добрый*. Законная связь между водою и любовью установится только тогда, когда дана будетъ возможность, не дѣлая скачка, перейти отъ одной изъ этихъ мыслей къ другой, когда напр. въ сознаніи будетъ находиться связь свѣта, какъ одного изъ эпитетовъ воды, съ любовью. Это третья звено, связующее два первыхъ, есть именно внутренняя форма, иначе—символическое значение выраженного первымъ двустишиемъ образа воды. Итакъ, для того, чтобы сравненіе воды съ любовью имѣло для насъ эстетическое значеніе, нужно, чтобы образъ, который прежде всего дается сознанію, заключалъ въ себѣ указаніе на выражаемую имъ мысль. Онъ можетъ и не имѣть этого символического значенія, и между тѣмъ воспринимается весьма опредѣленно; слѣдовательно вѣшняя форма, принимаемая не въ смыслѣ грубаго материала (полотно, краски, мраморъ), а въ смыслѣ материала, подчиненнаго мыслью (совокупность очертаній статуи), есть нечто совершенно отличное отъ внутренней формы.

Беремъ еще одинъ примѣръ. Въ Малороссіи весною дѣвки поютъ:

«Кроковее колесо
Више тину стояло,
Много дива видало.
Чи бачило, колесо,
Куди милый поіхавъ?»
— За нимъ трава зелена
И дѣрова весела.—
«Кроковее колесо
Више тину стояло
Много дива видало.
Чи бачило, колесо,
Куди нѣлюбъ поіхавъ?»
— За нимъ трава полягла
И дѣрова загула!

Можно себѣ представить, что эту пѣсню ктонибудь пойметъ въ буквальномъ смыслѣ, то есть не пойметъ ея

вовсе. Всѣ черты того, что изображено здѣсь, все то, что становится впослѣдствіи вышею формою, будетъ схвачено душою, а между тѣмъ въ результатѣ выйдетъ нелѣпость: шафранное колесо, которое смотрѣть изъ надъ тыну? Но пусть эта безмыслица получить внутреннюю форму, и отъ пѣсни повѣтѣ на насъ весною природы и дѣвичьей жизни. Это желтое колесо—солнце; солнце смотритъ сверху и видѣть много дива. Оно разсказываетъ пѣвицѣ, что куда проѣхалъ ея милый, тамъ позеленѣла трава и повеселѣла дубровы и проч.

Кажется, изъ сказаннаго ясно, что и въ поэтическомъ, слѣдовательно, вообще художественномъ произведеніи есть тѣ же самая стихіи, что и въ словѣ: *содержаніе* (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому изъ него понятію; *внутренняя форма, образъ*, который указываетъ на это содержаніе, соответствующій представленію (которое тоже имѣеть значеніе только какъ символъ, намекъ на извѣстную совокупность чувственныхъ воспріятій, или на понятіе) и, наконецъ, *внѣшняя форма*, въ которой объективируется художественный образъ. Разница между вышею формою слова (звукомъ) и поэтическаго произведенія та, что въ послѣднемъ, какъ проявленіи болѣе сложной душевной дѣятельности, вышея форма болѣе проникнута мыслю; Впрочемъ и членораздѣльный звукъ, форма слова, проникнутъ мыслю; Гумбольть, какъ мы видѣли выше, можетъ понять его только какъ «работу духа».

Языкъ во всемъ своемъ объемѣ и каждое отдѣльное слово соотвѣтствуютъ искусству, при томъ не только по своимъ стихіямъ, но и по способу ихъ соединенія.

«Созданіе языка, говорить Гумбольть, начиная съ первой его стихіи, есть синтетическая дѣятельность въ строгомъ смыслѣ этого слова, именно въ томъ смыслѣ, по которому синтезъ создаетъ нечто такое, что не заключено въ слагаемыхъ частяхъ, взятыхъ порознь»¹⁾. Звукъ, какъ

¹⁾ Ueb. die Versch. 104.

междометіе, какъ рефлексія чувства, и чувственныи образъ или схема, были уже до слова; но самое слово не дается механическимъ соединеніемъ этихъ стихій. Внутренняя форма въ самую минуту своего рожденія измѣняеть и звукъ, и чувственныи образъ. Измѣненіе звука состоитъ (не говоря о позднѣйшихъ, болѣе сложныхъ звуковыхъ явленіяхъ) въ устраненіи того страстнаго оттѣнка, нарушающаго членораздѣльность, какой свойственъ междометію. Изъ перемѣнъ, какимъ подвергается мысль при созданіи слова, укажемъ здѣсь только на ту, что мысль въ словѣ перестаетъ быть собственностью самаго говорящаго и получаетъ возможность жизни самостоятельной по отношению къ своему создателю. Имѣя въ виду эту самостоятельность, именно—неуничтожающую возможности взаимнаго пониманія способность слова всякимъ пониматься по своему, мы поймемъ важность слѣдующихъ словъ Гумбольта: «На языкъ нельзя смотрѣть какъ на нѣчто (ein Stoff) готовое, обозримое въ цѣломъ и исподволь сообщимое; онъ вѣчно создается, при томъ такъ, что законы этого созданія опредѣлены, но объемъ и нѣкоторымъ образомъ даже родъ произведенія остаются неопределѣнными»¹⁾). «Языкъ состоять не только изъ стихій, получившихъ уже форму, но вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ образомъ изъ методъ продолжать работу духа въ такомъ направлениі и въ такой формѣ, какія опредѣлены языккомъ. Разъ и прочно сформированныи стихіи составляютъ нѣкоторымъ образомъ мертвую массу, но эта масса носить въ себѣ живой зародышъ безъ конечной опредѣлимости»²⁾). Сказанное здѣсь обо всемъ языкахъ мы примѣняемъ къ отдѣльному слову. Внутренняя форма слова, произнесеннаго говорящимъ, даетъ направление мысли слушающаго, но она только возбуждаетъ этого послѣдняго, даетъ только способъ развитія въ немъ значеній, не назначая предѣловъ его пониманію слова. Слово одинаково принадлежитъ и говорящему и слу-

¹⁾ Ib. 57—7.

²⁾ Ueb. die Versch. 62.

шающему, а потому значение его состоять не въ томъ, что оно имѣть опредѣленный смыслъ для говорящаго, а въ томъ, что оно способно имѣть смыслъ вообще. Только въ силу того, что содержаніе слова способно рости, слово можетъ быть средствомъ понимать другаго.

Искусство тоже творчество, въ томъ самомъ смыслъ, въ какомъ и слово. Художественное произведеніе очевидно не принадлежитъ природѣ: оно присоздано къ ней человѣкомъ. Факторы напр. статуй—это, съ одной стороны, безплотная мысль ваятеля, смутная для него самого и недоступная никому другому, съ другой—кусокъ мрамора, неимѣющій ничего общаго съ этой мыслью; но статуя не есть ни мысль, ни мраморъ, а иѣчто отличное отъ своихъ производителей, заключающее въ себѣ больше, чѣмъ они. Синтезъ, творчество очень отличны отъ ариѳметического дѣйствія: если агенты художественного произведенія, существующіе до него самого, обозначимъ черезъ 2 и 2, то оно само не будетъ равняться четыремъ. Замыслъ художника и грубый материалъ не исчерпываютъ художественного произведенія, соответственно тому, какъ чувственный образъ и звукъ не исчерпываютъ слова. Въ обоихъ случаяхъ и та и другая стихія существенно измѣняются отъ присоединенія къ нимъ третьей, т. е. внутренней формы. Сомнѣніе можетъ быть развѣ относительно содержанія: можно думать, что не только художникъ долженъ быть имѣть въ душѣ известное содержаніе, прежде чѣмъ изобразилъ его въ мраморѣ, словѣ или на полотнѣ, но что содержаніе это было такое же и до, и послѣ создания. Но это несправедливо уже по тому одному, что мысль, объективированная художникомъ, дѣйствуетъ на него, какъ иѣчто близкое ему, но вмѣстѣ и постороннее. Преклонять ли художникъ колѣна предъ своимъ созданіемъ, или подвергаетъ его заслуженному или незаслуженному осужденію—все равно, онъ относится къ нему какъ цѣнитель, признаетъ его самостоятельное бытіе. Искусство есть языкъ художника, и какъ посредствомъ слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить въ немъ его

собственную, такъ нельзя ее сообщить и въ произведениі искусства; поэтому содержаніе этого послѣдняго (когда оно окончено) развивается уже не въ художникѣ, а въ понимающихъ. Слышающій можетъ гораздо лучше говорящаго понимать, что скрыто за словомъ, и читатель можетъ лучше самого поэта постигать идею его произведенія. Сущность, сила такого произведенія не въ томъ, что разумѣль подъ нимъ авторъ, а въ томъ, какъ оно дѣйствуетъ на читателя или зрителя, слѣдовательно въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи. Это содержаніе, проинцируемое нами, т. е. влагаемое въ самое произведеніе, дѣйствительно условлено его внутреннею формою, но могло во все не входить въ расчеты художника, который творить, удовлетворяя временнымъ, нерѣдко весьма узкимъ потребностямъ своей личной жизни. Заслуга художника не въ томъ минимумъ содержанія, какое думалось ему при созданіи, а въ извѣстной гибкости образа, въ силѣ внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержаніе. Скромная загадка: «одно каже: «свитай Боже», друге каже «не дай Боже», трете каже «мені все одно» (окно, двери и сволокъ) можетъ вызвать мысль объ отношеніи разныхъ слоевъ народа къ разсвѣту политической, нравственной, научной идеи, и такое толкованіе будетъ ложно только въ томъ случаѣ, когда мы выдадимъ его за объективное значеніе загадки, а не за наше личное состояніе, возбужденное загадкою. Въ незамысловатомъ разсказѣ, какъ бѣднякъ хотѣлъ набрать воды изъ Савы, чтобы развести глотокъ молока, который былъ у него въ чашкѣ, какъ волна безъ сльза унесла изъ сосуда его молоко, и какъ онъ сказалъ: «Саво, Саво! Себе не забители, а мене запрни» (т. е. опечалила) ¹⁾, въ этомъ разсказѣ можетъ кому нибудь почудиться неумолимое, стихийно-разрушительное дѣйствіе потока мировыхъ событий на счастье отдельныхъ лицъ, волъ, который вырывается изъ груди невозвратными и, съ личной точки, незаслуженными

¹⁾ Ср. Посл. 273.

потерями. Легко ошибиться, навязав народу то или другое понимание, но очевидно, что подобные рассказы живутъ по цѣлымъ столѣтіямъ не ради своего буквального смысла, а ради того, который въ нихъ можетъ быть вложенъ. Этимъ объясняется, почему созданія темныхъ людей и вѣковъ могутъ сохранять свое художественное значение во времена высокаго развитія, и вмѣстѣ, почему, несмотря на мнимую вѣчность искусства, настаетъ пора, когда съ увеличеніемъ затрудненій при пониманіи, съ забвеніемъ внутренней формы, произведенія искусства теряютъ свою цѣну.

✓ Возможность того обобщенія и углубленія идеи, которое можно назвать самостоятельной жизнью произведенія, не только не есть отрицаніе нераздѣльности идеи и образа, но, напротивъ, условливается ею. Дидактическія произведенія, при всей нерѣдко имѣющей свойственной глубинѣ первоначального замысла, осуждены на раннее забвеніе именно вслѣдствіе иногда трудно уловимыхъ недостатковъ синтеза, недостатковъ зародыша безконечной (новой) опредѣлимости разъ сформированного материала.

Быть можетъ, излишне будетъ прибавлять, что отдѣльное слово только до тѣхъ поръ можетъ быть сравниваемо съ отдѣльнымъ произведеніемъ искусства, пока измѣненія внутренней формы слова при пониманіи его разными лицами ускользаютъ отъ сознанія; рядъ измѣнений внутренней формы есть уже рядъ словъ одного происхожденія и соотвѣтствуетъ ряду произведеній искусства, связанныхъ между собою такъ, какъ эпическая сказанія разныхъ временъ, представляющая развитіе одного типа.

На слово нельзя смотрѣть какъ на выраженіе готовой мысли. Такой взглядъ, какъ мы старались показать, ведетъ ко многимъ противорѣчіямъ и заблужденіямъ относительно значенія языка въ душевной экономіи. Напротивъ, слово есть выраженіе мысли лишь на столько, на сколько слушатель средствомъ къ ея созданію; внутренняя форма, единственное объективное содержаніе слова, имѣеть значеніе только потому, что видоизмѣняетъ и совершенствуетъ тѣ

аггрегаты воспріятій, какъ застаеть въ душѣ. Если, какъ и слѣдуетъ, примемъ, что внутрення форма или представлениe такъ относится къ чувственному образу, какъ внутрення форма художественного произведения (образъ, идеалъ) къ мысли, которая въ ней объективировалась, то должны будемъ отказаться отъ извѣстнаго опредѣленія идеала, какъ «изображенія идеи въ недѣлимомъ»¹⁾. Не отказываясь принимать это опредѣленіе въ смыслѣ воплощенія готовой идеи въ образѣ, мы должны бы были принять и слѣдствія: *во первыхъ*, такъ какъ умственное стремленіе человѣка удовлетворяется не образомъ самимъ по себѣ, а идею, т. е. совокупностью мыслей, пробуждаемыхъ образомъ и относимыхъ къ нему, какъ источнику, то художникъ, въ которомъ была бы уже готовая идея, не имѣлъ бы лично для себя никакой нужды выражать ее въ образѣ; *во вторыхъ*, если бы эта идея, по неизвѣстнымъ побужденіямъ, была вложена въ образъ, то ея сообщеніе понимающему могло бы быть только передачею въ собственномъ смыслѣ этого слова, что противорѣчить здравому взгляду на пониманіе, какъ на созданіе извѣстнаго содержанія въ себѣ самомъ по поводу вышнѣхъ возбужденій. Чтобы не сдѣлать искусства явленіемъ не необходимымъ или вовсе лишнимъ въ человѣческой жизни, слѣдуетъ допустить, что и оно, подобно слову, есть не столько выраженіе, сколько средство созданія мысли; что цѣль его, какъ и слова—произвести извѣстное субъективное настроеніе какъ въ самомъ производителѣ, такъ и въ понимающемъ; что и оно не есть *έργον*, а *ένέργεια*, иѣчто постоянно создающеся. Этими опредѣляются частныя черты сходства искусства и языка.

Значеніе слова, или, точнѣе говоря, внутренней формы, *представленія*, для мысли сводится къ тому, что а) оно объединяетъ чувственный образъ и б) условливаетъ его сознаніе. То же въ своемъ кругу производить идеалъ въ искусстве.

а) Искусство имѣть своимъ предметомъ природу въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, но оно есть не непо-

¹⁾ W. Humb. Gesamm. W. IV. Hermann u. Dorothea. 33.

средственное отражение природы въ душѣ, а известное видоизмѣненіе этого отраженія. Между произведеніемъ искусства и природою стоитъ мысль человѣка; только подъ этимъ условиемъ искусство можетъ быть творчествомъ. Гумбольть, принявъ за исходную точку искусства *дѣйствительность* (но не въ общежитейскомъ смыслѣ, по которому дѣйствительность есть уже результатъ апераціи, а въ смыслѣ совокупности непосредственныхъ воспріятій, лишенныхъ еще всякой обработки), имѣетъ полное право сказать, что «царство фантазіи (подъ которую здѣсь можемъ разумѣть вообще творческую способность души) рѣшительно противоположно царству дѣйствительности, и столь же противоположенъ характеръ явлений, принадлежащихъ къ обѣимъ этимъ областямъ. Съ понятіемъ дѣйствительности» — какъ его раскрываетъ психологический анализъ — «неразрывно связано то, что каждое явленіе стоитъ отдельно, само для себя, и что ни одно не зависитъ отъ другаго, какъ основаніе или слѣдствіе. Мало того, что мы непосредственно не воспринимаемъ такой зависимости, а доходимъ до нее только путемъ умозаключеній: понятіе дѣйствительности дѣлаетъ излишнимъ самое стараніе отыскывать эту зависимость. Явленіе передъ нами: этого довольно для того, чтобы устраниТЬ всякое сомнѣніе въ его дѣйствительности; зачѣмъ еще явленію оправданіе посредствомъ его причины или дѣйствія?» тѣмъ болѣе, что самыя категоріи причины и дѣйствія не даются непосредственнымъ воспріятіемъ. «Напротивъ, въ области *возможнаго* все существуетъ лишь на столько, на сколько зависитъ отъ другаго; поэтому все, что мыслимо только подъ условиемъ всесторонней внутренней связи — *идеально* въ самомъ строгомъ и простомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ отношеніи идеальное прямо противоположно дѣйствительному, *реальному*. Такимъ образомъ должно быть идеализировано все, что рука искусства переносить въ чистую область воображенія»¹⁾.

¹⁾ Humb. Herm. u. Doroth. 20.

Очевидно, что такая идеальность свойственна не только искусству и воображению, но и разумной деятельности вообще. «Перенести въ страну идей всю природу, т. е. сравнять по объему содержание своего опыта съ міромъ: соединить эту огромную массу отрывочныхъ явлений въ нераздѣльное единство и организованную цѣлость... такова конечная цѣль умственныхъ усилий человѣка. Участіе искусства въ этой работѣ показываетъ, что оно принадлежитъ не къ тѣмъ механическимъ, подчиненнымъ занятіямъ, посредствомъ коихъ мы только приготавляемся къ своему настоящему назначенію, а къ тѣмъ высочайшимъ, посредствомъ коихъ мы его непосредственно исполняемъ»¹⁾.

Къ этому первому и самому обширному определенію идеального, какъ того, что не есть дѣйствительность, присоединяется другое, по которому искусство облагороживаетъ и украшаетъ природу, и идеалъ имѣть значеніе того, что превосходитъ дѣйствительность. Художникъ, возсоздавая предметъ въ своемъ воображеніи, уничтожаетъ всякую черту, основанную только на случайности, каждую дѣлаетъ зависимою только отъ другой, а все—только отъ него самаго.... Если ему удается, то подъ конецъ у него выходятъ однѣ характеристическая формы, одни образы очищенной и неискаженной измѣнчивыми обстоятельствами природы. Каждый изъ этихъ образовъ носитъ на себѣ отпечатокъ своей особенности, и эта особенность заключена только въ формѣ, воспринимается только наглядно (*kann nie anders, als durch Anschauen gefasst werden*) и невыразима понятіемъ²⁾.

Впрочемъ «выраженіе, что поэты возвышаютъ природу, слѣдуетъ употреблять очень осмотрительно, потому что, собственно говоря художественное произведеніе и созданіе природы принадлежать не къ одной и той же области и несопоставимы однимъ и тѣмъ же масштабомъ», точно такъ, какъ чувственный образъ и представлениѳ его въ словѣ не

¹⁾ Ib. 21.

²⁾ Ib. 22.

принадлежать къ одному continuum формъ душевной жизни. «Нельзя сказать, что изображенные живописцемъ плоды прекраснѣе естественныхъ. Вообще, природа прекрасна лишь на столько, на сколько фантазія представляетъ ее прекрасною. Нельзя сказать, что контуры въ природѣ менѣе совершенны, что цвѣта менѣе живы: разница только въ томъ, что дѣйствительность дѣйствуетъ на чувства, а искусство на фантазію, что первая даетъ суровыя (harte) и рѣзкія очертанія, а второе—хотя опредѣленыя, но вмѣстѣ и безконечныя»¹⁾.

Здѣсь упомянуты два свойства искусства: а) особенность его дѣйствія на человѣка сравнительно съ дѣйствіемъ природы (даже въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова) и б) совмѣстное существование въ каждомъ художественномъ произведеніи противоположныхъ качествъ, именно опредѣленности и безконечности очертаній. Первое видно уже изъ того, очень обыкновенного явленія, что многія явленія природы и человѣческой жизни, невозбуждающія интереса въ дѣйствительности, сильно дѣйствуютъ на насъ, будучи, по-видимому, совершенно вѣрно изображены въ искусствѣ. По пословицѣ «и сунце пролази кроз калява мѣста, веть се не окаля», искусство можетъ изображать самую роскошную и соблазнительную красоту, или самыя возмутительныя и безобразныя явленія, и оставаться дѣвственнымъ и прекраснымъ. Причина этому заключается въ томъ, что художественное творчество, оставаясь вполнѣ вѣрнымъ природѣ, разлагаетъ ея явленія, такъ что, во первыхъ, каждое искусство беретъ на свою долю только одну извѣстную сторону предметовъ, напр. ваяніе только пластическую красоту формъ, устранивъ разнообразныя дѣйствія цвѣтовъ, живопись только свѣтъ, тѣни и цвѣта и т. д.; во вторыхъ, каждое отдельное произведеніе опускаетъ многія не необходимыя черты предмета, данные въ дѣйствительности и доступныя средствамъ искусства, подобно тому, какъ слово обозна-

¹⁾ Ib. 23—4.

чаетъ образъ, положимъ, золота только посредствомъ одного его признака, именно желтаго цвѣта, предоставляемъ личному пониманію дополнять этотъ образъ другими признаками, напр. звукомъ, тяжестью и проч.

Что до противорѣчія между единичностью образа и безконечностью его очертаній, то эта безконечность есть только замѣтная и въ языкѣ невозможность опредѣлить, сколько и какое содержаніе разовьется въ понимающемъ по поводу воспринимаемаго вполнѣ опредѣленнаго представлени. Какъ слово въ началѣ есть знакъ очень ограниченаго, конкретнаго чувственнаго образа, который, однако, въ силу представлени, тутъ же получаетъ возможность обобщенія, такъ художественный образъ, относясь въ минуту созданія къ очень тѣсному кругу чувственныхъ образовъ, тутъ же становится типомъ, идеаломъ.

Въ сферѣ языка посредствомъ представлени, объединяющаго чувственную схему и отдѣляющаго предметъ отъ всего остальнаго, т. е. сообщающаго ему идеальность, устанавливается внутренняя связь воспріятій, отличная отъ механическаго ихъ сцѣнленія. Начавши съ очевиднаго положенія, что отдѣльное слово, какъ предложеніе, еще не вносить гармоніи во всю совокупность нашихъ воспріятій, потому что выдѣляетъ изъ нихъ только одну незначительную часть, мы должны будемъ прибавить, что это слово полагаетъ начало вдоворенію этой гармоніи, потому что готово стать подлежащимъ или сказуемымъ другихъ вновь возникающихъ словъ. Слово, объединившее извѣстную группу воспріятій, въ свою очередь стремится къ внутреннему соединенію со словомъ ближайшей группы, и такое стремленіе условлено самимъ объединеннымъ въ словѣ образомъ: составленное изъ двухъ словъ предложеніе, связывающее между собою *два* образа, есть однако обозначеніе сужденія, которое признается разложеніемъ *одного* чувственнаго образа. Первый шагъ на пути, по которому ведетъ человѣка языкъ, возбуждаетъ стремленіе обойти весь кругъ сродныхъ явлений.

Этому соответствует такъ называемая Гумбольтомъ *цѣлѣнѣсть* (Totalit t) искусства. «Прекрасное назначеніе поэта—посредствомъ всесторонняго ограниченія своего материала произвести неограниченое и бесконечное дѣйствіе, посредствомъ индивидуального образа удовлетворить требованіемъ идей, съ одной точки зрѣнія *открыть цѣлый міръ явленій*»¹⁾. «Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы показать *всё*» (утверждать это было бы то же, что сказать, будто въ одномъ словѣ можемъ исчерпать все возможное содержаніе нашей мысли), «что само по себѣ невозможно, или даже *многое*, что устранило бы многие виды искусства, а въ томъ, чтобы привести въ такое настроеніе, при которомъ мы готовы все обнять взоромъ (Die Stimmung alles zu sehen)». «Сила не въ числѣ предметовъ, принятыхъ поэтомъ въ свой планъ, ни въ ихъ отношеніи къ высшимъ интересамъ человѣчества: то и другое, хотя можетъ усилить дѣйствіе произведенія, безразлично для его художественного достоинства». «Пусть только поэтъ заставитъ насъ сосредоточиться въ одномъ пункѣ, забыть себя ради извѣстнаго предмета (Sich in einem Gegenstand ausser sich selbst hinzustellen—objektiv zu sein),—и вотъ, каковъ бы ни былъ этотъ предметъ, передъ нами—міръ. Тогда все наше существо обнаружитъ творческую дѣятельность, и все, что оно ни произведетъ въ этомъ настроеніи, должно соотвѣтствовать ему самому и имѣть то же *единство* и *цѣлѣнѣсть*. Но именно эти два понятія мы соединяемъ въ словѣ *міръ*».

«Здѣсь повторяется то же, что мы видѣли при достижени идеальности. Пусть поэтъ, согласно съ первымъ и простѣйшимъ требованіемъ своего искусства, перенесетъ насъ за предѣлы дѣйствительности, и мы очутимся въ области, гдѣ каждая точка есть центръ цѣлаго, и слѣдовательно цѣлое безпредѣльно и бесконечно... Духъ, на который художникъ подѣствовалъ такимъ образомъ, всегда *склоненъ*, съ какого бы предмета ни началъ, обходить весь кругъ

¹⁾ Herm. u. Doroth. 16.

сродныхъ съ этимъ предметомъ явлений и собирать ихъ въ одинъ цѣльный міръ»¹⁾). «То *всеобъемлющее*, что поэтъ сообщаетъ фантазіи, заключается именно въ томъ, что она никогда не ступаетъ такъ тяжело, чтобы укорениться на одномъ мѣстѣ, но скользить все далѣе и далѣе и вмѣстѣ господствуетъ надъ пройденнымъ ею кругомъ; въ томъ, что ея наслажденіе граничитъ со страданіемъ, и наоборотъ; что она видитъ предметъ не въ цветѣ дѣйствительности, а въ томъ блескѣ, какимъ одѣло его ея таинственное обаяніе»²⁾.

Какъ въ языке причина, почему отдельное слово стремится къ соединенію съ другими, заключается не только въ томъ, что это слово разлагаетъ (идеализируетъ) свой чувственный образъ, но и въ томъ, что этотъ образъ самъ по себѣ способенъ къ разложенію и следовательно къ связи съ другими; такъ и условіе художественной цѣльности— не только въ свойствахъ идеализирующей дѣятельности, но и въ ея предметахъ, взятыхъ объективно. «Всѣ различныя состоянія человѣка и всѣ силы природы (следовательно все возможное содержаніе искусства) такъ сродны между собою, такъ взаимно поддерживаютъ и условливаютъ другъ друга, что врядъ ли возможно живо изобразить одно изъ нихъ, не принимая вмѣстѣ съ этимъ въ свой планъ и цѣлого круга»³⁾). «Способъ постановки одной фигуры въ поэтическомъ произведеніи заставляетъ фантазію не только присоединить къ ней многія другія, но и именно столько, сколько нужно для того, чтобы вмѣстѣ съ первою образовать замкнутый кругъ»⁴⁾). Такимъ образомъ, сложное художественное произведеніе есть такое же развитіе одного главнаго образа, какъ сложное предложеніе—одного чувственнаго образа.

б) Объ отношеніи искусства къ сознанію того, что уже есть въ сознаніи, т. е. къ самосознанію, замѣтимъ слѣдующее:

¹⁾ Ibid. 31.

²⁾ Ibid. 32.

³⁾ Ibid. 28—9.

⁴⁾ Ibid. 33—4.

Выше мы привели вполнѣ убедительное на нашъ взглѣдъ мнѣніе, по которому звукъ, сырой матеріалъ слова, есть одно изъ средствъ успокоенія организма, устраненія полученныхъ имъ извѣтъ потрясеній. То же совершаеть въ своей сферѣ и психическая сторона слова. «Человѣку, говорить Гумбольть, врождено стремленіе высказывать только что услышанное»¹⁾, освобождать себя отъ волненія, производимаго силою, дѣйствующею на его душу, въ словѣ передавая эту силу другимъ и, нерѣдко, не заботясь объ томъ, будетъ ли она воспринята разумнымъ существомъ, или нѣтъ. Это стремленіе, особенно въ первобытномъ человѣкѣ и ребенкѣ, можетъ граничить съ физиологическою необходимостью. Какъ ребенку и женщинѣ нужно бываетъ выплачиваться, чтобы облегчить свое горе, такъ необходимо высказаться и отъ полноты душевной. Мысль эта съ давнихъ поръ стала уже достояніемъ народной поэзіи. Въ одной сербской сказкѣ говорится, что у царя Трояна были козы уши. Стыдясь этого, онъ убивалъ всѣхъ, кто его брилъ. Одного мальчика бородобрѣя царь помиловалъ подъ условіемъ соблюденія тайны, по этой, мучимый невозможностью высказаться, сталъ чахнуть и вянуть, пока не надоумили его повѣрить свою тайну землѣ. Мальчикъ вышелъ въ поле, вырылъ въ землѣ яму, засунулъ въ нее голову и трижды сказалъ: «У царя Трояна козы уши». Тогда ему стало легче на сердцѣ²⁾. Есть пословица: «островъ въ морѣ, что сердце въ горѣ», гдѣ сердце и горе сравниваются съ моремъ, обтекающимъ островъ. Если удержимъ это сравненіе, то заключительные стихи былины

«То сторона, то и дѣянье...

Синему морю на утишенье».

кромѣ своего буквального значенія, получать еще другое, болѣе глубокое и вѣрное— власти поэзіи надъ сердцемъ. Гумбольть, сказавши, что въ художественной цѣльности,

¹⁾ Ueb. die Versch. 55.

²⁾ Срп. Приловјет. № 39.

въ искусствѣ потрясти всего человѣка по поводу ограничен-
наго числа данныхъ явленій ¹⁾), еще никто не превзошелъ
древнихъ, продолжаетъ: «Отсюда то успокоеніе, которое испыты-
вается чисто настроенная душа при чтеніи древнихъ; оттого-то
древніе даже состоянія страстнаго волненія и подавляющаго от-
чаянія низводить къ душевному покою или возвышаютъ до
мужества. Это вдыхающее силу спокойствіе необходимо явля-
ется, когда человѣкъ вполнѣ обозрѣлъ свои отношенія къ
миру и судьбѣ. Лишь тогда, когда онъ останавливается тамъ,
гдѣ или виѣшняя сила, или его собственная страсть гро-
зить нарушить его равновѣсіе, лишь тогда происходитъ
раздраженіе и отчаяніе (*verzweiflender Missmuth*). Такъ выго-
дно однако мѣсто, указанное ему въ ряду предметовъ, что
гармонія и спокойствіе немедленно возстаютъ, какъ
скоро онъ завершилъ кругъ явленій, представляемыхъ ему
фантазію въ серьёзныя минуты расчета съ судбою (*in
dies. Angenb. einer ernsten Rührung*)» ²⁾.

Успокоительное дѣйствіе искусства условливается имен-
но тѣмъ, что оно идеально, что оно, связывая между собою
явленія, очищая и упрощая мысль, даетъ ея обзоръ, ея
сознаніе прежде всего самому художнику, подобно тому, какъ
успокоительная сила слова есть слѣдствіе представлія обра-
за. Представліе и идеалъ, разлагая волнующее человѣка
чувство, уничтожаютъ власть послѣднаго, отодвигаютъ его
къ прошедшему. Необъективированное состояніе души поко-
ряетъ себѣ сознаніе, объективированное въ словѣ или произ-
веденіи искусства—покоряется ему, ложится въ основаніе

¹⁾ „Всякій гимнъ Пиндара, всякий болѣшій хоръ трагиковъ, всякая ода Горація проходитъ, но только съ безконечно-измѣнчивымъ разнообразіемъ, одинъ и тотъ же кругъ. Вездѣ поэтъ изображаетъ возвышенность боговъ, могущество судьбы, зависимость человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и величие его духа и муже-
ство, которое даетъ ему возможность бороться съ судбою и стать выше ея....
Не только во всемъ твореніи Гомера, но въ каждой отдельной пѣснѣ, въ каж-
домъ мѣстѣ—передъ нами открыто и ясно лежитъ вся жизнь. Душа разомъ,
легко и вѣрно рѣшаетъ, что мы есть и чѣмъ мы можемъ быть, какъ страдаемъ
и наслаждаемся, въ чемъ правы и въ чемъ ошибаемся“ (Herm. u. Dor. 28—9).

²⁾ Herm. u. Dor. 29.

далнѣйшей душевной жизни. Отсюда, какъ слово, такъ и художественное произведеніе заканчиваетъ періоды развитія художника, служитъ поворотною точкою его душевной жизни. Признанія поэтовъ, изъ коихъ одинъ стихами отдался отъ могучаго образа, много лѣть возмущавшаго его умъ ¹), другой передавалъ своимъ героямъ свои дурныя качества, служить блистательными доказательствами того, что и искусство есть органъ самосозянія.

Находя, что художественное произведеніе есть синтезъ трехъ моментовъ (внѣшней формы, внутренней формы и содержанія), результатъ безсознательного творчества, средство развитія мысли и самосознанія, т. е. видя въ немъ тѣ же признаки что и въ словѣ, и наоборотъ, открывая въ словѣ идеальность и цѣльность, свойственный искусству, мы заключаемъ, что и слово есть искусство, именно поэзіи.

Очевидно, что не одна и та же внутренняя потребность вынуждаетъ появление пластическихъ искусствъ и музыки съ одной—и слова съ поэзіею съ другой стороны: искусства выражаютъ разныя стороны душевной жизни, и потому незамѣнимы одно другимъ. «Можно бы было, говорить Ляцарусь, обозначить части статуи, или всю ее, рядомъ указаний (напр. высокій лобъ, кудрявая борода, длинные, вьющіеся волосы, возвышенное выраженіе лица); но точнаго изображенія ея нельзя бы было достигнуть словами, а математическими формулами размѣровъ и изгибовъ—развѣ только тогда, когда бы мы, какъ олицетворенная математика, могли составить бесконечное множество такихъ формулъ и сложить ихъ въ наглядный образъ» ²). Но цѣль такой невѣроятной работы, то есть переложеніе статуи на другой

¹)Этотъ дикий бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ,
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдался—стихами.

Лерн.

²) Das Leb. der Seele, II, 222.

языкъ, не была бы достигнута, потому что требуемое эстетическое впечатлѣніе можно получить не отъ совокупности формулъ или словъ, а отъ результата ихъ сложенія, т. е. отъ самой статуи. То же слѣдуетъ сказать о зодчествѣ, живописи и музыкѣ по отношенію ихъ другъ къ другу и къ поэзіи, языку и условливающей ими наукѣ. Различныя направления человѣческой мысли не повторяютъ другъ друга, потому что не извѣсны принесены и случайны, а вытекаютъ изъ самой сущности человѣка.

Незамѣнимость одного искусства другими или словомъ, не только не противорѣчитъ, но даже требуетъ такой ихъ связи, по которой одно искусство является условиемъ существованія другаго. Не думая браться за решеніе важной и трудной народно-психологической задачи о значеніи поэзіи въ исторіи прочихъ искусствъ, мы упомянемъ только о томъ, что поэзія предшествуетъ всѣмъ остальнымъ уже по тому одному, что первое слово есть поэзія. Сначала все искусства служать, если не исключительно, то преимущественно религіи, которая развивается только въ языке и поэзии. „Прежде дается человѣку власть надъ члено-раздѣльностью и словомъ, какъ матеріаломъ поэзіи, чѣмъ умѣнье справиться со своимъ голосомъ, а тѣмъ болѣе, чѣмъ та степень техническаго развитія, которая предполагается пластическими искусствами.“ Отсюда, между прочимъ, можно объяснить, почему гомерическая пѣсни многимъ древнѣѣ временемъ процвѣтанія ваянія и зодчества въ Греціи, почему вообще совершилийся произведенія народной поэзіи относятся къ такимъ временамъ, когда люди не въ состояніи были бы ни понять, ни произвести что либо достойное имени картины или статуи. Пріявшіи, что народная поэзія, какъ и языкъ, есть произведеніе безличного творчества, мы найдемъ и другую причину упомянутаго явленія, именно, что зодчество, ваяніе и живопись предполагаютъ уже обособленіе и выдѣленіе изъ массы личности художника, слѣдовательно возможность значительной степени самосознанія и познанія природы, коимъ начало полагается языккомъ.

Въ началѣ слово и поэзія сосредоточиваются въ себѣ всю эстетическую жизнь народа, заключающую въ себѣ зародыши остальныхъ искусствъ въ томъ смыслѣ, что совокупность содержанія, доступного только этимъ послѣднимъ, первоначально составляетъ невыраженное и несознанное дополненіе къ слову. До значительной степени это относится и къ музыке. Хотя периоды выдѣленія искусствъ изъ слова давно уже пройдены и забыты высшими слоями человѣчества, и музыка давно уже стала самостоятельнымъ искусствомъ, въ большинствѣ случаевъ вовсе ненебуемымъ и, повидимому, непредполагающимъ слова; но въ отсталыхъ классахъ почти на нашихъ глазахъ совершается процессъ отдѣленія музыки отъ поэзіи. Только въ болѣе близкія къ намъ времена пѣсня можетъ пѣтися ради напѣва, можетъ механически сшиваться изъ обрывковъ почти безъ всякаго вниманія къ содержанію; это предполагаетъ съ одной стороны—паденіе народной поэзіи, зависящее отъ судьбы языка, съ другой—усложненіе музыкальныхъ мотивовъ, т. е. стремленіе выдѣлить и сознать, объективируя въ искусствѣ, чувство, невыразимое словомъ.

Сказанное Ліцарусомъ о нравственномъ развитіи вполовинѣ примѣняется и къ художественному: «Всѣ болѣе благородныя, тонкія и нѣжныя отношенія нравственной жизни могутъ развиться только тогда, когда предшествующія ихъ степени достигли полной ясности сознанія. Нравственная жизнь начинается съ чувствъ и внутреннихъ образовъ (*innere Anschaungen*); эти чувства большею частью темный и неопредѣленный предметъ внутренняго воспріятія (*der inneren Wahrnehmung*), но они могутъ достигнуть опредѣленности, образоваться въ представлія, которыхъ обозначаются и упрочиваются словомъ. Лишь тогда, когда прежнія чувства стали представлениями, возникаютъ изъ нихъ новые, болѣе нѣжныя; отрасли чувства должны стать вѣтвями представлій, и изъ этихъ пускаются новые побѣги; языкъ упрочивается и укрепляется произведенное душою и тѣмъ даетъ ей возможность перейти къ новой творческой дѣятель-

ности. Такъ происходящее облагороженіе человѣка состоить конечно не въ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ первоначальную, естественную жизнь своего чувства предметомъ холодной и отвлеченнай рефлексіи; оно возможно только подъ условиемъ возвышенія естественного міра чувства до степени *духовной* собственности души, до ясныхъ представлений¹⁾). Болѣзньное, разслабляющее дѣйствие анализа своихъ чувствъ происходитъ только отъ неполноты и несовершенства анализа; самъ по себѣ, онъ—могущественное средство человѣческаго развитія. «Такъ и изъ эстетическихъ чувствъ развиваются представлениія, ведущія за собою новыя чувства» и новыя художественные произведенія, быть можетъ нелоказывающія на себѣ предшествующаго имъ разложенія мысли посредствомъ слова, подобно тому, какъ растеніе, повидимому, не носить на себѣ слѣдовъ почвы, на которой выросло.

Таково же отношеніе языка и поэзіи къ другимъ проявленіямъ собственно-умственной жизни. Изъ языка, первоначально тождественного съ поэзіею, слѣдовательно изъ поэзіи, возникаетъ позднѣйшее раздѣленіе и противоположность поэзіи и прозы, которыя, говоря словами Гумбольдта, должны быть названы «явленіями языка». Разумѣется, это можно утверждать только въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится о выдѣленіи изъ поэзіи всѣхъ остальныхъ искусствъ. Какъ скульптура образуется не изъ поэзіи, и, хотя требуетъ извѣстной степени ея развитія, но есть новый актъ творчества; такъ и проза—не изъ поэзіи, но изъ приготовленной ею мысли²⁾). Прозу принимаемъ здѣсь за науку, потому что, хотя эти понятія не всегда тождественны, но особенности прозаического настроенія мысли, требующія прозаической формы, въ наукѣ достигаютъ полной опредѣленности и противоположности съ поэзіею.

«И та и другая идетъ отъ дѣйствительности (въ выше опредѣленномъ смыслѣ) къ чему-то ей непринадлежащему»³⁾.

¹⁾ Das Leb. der Seele II, 202.

²⁾ Ueb. die Versch. 243.

³⁾ Ib. 230.

Дѣйствительность и идея, законъ—моменты общіе и поэзіи, и прозѣ; и въ той и въ другой мысль стремится внести связь и законченность въ разнообразіе чувственныхъ данныхъ; но различіе свойственныхъ имъ средствъ и результатовъ требуетъ, чтобы оба эти направленія мысли поддерживали и дополняли другъ друга до тѣхъ поръ, пока человѣчество «стремится».

«Поэзія береть дѣйствительность въ чувственномъ проявленіи (*wie sie äusserlich und innerlich empfunden wird*), не заботясь о томъ, *почему* (*wodurch*) она—дѣйствительность, и даже намѣренно устранивъ этотъ ея характеръ». Изъ преобразованія чувственныхъ воспріятій, а не изъ какихъ либо другихъ источниковъ, она береть, положимъ, что «у царя Трояна козы уши», но устраняетъ отъ себя повѣрку этого образа новыми воспріятіями, не спрашиваясь, могъ ли Троянъ имѣть козы уши, удовлетворяется тѣмъ смысломъ, какой имѣть этотъ образъ самъ по себѣ. «Проза, напротивъ, допускается въ дѣйствительности именно того, чѣмъ она корениится въ бытіи, тѣхъ волоконъ, которыя связываютъ ее съ этимъ послѣднимъ¹⁾). Въ свою очередь она не признаетъ за фактъ того, что «у Трояна козы уши», прельщаясь тѣмъ, что этотъ образъ ведеть къ сознанію необходимости и связи извѣстныхъ нравственныхъ явлений, или же интересуется этимъ образомъ только какъ феноменомъ душевной жизни поэта и проч.

Въ поэзіи связь образа и идеи не доказывается, а утверждается, какъ непосредственное требование духа; въ науцѣ подчиненіе факта закону должно быть доказано, и сила доказательствъ есть мѣра истины. Доказательство есть всегда разложеніе первоначальныхъ данныхъ, а потому только что высказанную мысль можно выразить и иначе, именно: поэтический образъ не разлагается во время своего эстетического дѣйствія, тогда какъ научный фактъ тѣмъ болѣе для насъ осмысленъ, чѣмъ болѣе раздробленъ, т. е. чѣмъ

¹⁾ Ib. 230—J.

болѣе развило съзѣдній. Отсюда чѣмъ легче апперципируются поэтическіе образы и чѣмъ больше про-исходящее отсюда наслажденіе, тѣмъ совершеніе и законченіе кажется намъ эти образы, между тѣмъ какъ, напротивъ, чѣмъ лучше понимаемъ научный фактъ, тѣмъ болѣе поражаемся неполнотою его разработки. Есть много созданыхъ поэзіею образовъ, въ которыхъ нельзя ничего ни прибавить, ни убавить; но иѣть и не можетъ быть совершенныхъ научныхъ произведений. Такая противоположность поэзіи и науки уясняется, если сведемъ ее на отношеніе простѣйшихъ стихій той и другой, представлениія и понятія. Въ языкѣ поэзіи непосредственно примыкаетъ къ лишеннымъ всякой обработки чувственнымъ данными; представлениѣ, соответствующее идеалу въ искусствѣ, назначенное объединять чувственный образъ, во время апперцепціи слова до тѣхъ поръ не теряетъ своей особности, пока изъ чувственнаго образа не создало понятія и не смѣшалось со множествомъ признаковъ этого послѣдняго. Наука тоже относится къ дѣйствительности, но уже послѣ того, какъ эта послѣдняя прошла чрезъ форму слова; наука невозможна безъ понятія, которое предполагаетъ представлениѣ; она сравниваетъ дѣйствительность съ понятіемъ, и старается уравнять одно съ другимъ, но такъ какъ количество признаковъ въ каждомъ кругу воспріятій неисчерпаемо, то и понятіе никогда не можетъ стать замкнутымъ цѣльнымъ.

Наука раздробляетъ міръ, чтобы съизнова сложить его въ стройную систему понятій; но эта цѣль удаляется по мѣрѣ приближенія къ ней, система рушится отъ всякаго не-вшедшаго въ нее факта, а число фактовъ не можетъ быть исчерпано. Поэзія предупреждаетъ это недостижимое аналитическое знаніе гармоніи міра; указывая на эту гармонію конкретными своимъ образами, нетребующими безконечнаго множества воспріятій, и замѣняя единство понятія единствомъ представлениія, она иѣкоторымъ образомъ вознаграждается за несовершенство научной мысли и удовлетворяетъ врожденной человѣку потребности видѣть вездѣ цѣльное и совер-

шенное. Назначеніе поэзіи—не только приготавлять науку, но и временно устраивать и завершать невысоко отъ земли выведенное ея зданіе. Въ этомъ заключается давно замѣченное сходство поэзіи и философіи. Но философія доступна немногимъ; тяжеловѣсный ходъ ея не внушаетъ довѣрія чувству недовольства одностороннею отрывочностью жизни и слишкомъ медленно исцѣляетъ происходящія отсюда нравственныя страданія. Въ этихъ случаяхъ выручаетъ человѣка искусство, особенно поэзія и первоначально тѣсно связанныя съ нею религія.

Въ обширномъ и вмѣстѣ строгомъ смыслѣ, все достояніе мысли субъективно, т. е. хотя и условлено виѣшнимъ міромъ, но есть произведеніе личного творчества; но въ этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести къ первому науку, ко второму—искусство. Основанія заключаются въ слѣдующемъ: въ искусствѣ общее достояніе всѣхъ есть только образъ, пониманіе коего плаче происходить въ каждомъ, и можетъ состоять только въ неразложенномъ (дѣйствительномъ и вполнѣ личномъ) чувствѣ, какое возбуждается образомъ; въ наукѣ же путь образа и чувство можетъ имѣть мѣсто только какъ предметъ изслѣдованія; единственный строительный материалъ науки есть понятіе, составленное изъ объективированныхъ уже въ словѣ признаковъ образа. Если искусство есть процессъ объективированія первоначальныхъ данныхъ душевной жизни, то наука есть процессъ объективированія искусства. Различие степеней объективности мысли тождественно съ различиемъ степеней ея отвлеченности: самая отвлеченная изъ наукъ, математика, есть вмѣстѣ самая несомнѣнная въ своихъ положеніяхъ, наименѣе допускающая возможность личного взгляда.

Многое заставляетъ предположить, что наша обыденная мысль, которая повидимому только скользитъ по поверхности предметовъ и лишена всякой глубины, что даже эта мысль есть очень сложное и относительно позднее явленіе, составляющее результатъ научнаго анализа, предполагающе еще

болѣе поверхностную мысль. Мы можемъ видѣть это, сравнивши отвлеченность разговорнаго нашего языка съ поэтичностью житейскаго, будничнаго языка простонародья, обративши вниманіе на недостижимую для насъ цѣльность міросозерцанія въ простолюдинѣ. Тогда напр., какъ образованный человѣкъ со всѣхъ сторонъ окруженнъ неразрѣшимыми загадками и за безсвязною дробностю явленій только *предполагаетъ* ихъ связь и гармонію, для народной поэзіи—эта связь дѣйствительно, осознательно существуетъ, для нея нѣтъ незаполненныхъ пробѣловъ знанія, нѣтъ тайнъ ни этой, ни загробной жизни. Наука медленно, но неутомимо разрушаетъ эту узкую, но прекрасную цѣльность; она расширяетъ предѣлы міра (потому что господство поэзіи возможно только тогда, когда напр. земля кончается для насъ тамъ, гдѣ она сходится съ небомъ, когда почти совершенно невозможень вопросъ, на чёмъ держится море, по которому плаваетъ китъ, носящий землю и т. п.), но вмѣсть уменьшаетъ значение известнаго по отношенію къ неизвестному, представляетъ первое только незначительнымъ отрывкомъ послѣдняго. Впрочемъ, должны быть нормальныя отношенія между противоположными свойствами поэтической и научной дѣятельности, должно быть между ними известное равновѣсіе, нарушение коего отзыается въ человѣкѣ страданіемъ. |Какъ мыы при-
нимаютъ въ себя научныя положенія, такъ наука не изгоняетъ ни поэзіи, ни вѣры, а существуетъ рядомъ съ ними, хотя ведеть съ ними споры о границахъ.'
—

Слово только потому есть органъ мысли и непремѣнное условіе всего позднѣйшаго развитія пониманія міра и себя, что первоначально есть символъ, идеаль и имѣеть всѣ свойства художественнаго произведенія. Но слово съ теченіемъ времени должно потерять эти свойства, равно какъ и поэтическое произведеніе, если ему дана столь продолжительная жизнь, какъ слову, кончаетъ тѣмъ, что перестаетъ быть собою. То и другое измѣняется не отъ какихъ-либо посто-

роиныхъ причинъ, а по мѣрѣ достижения своей ближайшей цѣли, по мѣрѣ увеличенія въ говорящемъ и слушающемъ массы мыслей, вызываемыхъ образомъ, слѣдовательно, такъ сказать, отъ своего собственнаго развитія лишается своей конкретности и образности. Напр. пословица «Для дятла клювъ составляетъ зло, бѣду» (потому что охотникъ найдетъ его по стуку, подстережетъ и убьетъ. Срн. Посл. 78) сначала для говорящаго могла относиться къ одному слушаю; но въ душѣ слушающаго она получила болѣе обширное значеніе, т. е. заключенный въ ней образъ вызывалъ идею, бывшъ отнесенъ ко всѣмъ подобнымъ случаямъ съ дятломъ вообще и съ человѣкомъ. Очевидно, что если бы упомянутое выраженіе не достигло такой цѣли, то оно не стало бы пословицей. Но измѣненіе содержанія влечетъ за собою перемѣну самого образа, какую предположимъ въ другой подобной пословицѣ «Свакатища од свог клюна гине». Здѣсь образъ, прежде вполнѣ опредѣленный, допускаетъ уже различныя толкованія; по поводу его мы можемъ думать не только о дятлѣ, который стукомъ клюва невольно открываетъ себя охотнику, но и о всякой птицѣ, которую губить необходимость искать пищи и тѣсть. Потеря символизма и вмѣстѣ эстетического дѣйствія этой пословицы можетъ привести для насъ или отъ убѣжденія, что не всегда мы сами виною своего несчастія¹⁾, или отъ того, что такъ-какъ мы не птицеловы, и имѣемъ другія, самыя разнообразныя занятія, то впечатлѣнія охотничьея жизни, оттѣспленныя другими, не придутъ намъ въ голову по первому вызову. Пословица лишится своего смысла потому, что мы станемъ выше ея. Такъ и выраженіе «какъ въ кремнѣ огонь не виденъ» можетъ превосходно опредѣлять извѣстныя нравственные свойства человѣка только подъ условіемъ нѣкоторой, хотя бы и умышленной, узости пониманія природы камня и огня. Въ

¹⁾ Слѣдовательно отъ безсознательно, быть можетъ, предложеннаго вопроса по какому праву одинъ, именно этотъ признакъ (—представленіе, образъ) служить представителемъ всѣхъ остальныхъ, отъ вопроса объ относительной важности стихій образуемаго понятія.

КОМЪ МЫСЛЬ, что огонь таится въ кремнѣ, совсѣмъ вытье не на болѣе правильными понятіями, для того не существуетъ красота сравненія.

Приведемъ примѣръ подобнаго явленія и въ отдѣльныхъ словахъ. Въ старину распространено было вѣрованіе, что нравственные свойства человѣка зависятъ отъ преобладанія одной изъ стихій, изъ коихъ онъ созданъ. Въ приводимой г. Костомаровы¹⁾ выпискѣ изъ одного рукописнаго сборника читаемъ: «отъ земли тѣло: тотъ человѣкъ темень, пеговорливъ; отъ моря кровь въ человѣцѣ, и тотъ прохладенъ: отъ огня—жаръ: тотъ человѣкъ сердитъ; отъ камени кость: тотъ человѣкъ скупъ, немилостивъ» и пр. Съ настѣ довольно будетъ сказать нѣсколько словъ объ одной стихіи, камнѣ. Указанная здѣсь связь представленій камня—кости²⁾ и скупости вполнѣ народна, потому что подтверждается языкомъ, представляющимъ довольно примѣровъ перехода значенія отъ камня и кости къ скупости³⁾.

Скупость сознавалась въ образѣ камня, кости, пня, предметовъ туго связанныхъ, скатаго вообще и чего-то

1) Очеркъ жизни Великор. Нар. Совр. 1860. X.

2) Кость и камень сближаются въ народной поэзіи, а вѣроятно и въ языкахъ. Ср. Срб. посл. „Месо при кости и земля при кршу“ Срп. посл. 177.

3) а) Камень и скупость: кремень, скунецъ; закирничить, скрѣпиться, поскучить. б) кость и скупость: маклакъ, макльца, кость и скунецъ; маклачить, торговаться, скрягничать, поживляться чужимъ добромъ. Сюда, быть можетъ, относятся погтевий, скупой. Въ языкахъ сродны камень и корень: сл. кор-ень, ко-кора, кор-иа, происходятъ отъ того же корня кр., который въ словѣ кре-мень; при Серб. криш., камень, встрѣчаемъ русск. карша, кирша, сукковатый пень, колода или каряга, мѣшающая ходу судна; по корню сродны коло-да (одного происхожденія съ колотъ) и с-кала, камень, а въ Срб. стѣна, щель и Арх. щелье, гранитный невысокий берегъ моря изъ одного пѣльваго камня. На этомъ основаніи роднятся в) корень и скупость: корень, скряга, сурой, неуступчивый человѣкъ, кокора кержакъ, съ тѣмъ же значеніемъ. Сюда, вѣроятно, слѣдуетъ отнести слова скрыла, скунецъ и общепотребительное скряга. Во всѣхъ приведенныхъ словахъ между значеніемъ камня, кости или корня и скупости посредствуетъ значеніе твердости (Ср. Серб. тверд, твердаи, скупъ, скунецъ). Такимъ образомъ и глаг. жать, образующій названія скупости, предполагаетъ значеніе жать, крѣпко, выжимать до тверда: г) жмыхъ, твердый комъ сѣмени, изъ коего выжато масло и скряга; жмотикъ, жмойда, жморъ, жомъ, скунецъ; комыча, тоже (Ср. сжать въ комокъ), кулакъ, тоже (сжать кулакъ). Наконецъ д) отъ значенія вязать (крѣпко)—крѣпкой, жила, корника, скунецъ (см. Области. слов. и прибавл.).

твёрдаго. Такой взглядъ на нравственное качество человѣка, а вмѣстѣ и такая память внутренней формы, возможны только до тѣхъ поръ, пока мы обращаемъ внимание на одну сторону скупости, именно на отношенія скучаго къ другимъ, на его неподатливость, пока не видимъ, что эта неподатливость можетъ вовсе не быть скупостью. Чѣмъ успѣшиѣ идеть то обобщеніе и углубленіе, къ которому мысль направлена словомъ, и чѣмъ болѣе содерганія накопляется въ словѣ, тѣмъ менѣе нужна первоначальная точка отправленія мыслей (внутр. ф.), такъ что если дойдемъ до понятія о скупости, какъ о преувеличенномъ и ненормальномъ стремлениѣ предпочитать возможность наслажденія благами жизни действительному наслажденію, то необходимо наглядное значение такихъ словъ, какъ *маклакъ, жила*, затеряется въ толпѣ другихъ признаковъ, болѣе для насъ важныхъ и, на нашъ глазъ, болѣе согласныхъ съ действительностью. Такимъ образомъ развитіе понятія изъ чувственного образа и потеря поэтичности слова—явленія взаимно условлены другъ другомъ; единственная причина общаго всѣмъ языкомъ стремленія слова стать только знакомъ мысли, есть психологическая; иначе и быть не можетъ, потому что слово—не статуя, сдѣланная, и потомъ подверженная действію воздуха, дождя и пр.; оно живеть только тогда, когда его произносятъ; его материальность, звукъ, вполнѣ проникнутъ мыслью, и всѣ звуковыя измѣненія, затемняющія для насъ значение слова, исходятъ изъ мысли.

Но какой бы отвлеченности и глубины ни достигла наша мысль, она не отдѣляется отъ необходимости возвращаться, какъ бы для освѣженія, къ своей исходной точкѣ, представлению. Языкъ не есть только материалъ поэзіи, какъ мраморъ—ваянія, но сама поэзія, а между тѣмъ поэзія въ немъ невозможна, если забыто наглядное значение слова. Поэтому народная поэзія при меньшей степени этого забвенія, возстановляетъ чувственную, возбуждающую дѣятельность фантазіи сторону словъ посредствомъ такъ называемыхъ эпическихъ выражений, т. е. такихъ постоянныхъ сочетаний

словъ, въ которыхъ одно слово указываетъ на внутреннюю форму другаго. Въ нашей народной поэзіи есть еще довольно такихъ простѣйшихъ эпическихъ формулъ, которая состоять только изъ двухъ словъ. Упуская изъ виду различія этихъ формулъ, происходящія отъ синтаксического значенія ихъ членовъ («міръ—народъ», «красна дѣвица», «косу чесать», «плакать—рыдать» и пр.), замѣтимъ только, что цѣль этихъ выражений—возстановленіе для сознанія внутренней формы—достигается въ нихъ въ разной мѣрѣ и разными средствами. Ближайшее сродство между наглядными значеніями обоихъ словъ—въ такихъ выраженіяхъ, какъ *косу чесать*, гдѣ оба слова относятся къ одному корню. Отличіе отъ полной тавтологіи (напр. «дѣло дѣлать») здѣсь только въ томъ, что звуковое сродство нѣсколько затерялось. Такія постоянныя выраженія, какъ *чорна хмара, ясная зоря, червона калина*, уже не могутъ быть названы вполнѣ тавтологическими, потому что хотя напр. въ выраженіи *чорна хмара* слово *хмара* само по себѣ означаетъ нѣчто черное, но заключенное въ немъ представление чернаго цвѣта безъ сомнѣнія не то, что въ словѣ *черный*. Этимологія найдеть въ каждомъ языкѣ по нѣскольку даѣтъ неразложимыхъ корней съ однимъ и тѣмъ же, повидимому, значеніемъ (напримѣръ *и*, откуда *иду*, и *ми*, откуда *міръ, мѣра, мѣна*), въ которыхъ однако по теоретическимъ соображеніямъ и по различію производныхъ словъ необходимо предположить первоначальное различіе. Еще дальше другъ отъ друга внутренняя формы словъ въ выраженіяхъ, какъ *дрібенѣ дощѣ*, гдѣ постоянный эпитетъ поясняетъ внутреннюю форму не своего опредѣляемаго, а его синонима (ср. чеш. *sitno pršeti*, гдѣ не только эпитетъ значитъ *мелко*, но и опредѣляемое *pršeti*, дождить (*pršѣ*, дождь) сродно съ *прахѣ*, пыль, и значитъ дождить мелко), гдѣ оба слова связываются третьимъ, невысказаннымъ, нерѣдко уже совершенно забытымъ въ то время, когда эпическое выраженіе еще живетъ, хотя ужеплохо понимается. Во многихъ изъ подобныхъ выражений особенно ясно видно, что народъ при созданіи ихъ руковод-

дился не свойствами новыхъ воспріятій, а именно безсознательнымъ стремлениемъ возобновить забытую внутреннюю форму слова. Напр. постоянный эп. *берегъ—крутої*; хотя множество наблюдений могло убѣдить, что берегъ не всегда крутъ, что сплошь да рядомъ, если одинъ берегъ крутой, то другой—низкий, но эпитетъ остается, потому что слово *берегъ* имѣло и у насъ въ старину, какъ теперь *бризъ* у сербовъ, значеніе горы и находится въ несомнѣнномъ сродствѣ съ нѣмъ. *Berg*. Наконецъ эпитетъ можетъ пояснить не синонимъ своего опредѣляемаго, а слово, съ которымъ это опредѣляемое находится въ болѣе внутренней связи, напр. *горячія слезы*, потому что слезы отъ горя, а горе—горько. Очевидно, что эти выраженія вовсе не то, что обыкновенное чисто синтаксическое измѣненіе прежняго сказуемаго въ опредѣленіе: такому выраженію, какъ *черная собака*, предполагающему предикативное отношеніе *собака черна*, конечно соотвѣтствуетъ выраженіе *горячія слезы*, предполагающія выраженіе *слезы горяки*, но это послѣднее есть постоянное эпич. выраженіе, связанное не прямо единствомъ чувственного образа, какъ выраж. *собака черна*, а посредственно, отразившееся въ самомъ языке связью. И такія формулы могутъ слѣдовательно служить важнымъ указаниемъ для этимолога.

Вслѣдствіе постепеннаго усложненія отношеній между составными частями эпическихъ формулъ, на дѣлѣ бываетъ трудно отличить эти послѣднія отъ неэпическихъ, съ коими они незамѣтно сливаются. Можно только сказать, что чѣмъ больше взглядываешься въ народную пѣсню, сказку, пословицу, тѣмъ болѣе находишь сочетаній, необходимо условленныхъ предшествующею жизнью внутренней формы словъ, тогда какъ въ произведеніи современного поэта такое чутье внутренней формы является только какъ случайность (у Гоголя «*лапы листья*», гдѣ опредѣляющее одного происхожденія съ листъ ср. Лит. *lapas* листъ древесный, съ нашими *лопестокъ*, *лопухъ* и др.), да и не нужно, судя потому, что его отсутствіе ни кѣмъ не замѣчается. Разумѣется, мы

говоримъ не объ отсутствіи пониманія языка вообще, а объ томъ, что новые поэты не такъ проникнуты стариною языка, какъ простонародная поэзія.

Въ столь же тѣсной связи съ языкомъ находятся и болѣе сложный постоянный выраженія народной поэзіи; ихъ послѣдовательная измѣненія можно считать такимъ же возстановленіемъ внутренней формы отдѣльныхъ словъ, какъ и вышеупомянутыя простѣйшія двучленныя сочетанія. Напр. въ слѣдующей малорусской пѣснѣ:

«Зеленая явріопочка!
Чомъ ты мала-невеличка?
Чи ты росту не великого?
Чи коріння не глибокого?
Чи ты листу не широкого?
Молодая Марусечко!
Чомъ ты мала-невеличка?
Чи ты роду не великого?
Чи ты батька не богатого?
Чи ты матки не розумної?»

Сравненіе широты листа съ умомъ матери никоимъ образомъ не можетъ быть выведено изъ непосредственного разложенія воспирятій. Напротивъ, это сравненіе, глубоко коренящееся въ языкѣ и составляющее (въ иѣсколько другой формѣ) общее достояніе славяно-литовскаго племени (а можетъ быть и другихъ индо-европейскихъ племенъ), возможно единственно потому, что въ отдѣльныхъ словахъ существовало до него сближеніе разума и слова, слова и шума, шума листьевъ и ихъ широты. Считаемъ лишнимъ здѣсь доказывать это: если приведенный примѣръ и не годится, то на его мѣсто можно пріискать сотни другихъ, вполнѣ убѣждающихъ, что современная намъ самая мелкая явленія народной поэзіи, построены на основѣ, слагавшейся въ теченіе многихъ тысячелѣтій. Замѣтимъ только, чтобы оправдать употребленное нами слово *возстановленіе*, что возстановленіе внутренней формы есть не безразличная для развитія починка старого, а созданіе новыхъ явленій, свидѣтельствующее объ успѣхахъ

мысли. Новый актъ творчества прибавляеть къ своимъ историческимъ посылкамъ нечто такое, чего въ нихъ не заключалось. Измѣняется не только содержаніе сравненія, но и напряженность сравнивающей силы; обнимая въ единствѣ сознанія отношенія листа, шума, слова и разума, человѣкъ дѣлаетъ больше и лучшее, чѣмъ переходя только отъ шума къ листу. Мѣняются и формы перехода отъ одного члена сравненія къ другому, и смыслъ этихъ измѣнений вполнѣ подтверждаетъ положеніе, что и поэзія не есть выраженіе готоваго содержанія, а, подобно языку, могущественное средство развитія мысли.

Немногія замѣчанія, которыя мы намѣрены сдѣлать объ этомъ, начнемъ со слѣдующаго: всѣ сравненія первобытной и, если такъ можно выразиться обѣ искусствъ, безъискусственной поэзіи, построены такимъ образомъ, что символъ предшествуетъ обозначаемому. Нельзя сказать, чтобы такія очень обыкновенные выраженія, какъ «у хаті въ ї, якъ у віночку; хлібъ випеченої, якъ солице; сама сидинъ, якъ квіточка» (Зап. о Ю. Р.) не были основаны на внутренней формѣ словъ; но выраженный въ нихъ переходъ мысли отъ представлениія главнаго предмета, который и самъ по себѣ ясенъ, къ представлению другаго предмета, прибавляющаго къ первому только новую черту, есть уже довольно сложное и позднее явленіе. Еслибы сравниваемый предметъ первоначально могъ предшествовать своему символу, то слѣдовало бы предположить, что слово можетъ выражать предметъ самъ по себѣ, при чёмъ и самое сравненіе оказалось бы лишнимъ, потому что мысль и безъ него постигла бы сущность предмета. Но сравненіе необходимо: выше мы старались показать, что нельзя представить себѣ первого двучленного предложения иначе, какъ въ видѣ сравненія, что и одно слово въ живой рѣчи есть переходъ отъ чувственного образа къ его представлению или символу, и потому должно быть названо сравненіемъ. И въ словѣ, и въ развитомъ сравненіи исходная точка мысли есть восприятіе явленія, непосредственно дѣйствующаго на чувства; но въ собственномъ сравненіи

это явление апперципируется или объясняется два раза: сначала—непосредственно, въ той половинѣ сравненія, кото-рая выражаетъ символъ, потомъ—посредственно, вмѣстѣ съ этою—во второй половинѣ, содержаніе коей болѣе близко къ самому мыслящему и менѣе доступно непосредственному восприятію. Такъ въ двустишіи:

«Ой зірочка зішла, усе поле освітила,

А дівчина виншла, козаченька звеселила»

поэтическое, образное пониманіе втораго стиха возможно только подъ условiemъ перехода мысли отъ зори къ дѣвицѣ, отъ свѣта къ веселью, потому что хотя слова *зоря*, *дѣвница* и сами по себѣ, каждое по своему, указываютъ на свѣтъ, но это ихъ этимологическое значеніе дается далеко не съ первого разу. Ясно также, что упомянутый переходъ требуетъ не объективными свойствами звѣзды, свѣта, дѣвицы, веселья, а относительно субъективнымъ ихъ изображеніемъ въ языкѣ, отношеніями представленой зори и дѣвицы, свѣта и красоты, свѣта и веселья, установленными только системою языка.

Извѣстно, что содержаніе народной поэзіи составляетъ не природа, а человѣкъ, т. е. то, что есть самаго важнаго въ мірѣ для человѣка. Если человѣкъ обстановливается въ пей картинами природы въ такихъ напр. началахъ пѣсенъ, какъ слѣдующее:

«Летивъ крячикъ на той бочокъ,

Жалібенько крикнувъ;

Горе жъ мені ва чужині,

Що я не привикнувъ», или:

«Подъ горою високою

Голуби літають;

Я роскоши не зазнаю,

А літа минають»,

то это дѣлается не изъ какихъ либо артистическихъ соображеній, не потому, почему живописецъ окружаетъ группу лицъ приличнымъ ландшафтомъ; какъ бы ни былъ этотъ ландшафтъ тѣсно связанъ въ воображеніи живописца съ ли-

цами картины и какъ бы онъ ни былъ необходимъ для эстетического дѣйствія этой картины, но онъ можетъ быть оставленъ въ чернѣ или только намѣченъ, тогда какъ человѣческія фигуры уже окончены, или наоборотъ. Въ поэзіи, на той ступени ея жизни, къ какой принадлежатъ примѣты, подобные приведеннымъ, необходимость начинать съ природы существуетъ независимо отъ сознанія и намѣренія, и потому ненарушима; она, такъ сказать, размахъ мысли, безъ кото-раго не существовала бы и самая мысль. Человѣкъ обращается внутрь себя только отъ виѣшнихъ предметовъ, по-знаетъ себя сначала только виѣ себѣ; внутренняя жизнь всегда имѣеть для человѣка непосредственную цѣну, и со-знается и уясняется только исподволь и посредственно.

Хотя общий тонъ пѣсни опредѣленъ еще до ея начала настроениемъ пѣвца, хотя въ этомъ настроении должны заключаться причины, почему изъ многихъ наличныхъ воспріятій виѣшней природы мысль обращается къ тѣмъ, а не другимъ, почему въ данномъ случаѣ пѣвецъ выразить въ словѣ полетъ птицы, а не другой предметъ, вмѣстѣ съ этимъ обнимаемый его взоромъ; но тѣмъ не менѣе въ началахъ, въ родѣ упомянутыхъ, слышится нѣчто произвольное. Бажется, будто природа импонируетъ человѣку, который освобождается отъ ея давленія лишь по мѣрѣ того, какъ посредствомъ языка слагаетъ виѣшнія явленія въ систему и осмысливаетъ ихъ, связывая съ событиями своей душевной жизни.

Къ положительному сравненію, или что на тоже выйдетъ, къ представлению и значенію, какъ стихіямъ отдѣльного слова, примыкаютъ примѣты. При пѣкоторомъ знакомствѣ съ языкомъ легко замѣтить, что примѣта въ своемъ древнѣй-шемъ видѣ есть развитіе отдѣльного слова, видоизмѣненіе сравненія. Такъ примѣта «если звенитъ въ ухѣ, то говорять объ насъ» образовалась только потому, что до нея было въ языкѣ сравненіе звона со словомъ. Однако примѣта заключаетъ въ себѣ моменты, какихъ не было въ сравненіи. Въ послѣднемъ символъ только приводилъ на мысль значеніе,

и связь между тѣмъ и другимъ представлялась существую-
щю только для мыслящаго субъекта и виѣшнею по отно-
шению къ сравниваемымъ явленіямъ; въ примѣтѣ эта связь
переносится въ самыя явленія, оказывается существенною
принадлежностью ихъ самихъ: крикъ филина можетъ быть
незамѣченъ тѣмъ, кому онъ вѣщуетъ смерть, но тѣмъ не
менѣе этотъ человѣкъ долженъ умереть; лента, видѣнная
мною во снѣ, предвѣщаетъ мнѣ дорогу, хотя я самъ и не
могу объяснить себѣ этого сна. При томъ примѣта предпо-
лагаетъ, что лежащіе въ ея основаніи члены сравненія тѣсно
ассоціировались между собою и расположились такъ, что въ
дѣйствительности данъ только первый, вызывающій своимъ
присутствиемъ *ожиданіе* втораго. Въ сравненіи: «погасла
свѣча, не стало такого то» оба члена или на лицо, или,
если только въ мысли, то такъ, что не требуютъ дополненія
со стороны новыхъ воспріятій; но въ примѣтѣ «его свѣча
(горѣвшая передъ нимъ или въ его рукахъ въ извѣстномъ
торжественномъ случаѣ) погасла, онъ умретъ» второй членъ
есть ожидаемое событие. Почти то же будетъ, если вместо
неизвѣстнаго будущаго поставимъ неизвѣстное же, предста-
вляемое происходящимъ теперь или совершившимся. Во вся-
комъ случаѣ, примѣта по отношенію къ сравненію есть при-
обрѣтеніе мысли, расширение ея горизонта.

Примѣта не есть причинное отношеніе членовъ сравне-
нія: звонъ, слышимый мною въ ушахъ, не производить пе-
ресудовъ обо мнѣ, и хотя находится съ ними въ предмет-
ной связи, но такъ, что связь эта для меня совершенно
неопределена; однако отъ примѣты—ближайшій переходъ къ
причинной зависимости. Образованіе категоріи причины объ-
ясняютъ сочетавшемъ доставляемыхъ общимъ чувствомъ вѣ-
чатлѣній напряженія мускуловъ съ мыслю о желаемомъ
предметѣ. Простѣйшія условія появленія этой категоріи на-
ходимъ уже въ ребенкѣ. Въ немъ воспоминаніе его собствен-
наго крика, требующаго извѣстныхъ усилий, ассоциировалось
съ воспоминаніемъ того, что, вслѣдъ за крикомъ, его на-
чинали кормить; онъ пользуется крикомъ, какъ средствомъ

производить или получать пищу, но еще не имѣеть категоріи причины. Для созданія этой послѣдней нужно перепести отношенія своихъ усилий къ вызываемому ими явленію на взаимныя отношенія предметовъ, существующія независимо отъ мыслящаго лица и постигаемыя имъ только посредственно. Этотъ процессъ застаетъ уже въ языкахъ сравненіе и примѣту и примыкаетъ къ нимъ. Для насъ по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ чарахъ, такъ называемыхъ теперь симпатическихъ средствахъ и тому подобныхъ явленіяхъ, основанныхъ на языкахъ, человѣкъ впервые пришелъ къ сознанію причины, т. е. создалъ ее. Невозможно объяснить, какъ человѣкъ сталъ лечить болѣзнь (рожу и мн. друг.) огнемъ, если упустишь изъ виду, что до этого существовало сравненіе огня съ болѣзнью, представление послѣдней огнемъ; никому бы не пришло въ голову распустить ложные слухи, для того, чтобы отливаемый въ это время колоколь былъ звонче, еслибы еще прежде не было въ сознаніи сближенія звона и рѣчи, молвы. Подобными отношеніями даже въ глазахъ современного простолюдина связано многое въ мірѣ, а прежде было связано все.

Установляемая такимъ путемъ связь между явленіями субъективна съ точки той связи, которая намъ кажется истинною и внесена въ наше міросозерцаніе умственными усилиями многихъ тысячелѣтій; но понятія объективного и субъективного— относительны, и безъ сомнѣнія придется время, когда то, что намъ представляется свойствомъ самой природы, окажется только особенностью взгляда нашего времени. Для пониманія важности, какую имѣть для человѣка совершившийся въ языкахъ переходъ отъ сравненія къ причинѣ, слѣдуетъ представлять эту первобытную категорію причины не неподвижнымъ результатомъ относительно слабой умственной дѣятельности, а живымъ средствомъ познавать новое. Нѣтъ ничего легче, какъ съ высоты, на которую безъ нашей личной заслуги поставило насъ современное развитіе человѣчества, презрительно взирать на все, отъ чего

мы уже отошли на некоторое разстояние. Гордясь напр. тѣмъ, что мы уже не вѣримъ въ примѣты, что мы уже не язычники, безъ особенныхъ усилий мысли можемъ объявить все, связанное съ созданиемъ миѳовъ, за уродливый плодъ болѣзниаго воображения, за горячечный бредъ. Но и при полномъ убѣжденіи въ законности того младенческаго пониманія явлений и ихъ связи, какое видимъ въ языкѣ, весьма трудно заполнить пропасть, отдѣляющую это пониманіе отъ научнаго. Впрочемъ, мысль о непрерывной причинной связи простѣйшихъ проявленій умственной дѣятельности съ наиболѣе сложными давно уже не новость. Мы приведемъ относящееся сюда мѣсто изъ Жань-Поля, который, какъ педагогъ и вообще какъ мыслящий человѣкъ, хорошо понималъ чрезвычайную важность первыхъ шаткихъ шаговъ дѣтской мысли для позднѣйшаго развитія.

«На низшей степени, тамъ гдѣ еще только начинается человѣкъ (и кончается животное) первое легчайшее сравненіе двухъ представлений... есть уже острота (*Witz*)»¹⁾. «Остроумия сближенія суть первородныя созданія стремленія къ развитію, и переходъ отъ игры остроумія къ наукѣ есть только шагъ, а не скачекъ... Всякое изобрѣтеніе есть сначала только острота»²⁾. Остроуміе (*Witz*) есть непосредственное творчество. «Самое слово (*Witz*) обозначало прежде способность знать, какъ и англ. гл. *wit*, знать, существ. *wit*, разсудокъ, разумъ, смыслъ. Вообще довольно часто одно слово обозначаетъ и остроуміе, и духъ вообще:ср. *esprit*, *spirit*, *ingeniosus*».

«Точно такимъ образомъ, какъ и остроуміе, но съ большою напряженностью сравниваетъ и проницательность ума (*Scharfsinn*) и глубокомыслие (*Tiefsinn*)».

¹⁾ Jean Paul's Sämmtl. W. XVIII. Vorschule d. Aesth. § 45.

²⁾ „Die Erstgeburten des Bildungstriebes sind witzige. Auch ist der Uebergang von der Messkunst zu den elektrischen Kunststücken des Witzes... mehr ein Nebenschritt, als ein Uebersprung... Jede Erfindung ist anfangs ein Anfall“. Ib. t. XXIII, 93.

«Съ объективной стороны эти три направлениі разнятся между собою. Остроуміе находитъ отношеніе сходства, т. е. частнаго равенства, скрытаго за бóльшимъ несходствомъ; проницательность—отношеніе несходства, т. е. частнаго неравенства, скрываемаго преобладающимъ равенствомъ; глубокомыслѣ за обманчивою наружностью явленій находить полное равенство»....

«Остроуміе сравниваетъ преимущественно несопоставимыя величины, ищетъ сходства между міромъ тѣлеснымъ и духовнымъ (напр. солнце-истина), другими словами—уравниваетъ себя съ тѣмъ, что виѣ, слѣдовательно—два непосредственныя восприятія (*Anschauungen*).... Отношеніе, находимое остроуміемъ—наглядно» (есть первичное, постигаемое слушателемъ сразу), тогда какъ, напротивъ, проницательность, въ найденныхъ уже отношеніяхъ соизмѣримыхъ и сходныхъ величинъ находящая и различающая новыя отношенія... требуетъ, чтобы читатель (или слушатель) повторилъ за изслѣдователемъ весь трудъ изслѣдованія. Проницательность, какъ остроуміе, возведенное въ степень, сравнивающее не предметы, а сравненія, согласно со своимъ немецкимъ именемъ (*Scharfsinn*; острое раздѣлять, разсѣкаеть), съзнова дѣлить данныхыя уже сходства».

«За тѣмъ развивается третья сила, или лучше сказать одна и та же совсѣмъ всходить на горизонтъ. Это—глубокомыслѣ.... которое стремится къ равенству и единству всего того, что наглядно связано остроуміемъ и разсудочно (*verständig*), разрознено проницательностью. Глубокомыслѣ—сторона человѣка, обращенная къ незримому и высочайшему»¹⁾.

По поводу этой выписки замѣтимъ слѣдующее:

Во первыхъ, на счетъ самого слова *остроуміе*. Никакой разумный педагогъ не усомнится, что игра ребенка за-

¹⁾ Ibid. t. XVIII, § 48.

ключаетъ въ себѣ въ зародышѣ и преобразуетъ позднѣйшую дѣятельность, свойственную только взрослому человѣку, точно такъ, какъ слово есть первообразъ и зародышъ позднѣйшей поэзіи и науки. Извѣстна также характеризующая ребенка смѣлость, съ какою онъ объясняетъ свои наличныя воспріятія прежними: неуклюжій кусокъ дерева превращается въ его воображеніи и въ лошадь, и въ собаку, и въ человѣка въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Дитя совершенно серьезно принимаетъ къ сердцу оскорблѣнія, въ шутку называемыя его куклѣ, потому что апперципировало ея образъ тѣми рядами воспріятій, которые ложатся въ основаніе нашего уваженія къ *человѣческому достоинству, любви къ ближнему и т. п.* и сравняло между собою куклу и себя, предметы для насъ весьма различные. Факты, подобные послѣднему, показываютъ, что считать эти первоначальныя сближенія за остроты въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова — такъ же ошибочно, какъ въ первой дѣятельности ребенка находить границы между трудомъ и развлечениемъ, въ первомъ словѣ — видѣть прилагательное или глаголь. Называя извѣстное сближеніе остроумнымъ, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ въ себѣ сознаніе другихъ отношеній, которыя считаемъ истинными; если же намъ нечemu противопоставить остроты, то она есть для насъ полная истина.

Во вторыхъ: средство, разрушающее прежнія сравненія (и причинныя отношенія сравниваемыхъ членовъ), сила, называемая Жанъ-Полемъ «Scharfsinn», есть не что иное, какъ отрицаніе; по крайней мѣрѣ это послѣднее имѣеть всѣ признаки, находимые Жанъ-Полемъ въ проницательности.

а) Отрицаніе есть отношеніе соизмѣримыхъ величинъ. *Non-A* само по себѣ, независимо отъ всего остального, немыслимо, не заключаетъ въ себѣ никакихъ причинъ, по которымъ оно могло бы прійти на мысль. Полное отрицаніе невозможно. Такъ какъ дѣятельность даетъ мысли только положительныя величины, то отрицаніе должно быть результатомъ извѣстнаго столкновенія этихъ величинъ въ сознаніи.

Какъ происходит это столкновение, можно видѣть изъ слѣдующаго: если кто говоритъ: «эта бумага *не бѣла*», то, значитъ, первое впечатлѣніе заставило его воспроизвести прежнюю мысль о бѣлизнѣ бумаги, а слѣдующее вытѣснило эту мысль изъ сознанія. Первый актъ мысли образовалъ сужденіе положительное, въ которомъ одна стихія вызывала другую, т. е. имѣла съ нею общія стороны; но предикать не могъ удержаться при давленіи слѣдующаго воспріятія, которое будетъ выражено и словомъ, если скажемъ: «это не бѣлая, а сѣрая бумага». Раздѣлимъ противорѣчащіе другъ другу предикаты такимъ количествомъ другихъ актовъ мысли, которое достаточно для того, чтобы, при мысли о сѣрой бумагѣ, помѣшать воспроизведенію мысли о бѣлизнѣ и мы получимъ положительное сужденіе «бумага сѣра». Отсюда видно, что отрицаніе есть сознаніе процесса замѣщенія одного воспріятія другимъ, непосредственно заnimъ слѣдующимъ. Для измѣненія предполагаемаго чистаго *пол A* въ дѣйствительную величину, т. е. въ *неполное отрицаніе*, необходимо прибавить къ нему обстоятельство, вызывающее его въ сознаніе; это обстоятельство можетъ быть только положительной величиною, однородною и сравниваемою съ *пол A*. Легко примѣнить это къ языку и простѣйшимъ формамъ поэзіи. И здѣсь основная форма есть положительное сравненіе; отрицаніе прымкаетъ къ нему, развивается изъ него, *есть* первоначально *отрицательное сравненіе*, и только впослѣдствіи стираеть съ себя печать своего происхожденія. Какъ будто нѣсколько книжная пословица «власть не сласть, а воля не завидная доля» возможна только потому, что въ языкѣ роднятся представлениа свободы и счастія, что воля есть именно завидная доля. Кашевская пословица «тьма не єсть людей, но валить ихъ съ ногъ» предполагаетъ мысль, что тьма дѣйствительно єсть людей, что будетъ понятно, если вспомнимъ, что *тьма* (поль. *ѣма*, ночной мотылекъ) есть миѳическое существо, тождественное съ сер. вѣштицею, съѣдающею сердце. Такъ и во многихъ другихъ слу-чаяхъ. Поэтому намъ кажется весьма древнею такая форма

отрицания, въ которой этому послѣднему предшествуетъ утвердительное сравненіе:

И по той бікъ гора,
И по сей бікъ гора,
А міжъ тими та гіроньками
Ясная зоря;
Ой тожъ не зоря,
Ой тожъ не ясна,
Ой тожъ, тожъ моя та дівчинонька
По воду пішла.

Судя по сжатости и темнотѣ, позднѣе упомянутой, такая форма, въ которой положительное сравненіе не выражается словами:

Не буйные вѣтры понавѣяли,
Незваные гости понаїхали.

Примѣненіе созданныхъ уже категорій къ наукѣ въ сущности есть повтореніе тѣхъ приемовъ мысли, коими создавались эти категоріи. Первое научное объясненіе факта соотвѣтствуетъ положительному сравненію; теорія, разбивающая это объясненіе, соотвѣтствуетъ простому отрицанію. Для человѣка, въ глазахъ которого рядъ заключенныхъ въ языкѣ сравнений есть наука, мудрость, поэтическое отрицаніе есть своего рода разрушительная критика.

б) Изъ предшествующаго видно и второе сходство отрицанія съ проницательностью, именно большая сложность сочетаний въ отрицаніи, чѣмъ въ сравненіи. Вирочемъ, эта сложность безъ дальнѣйшихъ опредѣлений столь же мало можетъ быть исключительнымъ признакомъ отрицанія, какъ и предполагаемая его пониманіемъ необходимость прослѣдить весь предшествующій ходъ мысли. Не то ли самое въ сложномъ сравненіи, напр. листьевъ съ разумомъ, или пера со словомъ?

Хотя исходная точка языка и сознательной мысли есть сравненіе и хотя все же языкъ происходитъ изъ усложненія этой первоначальной формы, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы мысль говорящаго при каждомъ словѣ должна была

проходить всѣ степени развитія, предполагаемыя этимъ словомъ. Напротивъ, въ большинствѣ случаевъ необходимо забвеніе всего предшествующаго послѣдней формѣ нашей мысли. Какимъ образомъ, напр., возможно было бы существованіе научнаго понятія о силѣ, если бы слово *сила* (корень *си*, вязать) постоянно приводило на мысль представленіе *взанѣя*, бывшее однимъ изъ первыхъ шаговъ мысли, идеализирующей чувственная воспріятія, но уже постороннее для понятія силы?

Языкъ представляетъ множество доказательствъ, что такія явленія, которыя, повидимому, могли бы быть непосредственно сознаны и выражены словомъ, на самомъ дѣлѣ предполагаютъ продолжительное подготовленіе мысли, оказываются только послѣднею въ ряду многихъ предшествующихъ, уже забытыхъ инстанцій. Таковы напр. дѣятельности *бѣжать*, *дѣлать*, предметы въ родѣ частей тѣла и проч. Предположимъ напр., что слово *гр*, *гар* (или какая нибудь болѣе древняя его звуковая форма) имѣть первоначальное значеніе горѣнія и огня. Въ этомъ словѣ апперципируется потому уменьшеніе горючаго матеріала при горѣніи и уменьшеніе снѣди, по мѣрѣ того какъ Ѣдять, откуда слова *жерѣти*, *жратѣ*, получаютъ значеніе *пестъ*. Въ словѣ съ этимъ послѣднимъ значеніемъ сознается чувственный образъ горла, которое сначала представляется только пожирающимъ, истребляющимъ пищу, подобно огню. Такое значеніе апперципируетъ образы, обозначаемые тѣми же, или подобными звуками: Mr. *жерело*, *гирло* (устье). Br. *жерло* и т. п. Преобладающее въ послѣднихъ словахъ значеніе отверстія (кажется болѣе сложное, чѣмъ зн. человѣческаго горла) очень далеко отъ первоначального значенія огня, и потому не приводить его на память; степень забвенія мысли *A* соотвѣтствуетъ количеству другихъ мыслей, отдѣляющихъ ее отъ *B*, которое въ эту минуту находится въ сознаніи; благодаря этому въ приведенномъ выше примѣрѣ мысль можетъ сосредоточиться на значеніи отверстія, не возвращаясь на пути, которыми пришла къ его сознанію.

По мѣрѣ того, какъ мысль посредствомъ слова идеализируется и освобождается отъ подавляющаго и раздробляющаго ее вліянія непосредственныхъ чувственныхъ восприятій, слово лишается исподволь своей образности ¹⁾). Тѣмъ самымъ полагается начало прозѣ, сущность коей—въ извѣстной сложности и отвлеченности мысли. Нельзя сказать, когда начинается проза, какъ нельзя точно опредѣлить времени, съ которого ребеноокъ начинаетъ быть юношой. Первое появленіе прозы въ письменности не есть время ея рожденія, еще до этого она уже есть въ разговорной рѣчи, если входящія въ нее слова—только знаки значеній, а не, какъ въ поэзіи, конкретные образы, пробуждающіе значеніе.

Количество прозапискихъ стихій въ языке постоянно увеличивается согласно съ естественнымъ ходомъ развитія мысли; самое образование формальныхъ словъ—грамматическихъ категорій есть подрывъ пластичности рѣчи. Проза рождается не во всеоружіи, и потому можно сказать, что прежде было ея меньше, чѣмъ теперь. Тѣмъ не менѣе, не противорѣча мысли, что различныя степени живости внутренней формы словъ въ различныхъ языкахъ могутъ условливать большую или меньшую степень поэтичности народовъ, что напр. такие прозрачные языки какъ славянскіе и германскіе, болѣе выгодны для поэтическаго настроенія отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ французскій, слѣдуетъ прибавить, что неѣть такого состоянія языка, при которомъ слово тѣми или другими средствами не могло получить поэтическаго значенія. Очевидно только, что характеръ поэзіи долженъ меняться отъ свойства стихій языка, т. е. отъ направленія образующей ихъ мысли и количества предполагаемыхъ ими степеней. Исторія литературы должна все болѣе и болѣе сближаться

¹⁾ Мы вигдѣ здѣсь не упоминали о происхожденіи формальныхъ, или, какъ говорить Гумбольдтъ, „субъективныхъ“ словъ, „исключительное содержаніе коихъ есть выраженіе личности или отношенія къ ней“, но полагаемъ, что и эти слова, подобно „объективнымъ, описательнымъ и повѣствовательнымъ, означающимъ движенія и пр. безъ отношенія въ личности“ (Hum. üb. die Versch. 114, 116, 122), что и эти слова въ свое время не были лишены поэтической образности.

сь исторією языка, безъ которой она такъ же ненаучна, какъ физиология безъ химії.

Важность забвенія внутренней формы—въ положительной сторонѣ этого явленія, съ которой оно есть усложненіе, или, какъ говорить Ляцарусь, *сгущеніе* мысли. Самое появление внутренней формы, самая апперцепція въ словѣ сгущаетъ чувственный образъ, замѣняя всѣ его стихіи однимъ представлениемъ, расширяя сознаніе, сообщая возможность движения большими мысленными массамъ¹⁾). За тѣмъ, въ ряду выростающихъ изъ одного корня представлений и словъ, изъ коихъ послѣдующія исподволь отрываются отъ предшествующихъ и теряютъ слѣды своего происхожденія, сгущеніемъ можетъ быть названъ тотъ процессъ, въ силу котораго становится простымъ и нетребующимъ усилия мысли то, что прежде было мудрено и сложно. Многіе на вопросъ, ходятъ ли они, воспринимаютъ ли извнѣ дѣйствія, какъ *копать*, *рубить*, или качества, какъ *зелень* и проч., отвѣтятъ утвердительно, не обративъ вниманія на противорѣчіе, заключенное въ вопросѣ (чувственное восприятіе качествъ или дѣйствія, вообще неподлежащаго чувствамъ) и не думая о томъ, что можно вовсе не сознавать ни дѣйствія, ни качества. Извѣстно, что птица, добытая трудомъ многихъ поколѣній, потому легко дается даже дѣтямъ, въ чёмъ и состоитъ сущность прогресса; но менѣе извѣстно, что этимъ прогрессомъ человѣкъ обязанъ языку. Языкъ есть потому же условіе прогресса народовъ, почему онъ органъ мысли отдѣльного лица.

Легко увѣриться, что широкое основаніе дѣятельности потомковъ, приготовляемое предками—не въ наследственныхъ физиологическихъ расположенияхъ тѣла, и не въ вещественныхъ памятникахъ прежней жизни. Безъ слова человѣкъ остался бы дикаремъ среди изящнѣйшихъ произведений искусства, среди машинъ, картъ и т. п., хотя бы ви-

¹⁾ Steinth. Gr. L. v. Ps. 331, 334. Zeitschr. f. Philos. v. Fichte etc. XXXII. 218.

дѣлъ на дѣлъ употребленіе этихъ предметовъ, потому что какъ же учить нѣмымъ примѣромъ даже наукамъ, требующимъ наглядности, какъ передать безъ словъ такія понятія, какъ наука, истина и пр.? Одно только слово есть *monumentum aere perennius*; одно оно относится ко всѣмъ прочимъ средствамъ прогресса (къ которымъ не принадлежитъ ихъ источникъ, человѣческая природа) какъ первое и основное.

Мысль о наслѣдственности содержанія языка заключаетъ въ себѣ противорѣчіе и требуетъ нѣкоторыхъ дополненій. Возможность объяснить значеніе языка для мысли вся основана на предположеніи, что мысль развивается извнутри; между тѣмъ *сообщеніе* опыта, какъ чего-то виѣшняго, нарушаетъ эту субъективность развитія. Выше мы видѣли, что языкъ есть полнѣйшее творчество, какое только возможно человѣку, и только потому имѣеть для него значеніе; здѣсь возвращаемся къ упомянутому уже въ началѣ факту, что мы перенимаемъ, беремъ готовый языкъ, фактъ, который одинаково можетъ быть обращенъ и противъ мнѣнія о сознательномъ изобрѣтеніи, и о безсознательномъ возрастаніи языка изъ глубины души. Эти недоумѣнія не трудно разрешить на основаніи предшествующаго.

Что *передаемъ* мы ребенку, который учится говорить? Научить, какъ произносятся звуки, мы не можемъ, потому что сами большую частью не знаемъ, да еслибы и знали, то учитъ бы могли только на словахъ. Дитя произносить звуки, т. е. въ немъ такъ же дѣйствуетъ тѣлесный механизмъ, какъ и въ первомъ человѣкѣ; оно любить повторять услышанные слова, причемъ создавало бы новые членораздѣльные звуки въ силу дѣйствія виѣшнихъ впечатлѣній, если бы не было окружено уже готовыми. Даже тогда, когда мы прямо показываемъ, какъ обращаться напр. съ пениемъ; мы не передаемъ ничего, и только возбуждаемъ, даемъ другому случай получить впечатлѣніе, которое внутренними, почти неизслѣдимыми путями проявляется въ дѣйствіи. Еще менѣе возможна передача значенія слова. Значеніе не пере-

дается, и повторенное ребенкомъ слово до тѣхъ поръ не имѣть для него смысла, пока онъ самъ не соединить съ нимъ извѣстныхъ образовъ, не объяснить его воспріятіями, составляющими его личную, исключительную собственность. Апнерцепція есть конечно явленіе вполнѣ внутреннее. Дитя можетъ придавать суффиксу — *овъ* значение лица, производящаго то, что обозначено корнемъ, можетъ думать, что Пороховъ — тотъ, что порохъ дѣлаетъ; но всякое ложное пониманіе было бы невозможно, еслибы значеніе давалось извѣтъ, а не создавалось понимающимъ.

Говорящіе даютъ ребенку только случай замѣтить звуки. По выражению Ляцаруса, воспріятіе ребенкомъ пустаго звука можно сравнить съ астрономическимъ открытиемъ, что на такомъ то мѣстѣ неба должна быть звѣзда; открытие самой звѣзды, условленное этимъ — то же, что созданіе значенія звука. Мы уже упомянули, что сознаніе въ словѣ многихъ предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, является относительно поздно. Безъ помощи языка, въ которомъ есть сл. *горло*, столько же поколѣній должно бы было трудиться надъ выдѣленіемъ горла изъ массы прочихъ воспріятій, сколько нужно было для созданія самого слова *горла*; современный же ребенокъ, въ которомъ безсознательно сложилась мысль, что слово что нибудь да значитъ, скоро и легко объяснить себѣ звуки упомянутаго слова образомъ самого предмета, на который ему указываютъ. Образъ этотъ не смѣшается съ другими, потому что обособляется и сдерживается словомъ, которое съ нимъ связано. При этомъ путь мысли ребенка сократился; онъ сразу, минуя предшествующія значенія (напр. огня и пожиранія), нашелъ искомое значение слова.

Извѣстно, что слова съ нагляднымъ значеніемъ понимаются раньше отвлеченныхъ, но ходъ пониманія тѣхъ и другихъ въ общихъ чертахъ одинъ и тотъ же. «Положимъ, говоритъ Ляцарусъ, что дитя имѣть уже извѣстное число образовъ съ соответствующими имъ словами: бѣсть, пить,ходить, бѣжать и проч.; оно еще не умѣеть выразить сво-

ихъ отношений къ этимъ образамъ: *хочетъ* бѣть, но говорить только: «*ѣсть*», взрослые говорятъ между собою и къ нему: «*мы хотимъ єсть*», и дитя замѣчаетъ сначала это слово, а потомъ и то, что желаніе предшествуетъ исполненію. Дитя хочетъ пить и протягиваетъ руку къ стакану, и у него спрашиваютъ: *хочешь* пить? Оно видѣтъ, что желаніе его понято и названо словомъ *хочешь*. Такъ выявляется и значение словъ ты, мы, мой, твой и пр. Кто держить вещь, тотъ говорить «*мое*» и за тѣмъ не отдаетъ другому; кто даетъ, тотъ говорить «*твое*» и т. д. ¹⁾). Начало пониманію отвлеченного слова полагается его сочетаниемъ съ конкретнымъ образомъ (напр. *мое* съ образомъ лица, которое держить), откуда видно, что напр. мѣстоименіе, замѣченное ребенкомъ, сначала для него вовсе не формальное слово, по становится формальнымъ по мѣрѣ того, какъ прежняя его сочетанія съ образами разрушаются новыми. Еслибъ притяжательное *мой* слышалось ребенкомъ лишь отъ одного лица и обѣ одной только вещи, то хотя бы оно и не слилось съ образами этого лица и этой вещи (если и то и другое имѣеть для него свое имя), но не на всегда осталось бы при узкомъ значеніи такой то принадлежности такому то человѣку; мѣстоименіе обобщается отъ нерѣмѣнны его обстановки въ рѣчи. Здѣсь видно, какъ различно воспитательное вліяніе языковъ, стоящихъ на разныхъ степеняхъ развитія внутренней формы. Быстрое расширение пониманія слова ребенкомъ оканчивается тамъ, гдѣ остановился самъ языкъ; затѣмъ начинается то медленное движеніе впередъ, результаты коего обнаруживаются только столѣтіями. Въ одномъ изъ Малайскихъ языковъ (на островахъ Дружбы) личные мѣстоименія не отличаются отъ нарѣчій мѣста: *мишъ* значить вмѣстѣ и *слода* (къ говорящему), *тебъ—туда* (по направлению ко второму лицу), напр. «Когда говорили *слода* многія женщины», т. е. говорили памъ; «я можетъ быть говорилъ *туда* неразумно», т. е.

¹⁾ Das Leben der Seele. II, гл. 3.

сказаъ вамъ глупость. Такой языкъ не можетъ образовать понятія о лицѣ независимо отъ его пространственныхъ отношеній; но если бы въ европейцѣ сложилось сочетаніе мѣстоименія съ представлениемъ движенія, направленія, то это сочетаніе было бы немедленно разорвано другими, уничтожающими всякую мысль о пространствѣ.